

СЛАВЯНЕ

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Annotation

В статьях сборника впервые на междисциплинарном уровне рассматривается проблема этногенеза славян в историко-культурном аспекте в связи с процессами этнической истории индоиранских, итало-иллирийских, кельтских, германских народов. Дается характеристика начальных стадий этнического процесса славянства, развития его этнических связей в лесной зоне Восточной Европы.

Книга предназначена для специалистов в области гуманитарных наук, сотрудников музеев, всех, интересующихся проблемами ранней истории славян.

СЛАВЯНЕ

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЛАВЯНЕ. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ (Междисциплинарные исследования)

Межвузовский сборник

Под редакцией

доктора филологических наук А. С. Герда, доктора исторических наук Г. С. Лебедева

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1989

ББК 63.5 С47

В статьях сборника впервые на междисциплинарном уровне рассматривается проблема этногенеза славян в историко-культурном аспекте в связи с процессами этнической истории индоиранских, итало-иллирийских, кельтских, германских народов. Дается характеристика начальных стадий этнического процесса славянства, развития его этнических связей в лесной зоне Восточной Европы.

Книга предназначена для специалистов в области гуманитарных наук, сотрудников музеев, всех интересующихся проблемами ранней истории славян.

Рецензенты: д-р ист. наук А. Н. Кирпичников (ЛО ИА АН СССР), чл.-кор. АН СССР (ЛЧ ИЭ АН СССР) К. В. Чистов

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета

Научное издание Славяне Этногенез

и этническая история (Междисциплинарные исследования)

Межвузовский сборник Редактор И. П. Комиссарова Художественный редактор В. В. Пожидаев
Обложка художника С. В. Алексеева Технический редактор А. В. Борщева Корректоры Л4. В. Унковская,
Н. В. Ермолаева ИБ № 3270

Сдано в набор 16.03.89. Подписано в печать 28.09.89. М-24259. Формат 60ХЭО'/и.

Бумага тип. №2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уел. печ. л. 11 + вкл. на мел. бум. 0,25+0,25 вкладка. Уел. кр.-отт. 11,81. Уч.-изд. л. 13,53.

Тираж 2780 экз. Заказ №372. Цена 1 р. 90 к.

Издательство ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская иаб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

© Издательство Ленинградского университета, 1989

„ 0501000000—157 _

C 076(02)—8919—90

ISBN 5-288-00428-5

Содержание

- Предисловие. °А. С. Герд. О некоторых вопросах теории этногенеза
- °Ю. М. Лесман. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов
- °Н. Н. Цветков. Антропологический материал как исторический источник
- °И. И. Земцовский. Этническая история и музыкальный фольклор
- °Ю. С. А. Лаучюте. О методике балто-славянских исследований
- °В. В. Мартынов. Славянский, итальянский, балтийский (глотогенез и его верификация)
- °Ю. В. Откупщиков. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело)
 - °А. И. Зайцев. Реки индоевропейской прародины
 - °М. Б. Щукин. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян
 - °В. А. Ушинкас. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов
 - °В. А. Булкин. А. С. Герд. К этноисторической географии Белоруссии
 - °В. Е. Еременко. Археологическая карта милоградской культуры ☐ Приложение. Каталог памятников милоградской культуры (номера памятников соответствуют номерам на рисунках 1, 2)
- °Г. С. Лебедев. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза
- °П. В. Шувалов. Славяне и Германцы в Среднем Подунавье в 488/489-566 568 гг
- °Д. А. Мачинский. Территория "Славянской прародины" в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. - XI в. н. э. (контуры концепции)
- °Т.Н. Джаксон. Север Восточной Европы в этногеографических традициях древнескандинавской письменности (к постановке проблемы)
 - °Т. Капелле. Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов
 - °В. Я. Конецкий. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII-X вв
 - °Т. В. Рождественская. О письменных традициях в Северной Руси (IX-X вв,) (к постановке проблемы)
- Литература
- Список сокращений

Предисловие.

В феврале 1982 г. при кафедре археологии Ленинградского университета начал свою работу Межфакультетский семинар по проблемам этногенеза и этнической истории. Семинар сразу же объединил археологов, лингвистов, этнографов, историков средневековья. С тех пор на протяжении вот уже семи лет аудитория семинара не редет, а растет от заседания к заседанию.

Во-первых, с самого начала его создания семинар был ориентирован не на изложение и доказательство отдельных, по- своему очень важных и даже новых идей археологов, лингвистов и этнографов, а на решение одной общей для гуманитариев методологической проблемы: как вести и строить этногенетические исследования, каков должен быть сам тип работ по этногенезу; во-вторых, доклады, сделанные на семинаре, всегда отличались достаточно высоким научным уровнем; в-третьих, у членов семинара установился прочный союз с молодежью, со студентами, аспирантами - условие, уже не раз дававшее новую жизнь старым идеям и рождавшее новые мысли именно в университетской аудитории.

Начиная с 1982 г. с докладами на семинаре выступили: Н. И. Толстой (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР), Г. А. Хабургаев (Моск. ун-т), В. В. Мартынов (Ин-т языкознания АН БССР), М. Б. Щукин (Гос. Эрмитаж), Д. А. Мачинский (Гос. Эрмитаж), Ю. В. Откупщиков (Ленингр. ун-т), И. М. Дьяконов (Ин-т востоковедения АН СССР), В. В. Седов (Ин-т археологии АН СССР), Г. Л. Курбатов (Ленингр. ун-т), Н. Н. Цветкова (Ленингр. ун-т), И. И. Земцовский, В. А. Лапин (Ин-т театра, музыки кинематографии), А. М. Микляев (Гос. Эрмитаж), В. А. Булкин (Ленингр. ун-т), П. В. Шувалов (Ленингр. ун-т), А. Н. Анфертьев (Ленингр. часть Ин-та этнографии АН СССР), В. А. Ушинокас (Ленингр. ун-т), Ю. М. Лесман (Гос. Эрмитаж), Т. Капелле (Геттингенск. ун-т), Р. Я. Денисова (Ин-т истории АН ЛатвССР).

Активное участие в работе семинара, помимо названных лиц я авторов представляемого читателю сборника, принимали К. В. Чистов, С. А. Аверина, Л. В. Капорулина, М. Б. Попов, О. А. Черепанова, Е. Д. Савенкова, И. С. Лутовинова, Н. И. Платонова, М. В. Рождественская.

Уже простое сопоставление содержания сборника и приведенного перечня докладчиков показывает, что сборник лишь частично отражает богатый опыт семинара. В то же время сборник передает саму направленность его работы, дух семинара, основные выводы, к которым пришел его коллектив в разработке проблемы этногенеза славян.

А. С. Герд. О некоторых вопросах теории этногенеза

Историческая наука знает немало книг и статей, которые озаглавлены "Этногенез и этническая история...", и далее следует название того или иного народа. В большинстве из них, однако, понятия *этногенез* и *этническая история* никак не определяются.

В БСЭ (М., 1957. Т. 49) этногенез трактуется как происхождение народа. В Словаре современного русского литературного языка АН СССР в 17 т. этногенез определяется как происхождение какого-либо народа, народности, племени, племенной группы, что вряд ли точно по самой сути. Наиболее удачное определение находим в Советской исторической энциклопедии (СИЭ) - "процесс сложения новой этнической общности на базе различных ранее существовавших этнических компонентов" (Т. 16).

Это же определение в сокращенном виде повторено в последнем издании БСЭ (М., 1978. Т. 30); здесь же указано, что этногенез - это начальный этап этнической истории. И хотя в БСЭ и в СИЭ подробно говорится об изучении этногенеза, ни в БСЭ, ни в СИЭ, ни в 17-томном Словаре современного русского литературного языка не указывается, что термин "этногенез" обозначает также и совокупность исследований, направленных на выяснение происхождения народа. Этногенетические выводы, построения - почти всегда сторонний, побочный продукт исследования, как в археологии, так и в языкознании и антропологии. При довольно большом числе конкретных исследований по этногенезу отдельных народов у нас мало работ, поднимающих проблемы теории собственно этногенетических исследований [62, с. 31 -32].

В книге В. П. Алексеева удачно обобщены и обсуждены многие фундаментальные проблемы теории этногенеза, такие" как понятие историко-этнографической общности в ее взаимосвязи с понятиями историко-этнографическая область, провинция, страна, район, этногенетических пучков, целостности этногенетического процесса и др. [14, с. 3 - 34]. Тем не менее, не определены и не очерчены по объему такие понятия, как объект этногенеза, его методы, формы представления данных.

Этногенез - предмет исследования разных наук. По-видимому, с самого начала следует разделить объекты таких сопредельных в этой области наук, как археология, языкознание и этнография. Так, целесообразно различать, во-первых, историю языка (диалекта), историю этноса и этническую историю ареала. История языка, историческая диалектология изучают развитие диалекта как системы в принципе, вне привязки к конкретному народу. Обращаясь в далекое прошлое, мы видим, что неплохо знаем структуру многих языков, но нередко мало знаем о народах, которые на них говорили. Предмет исторической диалектологии - не история формирования населения, не история этноса, а история диалекта, история регионального языка [58]. И история диалекта, и история этноса в своей эволюции могли быть связаны с различными ареалами, и не только с теми, на которых они находятся сегодня.

Так, например, предмет истории языка, исторической диалектологии не история формирования этноса, а история диалекта. Археология изучает историю вещей и археологических культур. Этнография - историю становления форм народной культуры, форм хозяйственно-культурных типов. Отсюда логически вытекает и обратное, что и этногенез отнюдь не является основным объектом изучения ни в археологии, ни в этнографии, ни тем более в антропологии или языкознании (по-видимому, было бы весьма желательно

обсудить на страницах журнала "Советская этнография" место и роль этнографии и этнографов в разработке проблем этногенеза; вполне возможно, что эта роль - в более углубленной разработке теории этноса, традиции, самих понятий "этногенез", "этническая история", "этнические процессы"). Объект этногенетических исследований - история формирования населения на данной территории во всем многообразии его этнических типов (*демогенезис*). Причем в теоретических работах этногенетического плана история его формирования изучается комплексно - по итогам различных наук о человеке; исследуются его антропологический облик, психология, деятельность, занятия и миграции в разные исторические эпохи, его история как этнической целостности. Л. Н. Гумилев подчеркивает комплексный характер "этнологии", объединяющей гуманитарные и естественные дисциплины [75, (С. 20)].

В книге В. П. Алексеева намечены и основные проблемы этногенеза (классификация первичных форм этногенеза, их последовательность во времени, местоположение в пространстве).

При этом большое самостоятельное значение приобретает этническая история ареала. Объект изучения этнической истории ареала - история тех этносов, которые некогда функционировали на данной территории. Например, этническая история южного Приладожья - это история и дофинского населения, и населения прибалтийско-финского, и славянского, история этнических миграций и волн, заливавших этот регион в разные исторические эпохи.

Именно с вопросом об объекте исследования связан и вопрос об ареальных трансформациях. Как известно, языки уходят, мигрируют, исчезают, меняется и этнос, а население, "демос" территории в данном ареале, как правило, не (исчезает).

Исследователь этногенетических проблем не занимается детальным изучением состава и структуры той или иной культуры или языка. В целом ему уже должны быть известны все факты или большинство из них. Перед ним качественно новая задача - анализ этих фактов в свете совсем новых задач, стоящих перед ним: этнической истории демоса, населения.

Изучение типа языка, археологической или этнографической культуры - объект собственно археологических, этнографических и лингвистических исследований.

Исследователь проблем этногенеза не входит, да и не может уже входить во все сугубо специальные споры о природе и характере явлений (суффиксов, корней, слов, типов обряда, происхождения вещей).

Вопросы этногенеза следует отграничивать от специфических проблем антропогенеза, хотя и нельзя в ряде случаев исключать их соприкосновение в процессе изучения.

Должна ли теория этногенеза стремиться к установлению параллелизма между демогенезисом отдельных групп населения и стадиями развития человека, например от неандертальца к кроманьонцу? Казалось бы, вполне естествен отрицательный ответ. Все, однако, не так просто, как может показаться на первый взгляд. В археологии и этнографии немало сделано для реставрации образа жизни первобытных палеолитических собирателей и охотников, в физиологии - по определению этапов эволюции речевого аппарата, звукообразования, в психологии - по выявлению стадий развития мышления. Антропология довольно успешно восстанавливает древние антропологические типы. Наконец, лингвистика располагает большим числом фактов, характеризующих древнейшие стадии развития языков. Следует ли стремиться к сопоставлению этих данных? Думается, что, в конечном счете, в аспекте комплекса наук о человеке, в изучении самого человека (как вида *Homo sapiens*) такие осторожные сопоставления окажутся не лишними.

В последние годы в языкознании наметилось оживление интереса к теории стадияльного развития языков. По-видимому, теория стадияльности имеет непосредственное отношение к проблеме этногенетических исследований, однако следует с большой осторожностью относиться к установлению непосредственных и прямых параллелей между стадиями развития языков и стадиями общественного развития.

Весьма примечателен и, вероятно, заслуживает особого внимания сам факт, что именно объекты наук о человеке, объекты, представляющие как результат деятельности человека, обнаруживают порой совершенно исключительное ареальное-типологическое тождество в самых различных концах земного шара (сходство вещей, реалий, обрядов, корней слов и т. п.).

В теории этногенеза все многообразие споров вокруг этой проблемы пока сводится обычно только к двум крайним точкам зрения - моногенезис или полигенезис. Именно это еще раз свидетельствует о том, что теория этногенеза может развиваться далее только как междисциплинарная наука, неотрывная от всех наук о человеке, от истории становления культуры и цивилизации в целом.

На выводах, каких дисциплин могут базироваться этногенетические исследования? Это археология, лингвистика, этнография, антропология, психология, фольклористика, музыковедение, источниковедение, историческая география, экономическая география, палеозоология, палеоботаника, палеонтология и, конечно, история как таковая. Добротное и полное таксономическое описание своих объектов в каждой из этих наук составляет материал этногенетических работ. Для этногенеза особенно важны различные своды, реестры, компендиумы фактов типа атласов, словарей, каталогов, картотек и других "банков данных".

Однако непосредственным источником этногенетических исследований являются не столько сами труды и описания этих наук во всей полноте и логике их анализа, сколько результаты подобных работ, отдельные итоги, релевантные для теории этногенеза. Так, от лингвистики теория этногенеза требует, в частности, не только этимологии слова, но и точных ареалов изолексов, географии слов в их конкретной форме и в данном определенном значении. Здесь особенно важна роль производных, где и когда возникла эта форма, как и откуда она попала на данную территорию, в этот диалект. Для теории этногенеза релевантна и география литературных слов. На большом ареале они дают яркие и крупные зоны. Литературные в одном языке - они нередко диалектные уже в соседнем. Для этногенеза важен и групповой анализ лексики по тематическим группам слов. Довольно сложным и спорным при привлечении лингвистических данных является вопрос о том, насколько от ареала к ареалу, от языка к языку должна сохраняться устойчивость значения слова, связанного с обозначением реалии, каков допустимый диапазон семантического варьирования слова.

Фактором, благоприятно сказывающимся на результатах ареальных этнолингвистических работ, является массовость лингвистического материала (множество суффиксов, слов по ареалам, бесконечное число их семантических вариаций и тонких переходов от одной локальной зоны к другой). Эта массовость дает особенно яркие результаты, когда перед нами однородный материал, например, десятки фиксаций слова в разных контекстах из одного и того же района, сотни фиксаций слова в разных значениях из смежных ареалов. Именно такой массовый диалектный материал мы находим в лучших картотеках и словарях славянской региональной лексики. Конечно, эта массовость материала не возникает сама собой. Она - следствие регулярных многолетних экспедиций, заранее ориентированных именно на фиксации одного и того же слова во множестве контекстов в различных ареалах, на обязательную сдачу всех

материалов в ту или иную центральную картотеку. Количество фиксаций из одного региона косвенно свидетельствует и об активности явления.

Массовость материала по смежным территориям порождает его непрерывность. Так, например, мы располагаем сегодня огромными непрерывными фондами славянских лексических материалов от Печоры, Мезени и Белого моря до Белоруссии включительно и Прикарпатья.

В целом лингвистических работ этногенетической направленности не так много. Далеко не во всех из них интерпретация границ, ареалов, связей занимает должное место. Среди актуальных задач назовем дальнейшую конкретизацию субстратных микротипов, расширение работ по отдельным тематическим группам лексики, таким, как гончарство, рыболовство, строительство, охота, пища, ткачество.

Редкое положение наблюдается с лексикой рыболовства; мы располагаем сегодня монографиями и словарями по рыболовецкой лексике почти по всем крупным водоемам Европейской России и других славянских стран.

Каковы основные пути лингвистических исследований в области этногенеза? Это - этимология, география отдельных форм, слов, основ (значений) и слов по тематическим группам, определение междиалектных, межъязыковых связей, создание атласов и словарей.

"Краеугольным" вопросом теории этногенеза сегодня является вопрос о методах анализа материала. Специалист по этногенезу оперирует не столько непосредственными объектами археологии, лингвистики, этнографии, сколько их итоговыми описаниями. При этом он одновременно вырабатывает свою рабочую модель этногенетического анализа. И здесь крайне важным является вопрос о форме представления данных.

Казалось бы, занимаясь этногенезом, мы должны сравнивать разные состояния, зафиксированные в лингвистике, археологии, этнографии. Обычно, однако, мы сопоставляем происхождение, географию и хронологию отдельных элементов. Переход в перспективе на уровень сравнения типов представляет собой первый шаг к сопоставлению разных состояний как макросистем, состояний, которые нуждаются в последующей этногенетической интерпретации. При этом в ряде случаев следует сравнивать не абсолютные хронологические состояния, а состояния качественно и типологически общие.

Каждый из нас (лингвист, археолог, антрополог), реконструируя, восстанавливает некоторое фактическое состояние, но насколько оно может быть интерпретировано этногенетически?

В целом ряде случаев реконструкция и даже хронология пластов, стадий может быть довольно успешной как в археологическом, так и в языковом, этнографическом и антропологическом аспектах, но определить типы этноса, соотносимые с теми или иными стадиями, все равно будет невозможно. Вот почему в более общем случае целесообразно говорить именно об изучении демогенезиса как такового.

По-видимому, только с переходом к выработке этногенетических моделей разных типологических состояний этноса теория этногенеза сможет включить в себя достижения системного анализа. Интересным и перспективным представляется типологическое сопоставление моделей отдельных изолированных локальных узлов, зон, изученных лучше других. Так, например, если достичь одинаковой, единообразной формы представления археологических, лингвистических, этнографических данных, весьма перспективно

сопоставление, например, Балкан, Полесья и Русского Севера. Метод строгого сопоставления моделей, эталонов, разных состояний изолированных локальных зон особенно значим для больших территорий, когда нет сплошной выборки материала, где нельзя построить карту в ее непрерывности.

Методы математической статистики, к сожалению, требуют довольно большого объема данных. В то же время эти методы позволяют ярко и объективно показать распределение объектов между собой, их взаимоотношения, корреляции, найти явления средние, типические, сильные и слабые, отделить ядро от периферии. Форма представления данных здесь - разные виды распределительных рядов, графики. Порой важен и простой учет концентрации фактов по ареалам.

Вопрос о форме представления данных - это вопрос о *метаязыке* научного описания в теории этногенеза. По-видимому, он не должен быть ни языком археологов, ни языком лингвистов или антропологов. Это должен быть простой, естественный язык описания новых форм представления фактов.

Обычно лингвисты ждут от археологов и этнографов подтверждения своих гипотез, археологи от лингвистов - своих. Однако цель исследования - не только в подтверждении результатов, полученных в смежных дисциплинах. При всей значимости и определяющей роли таких совпадений по-своему не менее значимы и несовпадения фактов, и игнорировать их нельзя.

Романтически заманчивый и увлекательный синтез достижений лингвистики, археологии, этнографии в этногенетических целях требует осторожности и осмотрительности. Кажется, что сегодня одна из немногих возможных и приемлемых для всех форм представления данных и точек сопряжения воедино наших общих усилий - это *карта*. Однако и здесь все не просто. Лингвистическая география сильна теорией, принципами, массовостью материала, который на картах образует огромные непрерывные ареалы по всей карте родственных языков. Именно непрерывность языковых данных на больших территориях позволяет применять такие методы, как определение связей и противопоставленности отдельных зон, ареалов, структурно-типологическое сопоставление локальных микроузлов, выявлять разные типы самих противопоставлений. На языковых картах хорошо выделяются пучки изоглосс, макро- и микрозоны. В принципе такими же картами могла бы располагать и этнография.

Весьма сложной представляется для комплексной теории этногенеза, например, интерпретация глубинных изоглосс (индоевропейских, урало-алтайских и т. п.).

В дальнейшей разработке применительно к теории этногенеза нуждаются и такие понятия, как реконструкция, этногенетическая карта, типы ареалов, типы границ на карте, процесс и хронология, миграция, трансформация, союз и ассимиляция; в частности, вопрос о том, какова может быть этногенетическая карта с точки зрения теории картографирования, как будто бы даже не ставился.

Археология, дающая относительную хронологию вещей и культур, по-видимому, не готова сегодня к созданию сводных атласов отдельных объектов и явлений. В археологии особое значение приобретает изучение типологического сходства вещей на больших, подчас отдаленных, территориях, что в лингвистике применяется реже. Однако при всех сложностях поиска точек соприкосновения разных наук, связанных с этногенезом, их надо искать.

Конечно, до определенного момента каждый исследователь подолгу работает на своем материале, но сама эта работа должна быть проблемно-ориентированной на решение именно этногенетических вопросов. Последнее условие как раз встречается довольно редко, даже среди археологов и лингвистов.

Разумеется, и здесь остаются свои спорные вопросы: как долго представители каждой науки должны работать лишь на своем материале, нужна ли вообще. «Стыковка» знаний, а если нужна, то когда и на каком этапе? Всем нам - лингвистам, археологам, антропологам, этнографам, музыковедам - надо научиться понимать характер данных и результаты каждой из наук. Новое, оригинальное часто рождается на стыке разных наук, но, родившись, оно должно стать предметом самостоятельного изучения. Отдельным, самостоятельным, а не побочным объектом изучения должен стать и этногенез, но новое направление на определенном этапе рано или поздно потребует и новых оригинальных форм, подготовки специалистов нового типа [34; 75].

Таким образом, и в термине "этногенез" следует выделить - два значения: 1) происхождение и формирование этноса; 2) наука, изучающая происхождение этноса, этническую историю ареала (здесь синонимами выступают словосочетания "этногенетические исследования", "исследования по этногенезу").

Итак, объект изучения в исследованиях этнографической направленности - только один: полная и целостная этническая? история народа, начиная с древнейших времен до наших дней.

Ю. М. Лесман. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов

Для подавляющего большинства археологических (как, впрочем, и для лингвистических, исторических, а иной раз даже этнографических) работ характерно сочетание полного невнимания к тому, что представляют собой этнические процессы, с оперированием терминами "этнический", "этнокультурный", "этногенез" и т. д. Этнографами выработано определение этноса (или этника - этноса в узком смысле): "Этнос - исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая общими сравнительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании" [350 с. 11]. При этом этнографам удалось выявить основные признаки-характеристики этноса и причины, обусловившие его формирование. В дальнейшем рассмотрении мы будем исходить из: указанного понимания этноса¹.

Диапазон общностей, охватываемых этим определением, достаточно велик - от семьи, родовой (клановой) группы до нации и метаэтнической общности [34, с. 47, сл.]. Для задач нашей статьи этот диапазон целесообразно сузить, так как в ней затрагиваются проблемы общностей надличностного уровня [ср. 197]. Именно большие этнические общности (собственно этносы) и интересуют исследователей, занимающихся процессами этнической истории. В рамках этнического процесса целесообразно выделить три основных этапа развития этноса - этногенез, (возникновение этноса), этноэволюционный этап и этап исчезновения этноса (первый и последний Ю. В. Бромлей определяет как этнотрансформационные) [34].

Необходимым условием реконструкции этнических процессов (как и любых процессов) является знание внутренних механизмов и закономерностей их развития. Очевидно, что такие закономерности не могут быть выявлены лишь при изучении древних обществ. Основным источником должно стать этнографическое изучение живых коллективов с развитием их культуры, языка, самосознания и т. д., т. е. выявление механизмов и закономерностей этнических процессов является фундаментальной задачей этнографии. Однако на сегодняшний день эта проблема остается одной из самых неразработанных [195, 196]. Так, например, Ю. В. Бромлей в обобщающей работе рассматривает проблему генезиса народностей, ограничиваясь лишь набором примеров, иллюстрирующих разнообразие ситуаций [34, ос. 237-282]. В общем виде некоторые особенности этнических процессов описывает коммуникационная (информационная), модель, предложенная С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым, которые предположили, что "механизм существования этнических общностей... основывается главным образом на связях, которые могут быть описаны в рамках понятия информации" [19, с. 18].

При этом критерием разделения этносов и их типов является интенсивность (плотность) потоков информации. При всей малой реальности количественного измерения этих потоков, а также ряде передержек в самой концепции она по сути своей представляется плодотворной.

Попытаемся проанализировать существование такого явления, как этнос, с позиций *информационной модели*. Учитывая, что основной характеристикой, без которой этноса просто не существует, является этническое самосознание (т. е. сознание единства членов этноса и их противопоставления остальным людям), условием существования этноса можно считать *информационную проницаемость* общности (сама общность может иметь самые разнообразные проявления), т. е. наличие у всех ее членов устойчивой

информации о "своих" и о существовании вне нее "чужих". Отсутствие такой проницаемости делает невозможным возникновение этноса, а ее исчезновение ведет к исчезновению этноса. В синхронном аспекте проницаемость существующего этноса дополняется традиционным *этническим самосознанием* (этнической памятью - проницаемостью в асинхронном аспекте), которое может существовать некоторое непродолжительное время (до нескольких поколений), даже после исчезновения всех остальных аспектов единства этноса. Поэтому исчезновение синхронной проницаемости может некоторое (подчас продолжительное) время компенсироваться наличием асинхронной.

Попытаемся рассмотреть с позиций информационной модели начальный этап этнического процесса - этногенез. Для возникновения этноса можно назвать несколько необходимых условий. *Первым* является культурное единство формирующейся этнической общности (характер и глубина этого единства априорно, а тем более однозначно неопределимы). *Вторым* условием является территориальная непрерывность или, по крайней мере, наличие устойчивых средств коммуникации между всеми частями территории. *Третьим* - наличие языка общения, что и обеспечивает обмен информацией внутри общности. Требование единства языка, безусловно, является завышенным, достаточно ситуации билингвизма, так же как завышенным является требование политического (потестарного) единства, не говоря уже о единстве антропологическом (что ни в коей мере не отвергает наличия единства по всем перечисленным параметрам у большинства формирующихся этносов). Однако для осознания своего единства и противопоставления себя окружающим (т. е. для возникновения собственно этноса) этого недостаточно. Необходимо, чтобы члены рассматриваемой общности располагали информацией о своем единстве, отличающем их от окружающих, т. е. чтобы общность была информационно проницаема. Существенно также, чтобы представления о единстве и особенности были актуальны для членов общности.

Информационная проницаемость, очевидная для нового времени, не столь очевидна уже для эпохи средневековья, а тем более для первобытности. В условиях континентальной лесной зоны (северной или тропической, по-видимому, принципиального значения не имеет) и характерной для нее островной системы расселения (господствовавшей здесь, как показывают археологические материалы, на протяжении тысячелетий, а в ряде регионов вплоть до нового времени) подобная проницаемость для эпохи первобытности проблематична. Связана она с двумя явлениями: достаточно быстрыми миграциями и повышенной мобильностью населения в переломную эпоху, предшествовавшую формированию раннеклассового общества (так называемая эпоха "военной демократии"). Быстрые миграции в лесной зоне затруднены и сравнительно редки (в отличие от достаточно типичных постепенных инфильтраций), а процесс формирования раннеклассового общества в лесной зоне Восточной Европы начинается лишь во второй половине I тыс. н. э. Сказанное относится к зонам с островной системой расселения и затрудненными связями между островами расселения (хозяйство населения каждого островка было ориентировано на автономное или почти автономное существование). В условиях пестроты ландшафтов, "а границах ландшафтных зон, побережий или зон, дающих возможность легкого передвижения (степи), информационная проницаемость заселенной территории резко возрастала, что неизбежно должно было облегчать и ускорять процесс этногенеза. Однако частые миграции (типичные для степной зоны и некоторых прибрежных районов) прерывали процесс этногенеза еще до его завершения [223]. Стимулировало и резко ускоряло ход этногенетического процесса соседство с уже существующими этносами, а особенно с государственными образованиями (информационная проницаемость при этом могла обеспечиваться активностью более развитого общества-соседа), в то время как вхождение в него в зависимости от конкретной ситуации могло, как стимулировать, так и затормозить (и даже прервать, или предотвратить) этногенез.

Существование единого славянского этноса, возникшего не позже, чем накануне переходного этапа к сложению раннеклассового общества, можно предполагать исходя из наличия у славян X - XI вв. некоторых элементов общего самосознания [194]. Зону, в которой протекал этногенез славян, следует искать в первую очередь в лесостепи, скорее всего, на южной границе леса или в предгорьях Карпат среди общностей, обладающих некоторым культурным единством, непрерывной территорией, общепонятным языком и единым наименованием (если оно известно). В качестве факультативных критериев могут быть привлечены политическое и языковое единство, единство для всей общности наименования ее соседями.

В соответствии с изложенной точкой зрения становится понятным более раннее возникновение этносов в ландшафтно пестрой Западной Европе и быстрое формирование неустойчивых, часто незавершенных этносов в степях. Следует сделать и еще один важный вывод: по крайней мере, в лесной зоне Восточно - Европейской равнины, - устойчивых этнических общностей, вплоть до раннего средневековья, по-видимому, вообще не существовало². Быстрые миграции компактных и значительных групп населения (в отличие от постепенных расселений) были здесь крайне редким явлением, а этническое самосознание, если и возникало, то, скорее всего, постепенно атрофировалось в условиях почти полной изоляции от внешнего мира небольших групп населения и при отсутствии письменно зафиксированной традиции (возможно, именно такова судьба носителей фатьяновской культуры, если существовал этнос ее создавший). В таком случае бессмысленным становится само обсуждение целого ряда эпох в истории Восточной Европы, что естественно не снимает вопроса о происходивших здесь культурных, языковых, антропологических процессах и их взаимосвязи.

Попытаемся проанализировать процесс возникновения этноса по свидетельствам отражения этого процесса в культуре, языке, антропологическом облике. Допустим, что оговоренные выше условия формирования этноса выполнены. Тогда этногенезу должна непосредственно предшествовать проницаемость, как самой общности, так и ее территории для чуждых явлений, что проявляется особенно ярко, если у формирующегося этноса не было непосредственных предшественников в виде крупных устойчивых общностей. Для материальной культуры такими инородными явлениями оказываются *импорты вещей* и следы: влияния соседних культур, для языка - серии *заимствований*, для антропологического типа - появление *чуждых для серии показателей*. Возникновение этноса (т. е. завершение процесса этногенеза) приводит к консолидации общности, что с наибольшей вероятностью должно проявляться в большей определенности культурных границ (их не следует смешивать с территориальными границами культуры, которые при этом часто становятся неустойчивыми, имея тенденцию к расширению), унификации культуры в рамках этноса или чаще резкое возрастание темпа *унификации и консолидации культуры* (при этом унификация может происходить и по заимствованным образцам). Аналогичные явления происходят и с языком, причем возможный на этапе этногенеза билингвизм постепенно изживает себя (он может иметь место лишь в зоне экспансии этноса, но это будет уже билингвизм в первую очередь представителей пассивной стороны). Изменения антропологического облика являются здесь не столь надежным показателем, так как частая в этой ситуации экспансия этноса приводит к увеличению пестроты антропологического состава.

Этногенез мог идти разными путями, в зависимости от того, на какой основе он происходил: на базе неэтнической группы, становящейся этносом, или на базе развития и экспансии малой этнической группы, или на базе интеграции соседних групп, или в процессе дробления, а возможно, и исчезновения более крупного этноса. Однако рассмотрение механизма этногенеза под этим углом зрения представляет собой

отдельную задачу, решение которой остается пока недостаточно ясным. В частности, уловить исчезновение этноса без специальных полевых этнографических исследований значительно сложнее, чем зафиксировать его появление, так как априорно не известно, какие из элементов культуры, языка, антропологического облика явятся последней отличительной чертой того или иного этноса. В какой-то мере исчезновение старого этноса может маркироваться появлением на его месте нового (особенно если при этом происходит изменение этнических границ) при условии, что

представители старого этноса не переселились на другую территорию и не вошли в состав нового как этнос более низкого уровня, или же новый не является малым в составе старого этноса.

Попытаемся теперь в общих и весьма гипотетических чертах рассмотреть проблему *славянского этногенеза*. Наиболее вероятной зоной возникновения славянского этноса является северная граница лесостепи и предгорья Карпат. Поиск периодов, которые удовлетворяли бы построенной модели, заставляет нас исходя из археологических материалов ограничиться лишь двумя моментами восточно- и центральноевропейской истории: периодом сложения *зарубинецкой культуры* - II в. до н. э. - и периодом сложения *культуры пражского типа* - V в. н. э. Возникновение зарубинецкой культуры связано с миграционными движениями с Северо-Запада, однако интенсивной консолидации здесь не прослеживается, скорее, имеет место постоянное размывание единства, к тому же изначально не полного. По всей вероятности, этногенез, если он и происходил, то еще в период миграции. Сложению культуры пражского типа предшествует интенсивное проникновение в лесостепное пограничье, северо-восточные предгорья Карпат Черняховских и других импортов, после чего наступает интенсивная консолидация культуры и ее экспансия. В VI и отчасти VII вв. памятники пражского типа почти неотличимы на огромных территориях Восточной и Центральной Европы. Процессы, отвечающие предложенной модели, происходили, по всей вероятности, и в языке [28; 372, с. 246 - 249; 373, с. 136, сл.]. Антропологические данные из-за малочисленности могильников и распространения обряда кремации отсутствуют. Именно в это время известия о славянской общности и ее наименовании появляются в письменных источниках. Хотя вопрос, естественно, нельзя считать полностью решенным, существенным аргументом в пользу приуроченности славянского этногенеза к периоду сложения пражской культуры является сам факт протекавшего здесь, насколько можно судить, сложения новой этнической общности, не сопоставимой ни с кем, кроме славян.

Рассмотрение этногенеза древнерусской народности показывает, что и он отвечает предложенной модели. Для VIII - X вв. - характерны невиданные ранее проникновения в самую глубь восточноевропейской территории больших серий импортов, массивные внешние влияния. В X - сер. XI вв. происходит консолидация и унификация культуры, т. е.

¹ Вместе с тем мы осознаём недостаточную теоретическую, методическую и практическую обоснованность приведенного определения, принимая его лишь в первом приближении.

² При этом следует учитывать все возрастающие сомнения в универсальности института племени [530 с. 144]. Ранние "этнические" общности ("этноязыковая непрерывность", "контактная этническая общность" и др.) [43 с. 85; 56, с. 54, 55, 77, 78] не могут в принятой системе понятий рассматриваться как этнические, так как не имеют самосознания.

Н. Н. Цветков. Антропологический материал как исторический источник

При решении исторических проблем этногенеза письменные источники и археологические данные намного информативнее, чем антропологические материалы. Однако при их отсутствии антропологические данные могут оказаться единственным историческим источником. Информативная ценность всех видов источников убывает по мере углубления в прошлое, но с различной скоростью. К тому же эти скорости весьма отличаются для разных регионов, так как зависят от плотности населения, наличия и глубины традиций письменности, способа письменности, природных условий, в том числе факторов, способствующих сохранению остатков материальной культуры либо приводящих к их разрушению, расположения региона относительно путей передвижения. В старых центрах цивилизации антропологические материалы приобретают заметное значение лишь для эпох, отделенных от нас несколькими тысячелетиями, но для островных, периферийных, слабозаселенных районов роль антропологических источников может оказаться существенной уже для давности в несколько веков. Первые попытки использования антропологического материала для разработки вопросов этногенеза [5; 6; 88; 134; 42; 205] были предприняты в России еще во второй половине XIX в. Так, изучением этногенеза русского народа, по данным краниологии, занимался один из самых известных русских антропологов А. П. Богданов, для работ которого характерно подчинение собственно антропологических исследований задачам разрешения общих исторических и этногенетических проблем [31]. Выдающаяся роль в разработке принципов использования антропологического материала как исторического источника принадлежит Г. Ф. Дебецу. Именно его исследования, и прежде всего уникальная сводка палеоантропологического материала [85], ввели данные антропологии в круг источников по этнической истории народов СССР, в особенности ее ранних периодов [172]. Работы, использующие антропологические материалы в качестве исторического источника, - одно из ведущих направлений и в современном советском расоведении. Этническая антропология в СССР развивалась в непосредственном контакте с этнографией и археологией, поэтому наибольшее число исследований посвящено этногенезу и этнической истории. Самое распространенное направление этногенетических исследований - определение *антропологического типа* и его происхождения. Работы советских антропологов в этом направлении исключительно многочисленны, и в настоящее время в СССР нет народов, антропологические особенности которых не были, бы изучены [11; 16; 17]. В послевоенный период детально изучены, причем для различных исторических эпох, особенности физического типа населения Прибалтики [51; 89; 90; 225], русских [318; 9; 15], украинцев [72; 109; 143; 176; 177], белорусов [336; 359 - 360],.. финно-угорских народов [3; 4; 224; 419], народов Кавказа [Ц. 12; 53; 54], Средней Азии [63; 290; 291] и Казахстана [157],.. Сибири [13; 86; 204]. При характеристике антропологических черт того или иного народа использовались комплексные антропологические материалы и палеоантропологические, и краниологические (т. е. близкие к современности серии), и соматологические, охватывающие практически всю историю человечества и позволяющие представить отдельные этапы этнической истории. Одним из условий успешного расового анализа является полная сопоставимость результатов исследований разных авторов. Более половины программы по изучению живого населения состоит из антропоскопических (описательных) признаков, определение которых не всегда объективно. К сожалению, современные способы получения соматологических данных страдают методической неоднородностью, и результаты разных исследователей на одной и той же популяции могут отличаться чрезвычайно сильно. Попытки устранения субъективности предпринимались неоднократно, однако в настоящее время не выработаны общепризнанные рекомендации, которые помогли бы довести методические различия до приемлемого уровня. Эти рекомендации трудно выработать, так как методика должна быть практичной; в условиях массового

обследования, простой и быстрой, не требующей сложного оборудования. Требованиям массовой работы максимально удовлетворяет *фотометрия* [41; 292; 398] - методика быстрая, бесконтактная, информационно насыщенная, допускающая отложенную во времени обработку. Использование всех этих преимуществ возможно лишь при условии широкого привлечения вычислительной техники к обработке данных. Сравнительно недавно антропологи стали использовать при массовых обследованиях населения системы признаков дерматоглифики [144], одонтологии [397], серологии [294; 295]. Их таксономическая ценность обусловлена рядом особенностей? Эти признаки имеют наследственную основу, не меняются с возрастом и мало зависят от внешней среды. Они не связаны с другими системами признаков; не являются адаптивными и потому нейтральны к действию отбора. Многие из них отличаются филогенетической древностью (например, лопатообразность передних верхних резцов отмечена у синантропа). Кожные узоры ладоней и пальцев, особенности зубной системы дифференцируют человечество от уровня больших рас до рас второго порядка, а иногда и до отдельных этнотерриториальных групп. Стоит еще заметить, что одонтологические данные, полученные для современных популяций, легко сопоставляются с древними сериями. Роль одонтологических данных можно проиллюстрировать на примере марийцев. Как и другие финно-угорские народы, марийцы содержат в своем составе монголоидную примесь, которая у луговых мари выражена сильнее, чем у горных. Эту примесь обычно возводят к неолиту и связывают с субуральским и сублапоноидным элементами в этногенезе марийцев. Однако данные одонтологии убеждают в необходимости пересмотра вопроса о времени появления и природе монголоидной примеси [145]. Вероятно, в одонтологическом типе марийцев нашла отражение примесь одного из средневековых народов Поволжья, южного Приуралья или степной полосы европейской части СССР. В частности, такой умеренно монголизованный тип был характерен для древних булгар. Однако в настоящее время, естественно, невозможно указать, какой именно исторический народ принес этот инородный компонент в одонтологический тип марийцев. Помимо характеристики антропологического типа и выяснения его истоков, важным направлением исследований в этнической антропологии является оценка степени *совпадения антропологических и этнических границ*. Как показали работы советских антропологов, между расой и этносом существует принципиальное различие, как между явлениями биологического и социального порядка [84]. И в то же время развитие общества, его история, некоторые особенности хозяйственно-культурной жизни влияют на характер расообразовательных процессов и могут привести к изменениям антропологического типа населения [19]. Наиболее четко связь антропологического типа с этническими границами проявляется в группах с относительно малой численностью - так называемых изолятах, для которых характерна эндогамия [33]. Случаев совпадения этнических границ с антропологическими становится все больше по мере увеличения древности. Начиная с эпохи средневековья и ранее отмечаются антропологические различия между балтами, финнами и славянами, выявляются определенные различия между отдельными племенами финнов и славян. Но даже случаи несовпадения антропологических и этнических границ представляют определенный интерес для исследователя, так как указывают направление дальнейшего исследования - выявление причин сохранения антропологического облика. Помимо проникновения в глубокую древность, антропологическое исследование четко фиксирует появление инородных этнических элементов. Появление новых черт в языке и культуре не обязательно свидетельствует о притоке нового населения, так как эти элементы могли быть заимствованы в процессе культурного взаимодействия народов. Но появление новых антропологических черт всегда связано с притоком нового населения, ибо антропологические особенности распространяются при переселениях людей, или в результате брачных отношений. Именно антропологические данные служат показателем переселений. Анализу роли миграций населения в различные периоды истории человеческого общества была посвящена статья В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлей [8]. В ней рассматриваются социальные и этнические последствия завоеваний; большое внимание уделяется процессам ассимиляции и взаимоотношениям субстрата и суперстрата. С помощью

антропологических данных удалось убедительно показать, что далеко не всегда при полной ассимиляции, когда языком-победителем становится язык пришельцев, суперстрата, мы имеем дело с малочисленным субстратом. Антропология дает значительное число примеров, свидетельствующих о высоком удельном весе субстрата в формировании народов, язык и культура которых связаны с пришельцами. Чаще всего - это синтез двух этносов. Так, например, была разрешена проблема происхождения осетин. Осетины - единственный ираноязычный народ Северного Кавказа, родственник по языку средневековым аланам. Очень долго в науке бытовало представление о том, что аланы дали начало осетинскому народу. Некоторые исследователи прямо ставили знак равенства между аланами и осетинами. Но этому противоречат антропологические данные. Осетины - явные представители кавкасионского типа, аланы - представители совершенно иного типа - узколицевого варианта европеоидной расы. Различия между осетинами и аланами по скуловой ширине максимальны в пределах европеоидной расы. Генетического родства между этими типами нет. Таким образом, пришлое аланское население передало местному свой язык, оказало влияние на культуру, но физически современные осетины в большей мере связаны с доаланским населением предгорий Кавказа. Аналогично разрешается проблема происхождения балкарцев и карачаевцев. Они тюркоязычны, поэтому в литературе господствовала гипотеза их тюркского происхождения. Но по антропологическим признакам они также типичные кавкасионцы, следовательно, истоки их этногенеза - местные. Вероятно, в середине XIII в. тюркоязычные кипчаки под давлением монголо-татар переселились с равнины в ущелья Кавказского хребта, передали местному населению свой язык и оказали влияние на его культуру, а в физическом облике балкарцев и карачаевцев сохранились черты древнего местного населения. Другая группа кипчаков (половцев), бежавших от монголов, компактно переселилась в Венгрию. На этой территории до сих пор сохраняются антропологические особенности, свойственные тюркоязычным половцам, хотя в культурно-языковом отношении местное население ничем не отличается от других венгров [455]. Таким образом, потомки одной группы половцев сохранили язык, но их антропологические особенности растворились в субстрате, а потомки другой группы ассимилировались, но сохранили заметные следы своего происхождения в антропологическом облике. Эти примеры, число которых можно увеличить, показывают, что антропологический материал в ряде случаев дает возможность отказаться от традиционной точки зрения о высоком удельном весе пришлого населения в сложении новых этнических общностей и выявить преобладание физических черт местного субстратного населения. Обобщением подобных примеров является тезис, сформулированный Г. Ф. Дебецом, М. Г. Левиным и Т. А. Трофимовой, согласно которому антропологические типы, как правило, не распространяются без культуры и языка, в то время как язык и культура могут распространяться и независимо от антропологического типа [87; 206]. Этот тезис становится чрезвычайно важным, когда для решения этногенетических проблем привлекаются антропологические материалы, и мы рассмотрим его подробнее. Предположим сначала, что этнос-потомок, возникший из двух (иногда бывает и более!) этносов-"родителей", "наследует" их этнические признаки - антропологический тип, язык, культурно-экономический тип - независимо один от другого. Исключив для упрощения случаи смешения, рассмотрим лишь ситуации, в которых побеждает признак одного из "родителей". Теоретически возможны 8 комбинаций, сведенных в таблицу. Буква "П" в клеточке обозначает, что этнос-потомок имеет признак этноса-пришельца, буква "М" - признак местного этноса.

№	Антропологический тип	Язык	Культурно-экономический уклад
1	М	П	П
2	М	П	М
3	М	М	П
4	М	М	М

№	Антропологический тип	Язык	Культурно-экономический уклад
5	П	П	П
6	П	П	М
7	П	М	П
8	П	М	М

этнические признаки

Попытаемся подобрать исторические примеры для каждого из восьми вариантов (с неизбежными упрощениями). 1. О. Питкерт; большая часть вепсского населения в процессе колонизации. 2. Балкарцы, карачаевцы (см. выше). 3. Охотники прерий (преимущественно культурные заимствования). 4. Булгарское завоевание территории современной Болгарии; завоевание Египта гиксосами. 5. Меря, чудь заволоцкая - славянская колонизация. На варианты 1-5 примеры подбирать несложно; их число можно легко увеличить. А примеров на варианты 6 - 8 практически нет! Именно это и подтверждает иллюстрируемый нами тезис. Правда, возможны и исключения. Приведенные примеры соответствуют наиболее часто встречающейся ситуации, когда пришлое население занимает на какое-то время господствующее положение на новой территории; обычно это связано с завоеванием территории. Однако распространение антропологического типа может быть следствием и такого перемещения человеческих масс, когда пришлое население занимает подчиненное или, во всяком случае, не очень заметное положение. При этом может возникать очаг нового антропологического типа, не сопровождаемый переносом языка и культуры. Примерами могут служить "палоци" - уже упоминавшиеся потомки половцев в Венгрии, или негры США; оба примера соответствуют в таблице варианту 8. Антропологические особенности не остаются постоянными, а изменяются во времени, в условиях изоляции, под воздействием естественной и социальной среды. Изменение антропологического типа во времени было открыто Г. Ф. Дебецом на палеоантропологических материалах с территории СССР [85], а затем обнаружено и на других территориях. Эпохальные изменения антропологических признаков нашли выражение в процессах брахикефализации и грацилизации, проявляются независимо от этноса и территории и отчасти сближают этносы между собой. Поэтому антропологические данные с одной территории, разделенные значительным интервалом времени, необходимо рассматривать с учетом эпохальной изменчивости, даже в случае исторически зафиксированных миграций. Например, на территории Приуралья на протяжении почти двух тысяч лет сохранялся однородный местный антропологический тип, несмотря на интенсивную иммиграцию, следы которой прослеживаются по разнообразию археологических культур. Различия в физическом облике населения этой территории объясняются в основном эпохальными изменениями биологического характера [4]. Антропологические типы изменяются и в условиях изоляции. К настоящему времени установлено, что на определенных территориях под воздействием и в зависимости от степени изоляции, смешения и демографической структуры расообразовательный процесс принимает особую форму-модус расообразования [7]. В случае социальной или географической изоляции, при ограничении свободы заключения брака имеет место модус типологической изменчивости, при котором происходит резкая территориальная дифференциация антропологических типов. Яркий пример генетических последствий социальной изоляции дает Индия. В Индии насчитывается более тысячи каст. Представители высших каст

обладают резко выраженными европеоидными чертами, а среди низших преобладают черты веддоидной (т. е. относящейся к большой экваториальной расе) и южноиндийской (промежуточной между веддоидной и южной европеоидной) рас. Географическая изоляция на Кавказе способствовала формированию четырех морфологических и территориально дифференцированных антропологических комплексов. Аналогичное явление было зафиксировано на Памире [337]. Оценивая эти явления под углом этногенетической проблематики, можно отметить, что модус типологической изменчивости свидетельствует о специфике этнических процессов в конкретных популяциях. Другая форма расообразовательного процесса - модус локальной изменчивости, также определяется территориальным ограничением панмиксии, но связана лишь с ограничением круга брачных связей и инерцией преодоления больших расстояний. Она проявляется на однородных с природной точки зрения территориях, лишенных значительных водных или горных преград, заселенных этнически однородным населением, и не способствует резкой морфологической дифференциации антропологических типов. Примером является население Русской равнины, в составе которого выделяется 16 локальных областных типов [318]. Различия между типами невелики. В приложении к вопросам этнической истории модус локальной изменчивости - аргумент в пользу гипотезы об отсутствии резких этнических рубежей и единства исторического развития населения данной территории. Перспективными с точки зрения проблем этногенеза являются палеодемографические исследования [10], позволяющие установить степень эндогамии как одного из этнических определителей, среднюю продолжительность жизни, процент детской смертности и т. д. древнего населения. Историки постоянно ищут новые источники для решения своих проблем. Специфика источника может привести к возникновению нового раздела науки. Сейчас уже можно говорить о существовании *исторической антропологии*, которая по существу является историей, базирующейся на антропологическом материале. По-видимому, и в будущем новые антропологические методики позволят ставить и решать новые задачи истории.

И. И. Земцовский. Этническая история и музыкальный фольклор

Этногенез, понимаемый как относительно длительный исторический процесс, может быть изучен только комплексно, методами смежных наук. В этом комплексе не последнее место принадлежит *этномузыкознанию*. Музыка может явиться существенным подспорьем в доказательстве установленных историей, археологией, этнографией, антропологией тех или иных этнических связей. Если же такие смежные сопоставления отсутствуют, то наличие научно установленного музыкального сходства между традиционными культурами может натолкнуть ученого на необходимость специальных сопоставительных изысканий, т. е. на проведение этногенетических исследований по результатам этномузыковедческого анализа. В то же время несовпадение музыковедческих выводов с выводами смежных наук может стимулировать дальнейший поиск, выдвижение новых гипотез и уточнение старых. Сразу возникает законный вопрос - что именно позволяет музыкальному фольклору стать равноправным "вкладчиком" в междисциплинарное исследование этногенеза? Коротко говоря, основания для этого дает многовековая устойчивость музыкально-фольклорных типов (мелодических, ритмических, ладовых, фактурных) и типов интонирования (способов музыкального исполнения), т. е. наличие в каждой культуре своего рода *фонда музыкальных формул*. Эта устойчивость составляет фундаментальное свойство музыки устной традиции, тем более поразительное, чем неуловимое, подвижнее, "летучее" кажется сам материал ее - музыкальный звук. Но, отлившись в типовые формы, образовав канонический интонационный словарь - язык формульного мышления, музыка устной традиции выступает своего рода этническим стереотипом, чья сохранность оказывается залогом полнокровного существования этноса. К сожалению, музыкальный фольклор в данном аспекте целенаправленно не изучался. Этномузыкознанию предстоит здесь многое сделать заново. Понятно, что на этом пути его ожидают немалые трудности. Назову хотя бы три, учет и преодоление которых первостепенны. *Первая трудность* - методологическая. В этномузыкознании имеются разные "школы", различные направления, достаточно разноречивые. В частности, по-разному понимается то в музыкальной форме, что может свидетельствовать именно о ее этнической традиции и указывать на следование определенной культуре, а не только лишь чисто эстетический феномен. Методологические аспекты изучения музыки как исторического источника все еще разработаны слабо, непоследовательно, а между тем именно они представляют первостепенный интерес для этнографии и этногенетически нацеленных дисциплин. В самой общей форме можно сказать, что существуют два вида исторических источников музыки - материальный (например, музыкальные инструменты) и нематериальный, точнее, непредметный (имеются в виду интонационные источники - "звуковая материя" музыкально осмысленного интонирования). Первый более понятен, веществен и потому сближается с предметом изучения в археологии и этнографии, и в этой области есть уже заслуживающие внимания научные результаты. Второй чрезвычайно сложен, так как требует осознания музыкальной интонации как явления смыслового, в котором находит выражение специфика соответствующего этноса, создавшего соответствующую культуру с присущими ей социально-художественными институтами, традициями, идеалами, языком и музыкальными диалектами. Этноисторическая определенность музыкально-интонационных свидетельств фольклора воистину поразительна, но она становится очевидной не сразу и не каждому. Для ее "прочтения" нужна разработка специальной методики, которая должна строиться, по моему убеждению, на учении акад. Б. В. Асафьева об интонировании как музыкально-семантическом процессе [141, с. 81 - 93]. *Вторая трудность* связана с неполнотой материала, его количеством и качеством. Различные традиции представлены в этномузыковедческих публикациях неравномерно или недостаточно: не все в них достоверно, не все зафиксировано с должной полнотой и тщательностью отражения "текста" и "контекста" реального исполнения; очень мало каталогизаторской и мелогеографической проработки

материала, мало музыкальных картограмм, зато много лакун и "белых пятен" на этномузыкальных картах. *Третья* трудность связана с первыми двумя. Ее можно охарактеризовать как недостаток исследовательской эрудиции. В частности, никакой этнос нельзя очертить, не выйдя за его пределы. Касается это и музыки устной традиции. Так, нельзя с должной уверенностью очертить славянское в музыке без специальной проверки того, известно оно или нет другим этносам. То же касается наличия в каждой культуре разных уровней, глубин и "кругов" этнических связей (например, для музыки восточных славян финские, балтские, тюркские связи - основные, но не единственные). Если исследователю неизвестны инонациональные материалы, его выводы по этническому своеобразию изучаемой им культуры неизбежно будут носить самый предварительный характер и, в частности, не будут пригодны для сопоставлений с выводами смежных дисциплин. Учитывая эти сложности, мы формируем три исходные предпосылки и одновременно *три исходные задачи* этномузыковедческого изучения этногенеза. *Первая* касается требования предельно возможной полноты охватываемого материала, его систематического учета, критического анализа и классификации под различными углами зрения, с использованием каталогов, ЭВМ, картографирования и т. п. Нужны не выборочные образцы, а всегда полные и системно-зафиксированные музыкальноэтнографические записи. Ограничение материала может оказаться роковым для окончательных выводов. *Вторая* задача вытекает из того, что наиболее полноценные музыкальные записи дает нам современность, тогда как нас интересуют исторически ранние формы. Необходимо выработать пути выявления древнейших корней мелоса в получаемых сегодня материалах. Здесь весьма эффективна музыкальная типология и методы широкого и целенаправленного сравнения. У нас есть основания доверять музыкальной памяти устной традиции: коллективная память этноса сохраняет такие уникалы, что этномузыковеду нет нужды "рыть пещеры". Однако нынешний срез музыкально-этнографических записей дает стадially пеструю картину-материал разной исторической глубины. В современных материалах сосуществуют музыкальные "ландшафты" разных эпох как разных стадий этногенеза. Необходимо совершенствование методов реконструкции. Выявляемые общности обладают разной исторической глубиной и различной степенью экстерриториального распространения (например, восточнославянские, поволжские, карпатские, балканские, балто-балканские и другие, так или иначе выходящие за рамки славянства). Музыкаведческие гипотезы нуждаются, поэтому как в междисциплинарной корректировке, так и в собственной методической обоснованности. С последним связана наша *третья* предпосылка успешности этногенетического исследования. Дело в том, что "формально сходные явления коренятся иногда в источниках совершенно разнородных" [49, с. 119]. Поэтому опаснее всего поспешность заключения на основе изолированно взятых совпадений [463]. Необходим учет комплекса данных, включая достаточно тонкие и редкие особенности, вне которых доказательность аналогий заметно уменьшается. Поэтому функционально значимые особенности предмета или явления сами по себе не могут служить генеалогическими признаками [108, с. 11]. Таковыми они становятся только в совокупности разнородных факторов и необходимы нам как один из важных критериев отбора материала. Так, в музыке интонационно-ладовые (звуковысотные) совпадения тогда лишь могут считаться этнически значимыми, когда они прослеживаются в целой системе функционально аналогичных явлений и к тому же подкрепляются историческими (в широком смысле) свидетельствами и параллелями. Если взять, в качестве примера песню, то функцией (или, точнее, назначением) песни порождается, прежде всего, ее структура, а не выбор тех или иных конкретных интонаций. Следовательно, если совпадают в сравниваемых явлениях и его функция, и его структура, и выбор интонаций, то возможность случайности совпадения почти исключается, оставляя место, либо генеалогической, либо полигенетической трактовке путем историко-сравнительного метода на базе действительно исторически обоснованного семантического сходства. Не занимаясь здесь обзором литературы вопроса [136, с. 126-139, 377 - 380; 137, с. 201 - 211; 138, с. 60 - 82; 139, с. 26, 34: 140, с. 217 - 221; 142, с. 38 - 40], отмечу главное, с моей точки зрения, в специфике этномузыковедческого подхода к этногенетическим исследованиям -

того подхода, который позволяет этномузыкознанию "стыковаться" с другими этнологическими дисциплинами. Существуют, по моим наблюдениям, две методологические крайности введения музыкально-фольклорного материала в этногенетические исследования. Одни исследователи оперируют, по сути, нотами, более или менее случайно подобранными образцами письменной фиксации разноэтнического фольклора (такова, например, методика Я. Кунста, и в этом он не одинок). Другие - основываются на звучании исполнительской манеры, тембре, способе исполнения, принципиально без нот (таков, например, кантрометрический эксперимент американского этномузыколога А. Ломакса, известный по книге 1968 г. "Стиль народной песни и культура"). Как нередко бывает с крайностями, они парадоксально смыкаются. И "ноты", и "тембр", несмотря на свою противопоставленность, суть атрибуты формы. Поэтому, если не видеть их связь с контекстом культуры, если не понять воплощенной в них содержательности, обусловленной этнокультурно (т. е. и психосоциально), то сопоставление (на любом уровне) может повлечь грубые ошибки, случайные преувеличения и т. п. Факты, внешне ("нотно" или функционально) сходные в разных культурах, обладают разной эстетической функцией в "своей" культуре, в "своей" системе жанров, несут бремя разных связей и отношений. Нельзя забывать к тому же, что близкое содержание в разных культурах может быть выражено в весьма далеких формах. Все это вызывает необходимость выработки специальной методики этномузыковедческих сравнительных исследований и одновременно заставляет относиться с повышенной осторожностью к уже имеющимся наблюдениям в этой сложнейшей области компаративистики. Вместе с тем существует ряд музыкальных структур, которые, безусловно, могут служить *этногенетическими образцами* фольклорного материала. Спрашивается, что именно позволяет им выступать в столь знаменательной роли? Видимо то, что в них запечатлен определенный способ музыкального мышления (соответственно определенное музыкальное восприятие), этнически конкретное, и дело лишь за умением "прочитать" их. Решение подобной задачи доступно лишь тем специалистам, чья эрудиция (по обширности и активности) подстать их методологической оснащенности (т. е. глубине и системности проникновения в разнородный материал). Учет в анализе конкретных образцов музыкально-интонационного мышления как единства содержания и формы выступает исходной методологической предпосылкой подхода к материалу. Такой подход, будучи проведен последовательно, и гарантирует нам адекватность экстрамузыкальных выводов из этномузыковедческой компаративистики. Конечно, трудно дать полное освещение нужного подхода в столь краткой статье, публикуемой к тому же не в музыковедческом издании. Подчеркну лишь, что музыкальная интонация (в том смысле, который придавал ей акад. Б. В. Асафьев) связана, с одной стороны, с музыкальным мышлением, а с другой - с культурой. Реальное музыкальное интонирование не может не быть атрибутом этнически характерного поведения человека и потому всегда указывает на принадлежность определенному этносу. Следовательно, не "ноты", а только живое интонирование информативно в этногенетическом смысле (но именно это мы и не умеем, к сожалению, картографировать!). Музыка в одной своей части (например, тембральной окраске интонирования как способе звукоизвлечения) дает не только эстетическую, но и антропологическую (т. е. весьма устойчивую во времени) характеристику человека так же, как в другой своей части наряду с фольклором, характеризует его как часть определенного этнического коллектива, что не исключает, а напротив, подчеркивает важную роль музыки в исследовании психологических, социальных и культурологических параметров человека. Эту многослойность музыки особенно важно учитывать в исторических изысканиях, чтобы не обеднить их. Особая ценность музыкальных данных состоит именно в том, что они могут быть добыты сегодня (при верном методе обращения к ним) с известной легкостью, буквально от наших современников-этнографов, и притом отдельными своими чертами будут свидетельствовать о весьма ранних этапах истории [22, с. 225; 257, с. 80 - 86]. Итак, музыкально-этногенетические исследования возможны на жанрово различном материале и во многих аналитических аспектах, но всегда обязателен *метод неформальных* (т. е. *интонационных*) *сопоставлений*, что единственно обеспечивает выход этномузыковедческих гипотез на

уровень реальной и продуктивной сопоставимости с аналогичными по направленности гипотезами смежных исторических дисциплин. Учитывая междисциплинарный характер исследований этногенеза и ранней этнической истории, в которых музыка должна занять подобающее ей место, уместно обратить внимание и на другие сложности, связанные с координацией этномузыковедческих и исторических наблюдений. Компоненты, составляющие культуру этноса (язык, одежда, орнамент, пища, музыка и др.), развиваясь в историческом единстве, но обладая имманентными закономерностями и самостоятельными ритмами самодвижения, почти всегда эволюционируют не параллельно. Так, отличия вербального языка не оказываются препятствием для развития музыкального сходства. Межэтнические границы в области музыки и искусства более подвижны, чем языковые. Н. Н. Харузин вообще полагал, что песни, проникая в иноязычную среду "раньше языка, завоевывают и готовят почву для этого последнего" [395, с. 55]. Поэтому и сопоставление картограмм антропологов, археологов, этнографов разной специализации, лингвистов, фольклористов и музыковедов, никогда не должно быть прямолинейным. Сопоставлению подлежат, прежде всего, выводы разносторонних картограмм, фундаментально аргументированные сначала в рамках каждой дисциплины отдельно. Интерпретация сопоставлений - особая область науки. Учет к тому же, что на разных уровнях углубления в материал открываются разные типы общности - от микродиалектов до евразийского единства и оперирование ими требует различной методики. И последнее - об этническом самосознании и о противопоставлении как его компоненте. Для музыки это сугубо когнитивный аспект. С точки зрения самосознания может быть интерпретирован музыкальный стиль: макродиалект на уровне мелодического типа или типа исполнения выступает как "метка" племени, рода, семьи, села. Самосознание в музыке устной традиции выражается в стилевых противопоставлениях "мы - они" на уровне характерных (предпочтительных) ритмоформул и тому подобного (например, в свадебных песнях славян, живущих в соседних селах); имеются в виду отличия в характерных деталях, устойчиво сохраняющихся в рамках того или иного музыкального типа, общего (на типовом уровне) сравниваемым субэтническим общностям [315]. Ограничимся сказанным и сформулируем два итоговых заключения. *Первое*: этномузыкознание, как и всякая отдельно взятая научная дисциплина, на основе одних лишь данных не может претендовать на этногенетические заключения; даже для: предварительной гипотезы необходимо сопоставление минимум двух разносторонних показателей. *Второе*: вклад этномузыкознания в исследование этногенеза и ранней истории может быть значительным, если в самом этномузыкознании будет преодолен формальный подход и будет уяснено главное - что именно необходимо и достаточно для полноценного и продуктивного "выхода" музыки на те или иные немзыкальные сопоставления.

Ю. С. А. Лаучюте. О методике балто-славянских исследований

Проблема этно- и глоттогенеза, как правило, рано или поздно упирается в решение вопроса о *территории изначального* (или наиболее древнего) *распространения явлений*, определяющих специфику исследуемого этноса. Границы же распространения славянских языков и этносов доисторической и даже раннеисторической эпохи оказываются весьма неопределенными и расплывчатыми из-за трудностей разграничения собственно славянских элементов (языковых и материально-духовных, отраженных в археологических памятниках) от элементов соседних этносов, особенно балтийского. Это - общеизвестное положение, на которое неоднократно указывали как лингвисты, так и археологи. Практика интерпретации лингвистических фактов, в первую очередь *апеллятивной лексики и ономастики*, выявила как объективные, так и субъективные трудности разграничения древних и древнейших балтийских и славянских элементов. К трудностям объективного характера можно отнести: 1) исключительную близость исследуемых языков, обусловленную как их генетическим родством, так и тысячелетними культурными контактами; 2) наличие балтского субстрата на части современной территории распространения западных и восточных славян; 3) особенности социально-политической жизни, в течение второго тысячелетия н. э. давшие несколько типов государственных образований, объединявших часть балтийского и славянского населения и др. Основной же трудностью субъективного характера является отсутствие единого научного подхода к отбору и интерпретации фактов балтийских и славянских языков. Еще в 1958 г. В. К. Мэтьюс обратил внимание на то, что "субъективность занимает определенное место в гипотезе о единстве балтийских и славянских языков" [269, с. 43]. Предвзятость и односторонность концепций исследователей постоянно являлась предметом критики [384, с. 63], однако существенных изменений в этом плане, по-видимому, не произошло, о чем свидетельствуют следующие наблюдения С. Б. Бернштейна: "... почти всегда отбору фактов предшествует готовая схема", а "сама система доказательств во многих случаях настолько произвольна, что реально считаться с ней не представляется возможным" [25, с. 11 - 12]. Примеры такого необъективного, одностороннего подхода к материалу и его интерпретации можно найти в работах и по лексикологии, и по ономастике балтийских и славянских языков. Так, в частности, сторонники балто-славянского единства основное внимание уделяют сбору фактов, которые можно интерпретировать как балто-славянские совместные инновации, при этом часто пренебрегая ареальной (и соответственно хронологической) характеристикой имеющегося материала, в результате чего в одну временную плоскость проецируются как древнейшие лексемы, унаследованные от праиндоевропейской языковой общности, так и более поздние, заимствованные - либо взаимные, либо из третьего общего источника. Поэтому из работы в работу кочуют такие примеры якобы балто-славянских эксклюзивных изоглосс, как лит. *várna*=рус. *ворона* (но ср. тох. Б. *wraunǎ*-то же), лит. *šárka* = рус. *сорока* (о ср. др.-инд. *šarikā*), лит. *liera*=рус. *липа* (но кимр. *llwyf* - то же), лит. *Kárvė* - рус. *корова* (но ср. алб. ка 'вол', а также польск. диал. *karw* 'старый ленивый вол', др.-прус. *kurwis* 'бык, вол') и др. К числу общих балто-славянских лексем иногда относят лит. *pirtis*=др.-рус. *пѣрть* [237, с. 433], которое является либо непо-средственным, либо опосредованным (через финские языки) заимствованием из балтийских языков; лит. *stum̃bras* = вост.-слав. *zъbrъ* [237, с. 433] - тоже не генетически родственная пара (для славянского предполагают заимствование либо из фракийского, либо еще из какого-то другого источника), как и лит. *perkúnas* 'гром'; имя бога грома по словообразовательным и фонетическим причинам не сводимо к одному архетипу с др.-рус. *Перунъ* 'бог грома' и т. д. Количество сомнительных балто-славянских общих инноваций увеличивается не только из-за неполной изученности лексики балтийских, славянских и других индоевропейских языков, но также из-за не всегда оправданного дифференцированного подхода к лексемам, имеющим широкий ареал в одной семье языков и весьма ограниченный - в другой. Ограниченный ареал часто характеризует

как заимствованную, так и исконную, реликтовую лексику - архаизм. Разграничение этих разных по своему происхождению лексем становится почти невозможным, когда речь заходит о славянских архаизмах, имеющих соответствия только в балтийских языках и засвидетельствованных в зоне действия балтского субстрата (границы которого в разные хронологические эпохи еще нуждаются в уточнении). Если какое-то балтийское слово проникло в славянскую лексику уже после завершения основных фонетических процессов (монофтонгизации дифтонгов, изменений группы *tolt-*, палатализации и др.), то его заимствованный характер еще можно определить. Ср. *ковш* < лит. *káušas*, блр. *ловж(а)* < лит. *láužas* и др. Но если заимствование происходило раньше, то отличить такое балтийское слово от славянских архаизмов крайне трудно. Даже отсутствие этимологии и сколь-нибудь широкого словообразовательного гнезда на почве славянских языков, отклонения от славянской словообразовательной системы, особенности семантики (например, субстратные балтизмы часто обозначают особенности местного рельефа, флоры и фауны) не всегда считаются достаточно вескими аргументами в пользу признания заимствованного характера того или иного слова. Подобные лексемы обычно попадают в группу балто-славянских общих новообразований. Таким совместным новообразованием часто считают, рус., блр., польск., укр. диал. *куль* 'сноп (вымолоченной) соломы'; двоякое толкование - и как балтизма, и как славянского архаизма - предлагается для полесск. *волока* 'низкое заболоченное место', 'низменный заросший лес' [272, с. 14, 15], хотя, как нам кажется, данное слово представляет типичное (ввиду семантики) субстратное заимствование древнейшей поры, еще втянутое в процесс изменения группы *toll* -, а его более поздняя форма, сохранившая неизмененный - балтийский - облик корня, отмечена в более северных говорах белорусского языка: *валкаваты* 'сыроватый' (ср. лит. *válka* 'лужа', *valkótas* 'покрытый лужами', *valkús* 'влажный, сырой; вязкий' и др.). Такая же связь между фонетикой и ареалом, объясняемая хронологией заимствования, наблюдается и в гидронимах, образованных на основе данного апеллатива: Волока, правый приток Корчика, левый приток Ситовки, и Волка, левый приток Морочи (правый приток Случи), правый приток Изледи (левый приток Березины), ср. лит. гидроним *Válka*, *Valkupis* и др. К славянским архаизмам нередко относят слова, по своим словообразовательным особенностям выпадающие из системы славянского словообразования, но точно соответствующие сло-вообразовательным моделям балтийских языков. Об этом нам уже приходилось говорить по поводу блр. *садзіба* 'усадыбище'; дом с постройками и соответствующих ему польских и диалектных украинских слов, исконно славянским вариантом которых является рус. *у-садьба* [198, с. 130]. По таким же словообразовательным причинам заслуживает внимания ц.-сл. *овьнь* (>р. *овен*), болг. *овен*, сербохорв. *ован*, др.-польск. *owien*, чеш. *oven* 'баран'. Это уникальный пример использования суффикса -ьн- для образования самца живого существа в славянских языках, между тем как в балтийских языках эта модель является весьма древней и широко распространенной. Ср. лит. *āuinas*, лтш., *avins*, др.-прус. *awins* 'баран', а также лит. *lālis* -> *lāpinas* 'лис', *katė* 'кошка' -> *kātinas* 'кот', *žąsis* 'гусыня' - *žąsinas* 'гусак' и многие другие. Вместе с тем данная тематическая группа является "открытой" для заимствований; ср. тюркизм в восточнославянских языках (*баран*), который проник и в некоторые диалекты литовского языка: *baronas* 'баран'. Таким образом, считать ц.-сл. *овьнь* заимствованием из балтийских языков, пожалуй, то же самое, что считать славизмом из польск. *drabny* [491, с. 65], лит. *drabnas* 'мелкий, истонченный'. В пользу исконно балтийского происхождения этого слова также можно привести ряд аргументов и отнести его к общей балто-славянской лексике. Суффикс -n- в глагольных прилагательных литовского языка представлен хотя и не так широко, как в славянских языках, однако и в не единичных случаях (ср. *kilti* 'возвышаться, подниматься' -> *kil-n-ús* 'благородный, возвышенный' и др.), а что касается корня *drab-*, то его можно считать глухим вариантом лит. *trąpús* 'хрупкий' (ср. лит. *buĩburas*: *puĩpuras* 'почка, выпухлая округлость' или лит. *guĩbe* : прасл. *кърь* и др.). Мы здесь далеки от предложения новых этимологий как для ц.-сл. *овьнь*, так и для лит. *drabnus*, мы лишь стремились продемонстрировать, как предубежденность исследователя, заранее заданные цели могут повлиять на результаты его работы. Восходящая к работам А. Брюкнера традиция преувеличивать

количество славизмов в балтийских языках продолжается в работах как сторонников балто-славянского единства, так и противников этой гипотезы. В качестве славизмов предлагаются такие слова, как лит. *giñtaras* (лтш. *dzltars*) 'янтарь', лит. *stirna* 'косуля', др.-прус. *dalpian* 'долото' и др., однако эти этимологии нельзя принять безоговорочно. Например, группу согласных *st-* в лит. *stirna* (ср. лтш. *sirna* без *-t-*) можно объяснить не только заимствованием из прасл. формы **cīrna* [387, с. 244], но и действием причин, которые привели к появлению такой же группы согласных в восточнобалтийских названиях зубра: лит. *stuñbras*, лтш. *stumbr/i/s* (ср. др.- прус. *wissambris* и др.; лтш. *sūbrs* - без *-t-*). Что же касается таких слов, как *корова* или *клеть*, то здесь, кроме исконного родства, можно допустить и заимствование из какого-то кентумного языка, но по фонетическим причинам передаточным звеном, скорее всего, выступили бы балтийские языки [445, с. 64]. Отнесение к числу заимствований др.-прус. *dalptan* является наименее правдоподобным, поскольку основным аргументом считалось отсутствие для этого слова глагольной опоры в балтийских языках [383, с. 152], в то время как на самом деле такая опора существует. Более того, выдвигается другое предположение, противоречащее приведенному выше, о том, что праславянское слово с тем же значением унаследовало западнобалтийскую инновацию, образованную на основе таких глаголов, как лит. *dilbti*, *delpti* 'бить, ударять' [221, с. 53]. Несомненным, во всяком случае, является исконно, балтийский характер древнепрусского названия долота, для которого в балтийском есть и глагольная опора, и родственные образования типа лит. *dalba* 'рычаг', продолжающего древний апофонический ряд *dilbti-delpti/delpti* - *dalba*. Но если даже и не было бы нужной глагольной опоры, это вряд ли могло служить достаточно веским аргументом в пользу того, чтобы считать слово заимствованным: ведь тогда придется считать балтизмами такие слова, как рус. *клад*, *милый*, *рука* и др.: глагольная опора для них имеется не в славянских, а в балтийских языках (ср. лит. *klóti* 'класть, стелить', *myléti* 'любить', *ramllti* 'полюбить', *riñkti* 'собирать'). В подобных случаях, вероятно, на исследователя давит известное положение о том, что славянские языки утратили много первичных глаголов и простых именных основ, сохранившихся в других индоевропейских языках, особенно - в балтийских [483, с. 55-64]. Поэтому нередко в случаях, когда первичная основа есть в балтийском и отсутствует в славянском, считается, что славянский язык имел ее, но утратил, а когда такой основы нет в балтийском, но имеется в славянском, считается, что в балтийском ее и не было, а наличие вторичной, производной основы объясняется заимствованием из славянского. Надо полагать, что одинаково неправильным было бы как полное отрицание справедливости этого положения, так и его абсолютизация; об этом положении надо помнить, но оно не должно стать решающим. Что касается лексических реконструкций, полученных на его основе, то они ни в коей мере не могут быть использованы для определения специфических особенностей балтийского и славянского мира, в том числе - их языковых сходств и различий, особенностей культуры и быта, границ расселения древних балтийских и славянских племен, отразившихся в таких лексемах (откуда уже недалеко и до поисков прародин). Для подобных целей следует использовать только четко соотнесенный с определенными этносами материал, подкрепленный реальными (а не реконструированными) фактами; реконструкции - как не имеющие диагностирующей силы, правильнее было бы оставить в стороне. Такой подход в полной мере применим и к топонимическим исследованиям, которые играют важную роль при определении ареалов расселения отдельных этносов. В случаях, когда названия могут быть объяснены и как славянские, и как балтийские, "уместно говорить, по крайней мере, об общем балто-славянском топонимическом фонде, придавая термину "балто-славянский" не обычно связываемое с ним значение общего источника всех балтийских и славянских языков, а несколько иное, предполагающее лишь то, что на известной территории и в известное время существовали топонимические названия, относительно которых был бы некорректным вопрос о том, являются ли они только балтийскими или только славянскими (при том, что их вполне можно считать с равным основанием и балтийскими, и славянскими" [370, с. 104]). При этом имеет смысл определить *ареал максимальной плотности* таких явлений (для того чтобы этот ареал исключить из зон бесспорно балтийской или бесспорно славянской) в определенный хронологический период. В

связи с этим весьма проблематичной становится реконструкция славянских апеллятивов на основе гидронимов [237, с. 65-84, 385], зафиксированных и в так называемой ("бесспорно балтийской" зоне, топонимики и в зоне "балто-славянской" (в смысле, предложенном В. Н. Топоровым), имеющих апеллятивную опору либо только в балтийских, либо в балтийских и других индоевропейских языках. Например, название яра в бассейне Северского Донца *Толотий* можно объяснить с одной стороны, на основе лит. *tiltas* 'мост' и др.-прус. *talus* 'пол', родственных прасл. **tolo*, а с другой - на основе топонимических соответствий как в балтийских (лит. гидр. *Talé*, *Talys*, *Taltupis*, др.-прус. *Tolyn*, *Talten*, лтш. *Taleja* и др.), так и в других индоевропейских языках (ср. фрак. лир. *Talia*, *Ταλιτώ*), тоже возводимых. К приведенным выше балтийским и славянским словам [470, с. 125], но это вряд ли дает основание реконструировать праславянский апеллятив, со-ответствующий лит. *tiltas*. Данная группа названий относится, скорее всего, к тому слою топонимов, который не подлежит конкретной этнизации и составляет фонд древней (индо)европейской топонимии. Не менее сомнительна и реконструкция праславянского апеллятива **osva* в значении 'лошадь' или 'вода' лишь на основании гидронимов *Осва*, *Освица* [482, с. 176], которые засвидетельствованы либо в бесспорно балтийской зоне, либо - в балто-славянской (от Припяти до Зап. Двины) и образуют непрерывный ареал с такими балтийскими гидронимами, как лит. *Ašva*, *Ašvine*, *Asveja* (ср. еще назв. озера на белорусско-литовском пограничье Асвея), др.-прус. *Asswene*, *Asswin* и др. Последние могут быть объяснены либо на основе лит. *ašva* 'кобыла' (что менее убедительно), либо на основе и.-е. **ak̑ǵǵ* 'вода' [449, с. 37; 506, с. 150]. Даже если удалось бы обнаружить соответствующий гидроним на славянской территории, на которой не ощутимо действие балтийского субстрата, то и тогда реконструкция в праславянском языке слова **osva* была бы не более убедительна, чем реконструкция прабалтийского **ašva* в значении вода. Приведенные примеры достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что возможность взаимозаимствований в балтийских и славянских языках слишком часто допускается лишь теоретически. Практически языковые факты или интерпретируются как заимствования из славянского в балтийский (за исключением поздних контактов), или относятся к фонду совместных балто-славянских инноваций. На этом фоне часто лишается лингвистического содержания и теория балтийского субстрата. Влияние его оспаривается и при интерпретации фонетических фактов, и, как уже говорилось, в лексике и ономастике. Увеличение числа общих балто-славянских инноваций с помощью спорных реконструкций только затрудняет решение проблем балтийского и славянского этногенеза, ибо прежде чем объединять указанные языки в одну группу, следует их разъединить, т. е. основательно разобраться в том, что определяет специфику каждого из них, когда и где могли образоваться их различительные признаки. Только после этого, следуя логике ретроспективного анализа, можно начать объединение, придерживаясь определенной пространственной и хронологической перспективы. Возможно, следуя по этому пути лингвистического (и не исключено - археологического) анализа, удастся определить, сошлись ли эти две языковые группы на уровне промежуточного балто-славянского праязыка или затерялись в сложных переплетениях дивергирующих и конвергирующих древних индоевропейских диалектов, а многочисленные сходства и совпадения - результат то усиливающихся, то ослабевающих контактов разных хронологических эпох (особенно усилившихся с началом железного века [387, с. 237] и в разных ареалах. Дело, таким образом, не только в накоплении фактов, приводимых в качестве аргументов "за" и "против" какой-то гипотезы, а в исторической интерпретации этих фактов, в их хронологической и пространственной характеристике, в определении их места в системе исследуемых языков [70, с. 96].

В. В. Мартынов. Славянский, итальянский, балтийский (глотногенез и его верификация)

Старый спор последователей Шлейхера и Шмидта о становлении языков в результате расхождения (дивергенции) или схождения (конвергенции) древних диалектов продолжается, и в настоящее время он вступил в латентный период своего развития. Отголоски этого спора слышатся в современных подходах к балто-славянской, индоевропейской и ностратической проблемам. Между тем накоплен достаточный опыт компаративистских исследований, чтобы отбросить всякие сомнения в постоянном сосуществовании дивергентных и конвергентных процессов становления и развития языков. Изменения языкового состояния, обусловленные внутрисистемными факторами, рассматриваются как дивергентные и непрерывные. Изменения языкового состояния, обусловленные внешними контактными факторами, - как конвергентные и прерывистые. Число и последовательность состояний данного языка, в конечном счете, определяется числом языков, вступивших с ним в некоторые отношения, и последовательностью, с которой эти отношения осуществлялись. Определение эволюции языка с точки зрения единства дивергенции и конвергенции позволяет восстановить при условии ретроспекции основные этапы его становления и развития с реконструкцией праязыкового состояния. Если исключить культурные заимствования, которые, как правило, распространяются на многоязычные ареалы, парные отношения между языками можно свести к двум типам: контактному и субстратно-суперстратному. Именно эти типы отношений определяют пространственно-временную стратификацию изучаемого языка. Контакты предполагают лексические проникновения (инфильтрации) через границы, разделяющие зоны диалектных континуумов, с возникновением двуязычия в пограничных районах. Субстратно-суперстратные отношения - лексические и грамматические проникновения с возникновением двуязычия по всей территории взаимодействующих диалектных континуумов. В наших работах мы выделяем для *праславянского языка* в ретроспективной хронологической последовательности *славяногерманские* и *славяно-кельтские* контакты (V-III в. до н. э.), *славяно-иранские* (VI-V вв. до н. э.) и *славяно-италийские* (XII-X вв. до н. э.) субстратно-суперстратные отношения [220; 221]. Что касается последних, точнее было бы назвать их западнобалтийско-италийскими субстратно-суперстратными отношениями, поскольку применительно к периоду их возникновения еще нельзя говорить о славянском и уже нельзя говорить о балтийском языковом состоянии (протобалтийский диалектный континуум распался на западный, и восточный). Эти выводы основаны на выделении в праславянском италийского и иранского лексических и грамматических вторичных ингредиентов, что позволило вскрыть первичный балтийский ингредиент и подтвердить принципиально балтийскую диалектную основу праславянского. При этом доказательство западнобалтийского характера его диалектной основы строилось в первую очередь на западной ориентации италийского и иранского суперстратов и особой близости к праславянскому языку языка древнепрусского. Мы имеем в виду непропорционально (учитывая скудость прусских фактов) большое количество прусско-славянских лексико-грамматических инноваций. В связи с этим мы не можем удержаться от искушения полностью привести высказывание по этому поводу В. Н. Топорова: "Конечно, пока вопрос сводился к тому, что дают балтийские языки для прусского или прусский для балтийских, славянские факты поневоле оставались в стороне. Но, если выйти из этого узкого круга и отвлечься от предвзятостей (разрядка наша. - В. М.), то окажется, что роль славянских лексических параллелей к прусскому языку исключительна (разрядка автора) (ср. хотя бы удивительные сходства в местоимениях, предлогах и префиксах, ряде других служебных слов, в словообразовательных элементах, именослове и т. д.). Этому не приходится удивляться, поскольку такое положение отражает общее значение прусского

языка, как и ряда других вымерших периферийных балтийских языков, для решения вопроса о происхождении славянских языков. Забегая вперед, можно с уверенностью сказать, что вся проблема балто-славянского языкового единства в традиционном языкознании получила перекошенный вид, исключающий возможность правильных (или хотя бы верифицируемых), заключений, во-первых, из-за пренебрежения данными прусского языка, образующих, несомненно, переходную стадию между восточнобалтийским лингвистическим типом и теми диалектами, которые, возникнув на основе балтийских периферийных комплексов, развились в то, что называют праславянским, и, во-вторых, из-за пренебрежения пространственно-временным аспектом этой проблемы" [531, с. 5-6]. Полностью разделяя эту точку зрения, мы хотели бы добавить следующее. При рассмотрении прусско-славянских изоглосс легко выделить два их типа: вариативные и эксклюзивные. Первые предполагают вариативность прусских фактов, но отношению к восточнобалтийским, т. е. семантические, словообразовательные и морфологические особенности, указывающие на их более близкую генетическую связь со славянскими, чем с другими балтийскими. Мы насчитали более четырех десятков таких фактов по отношению к восточнобалтийским. Вторые, эксклюзивные, предполагают полное отсутствие параллелей в других балтийских языках при их наличии в славянских. Мы насчитали более двух десятков таких фактов [222]. Учитывая то, что прусский язык представлен - незначительным числом небольших памятников письменности, эти данные следует считать достаточно внушительными. Выделив прусско-славянские эксклюзивные параллели, понимаемые как эксклюзивные по отношению к восточнобалтийским, мы обнаружили поразивший нас факт - они в подавляющем большинстве случаев имеют италийско-кельтскую ориентацию, т. е., в свою очередь, эксклюзивны по отношению к другим индоевропейским параллелям в итало-кельтских языках. Мы не видим иной возможной интерпретации этого факта, как признания *суперстратного воздействия языка италийского типа на западнобалтийский*, при котором влияние вышло за пределы выделившегося славянского диалектного континуума и распространилось частично на западнобалтийский языковой ареал, сохранивший свой балтийский характер. Мы говорим здесь об италийско-кельтских фактах, а не италийских, учитывая особый характер наслоившегося языка, который необязательно состоял в родстве с италийскими языками, но мог входить с ними в языковой союз. Возможно, таким языком был венецианский или близкий к нему диалект, а так как италийские и кельтские языки считаются близкородственными, то факты, не сохранившиеся в первых (главным образом в классической латыни), могут быть восстановлены по их сохранности во вторых. Таким образом, прусский лексикон фиксирует точные параллели, как для первичного балтийского ингредиента праславянского языка, так и его вторичного ингредиента - италийского. Характерной чертой, отличающей ингредиентные элементы от проникновений, является отнесенность к первым грамматическим словам. Нам известны славянские грамматические слова иранской ориентации (местоимение *оуъ*, предлоги *radī* и *къ*), славянские грамматические слова италийской ориентации (местоимения *пу*, *ву*, *тебѣ*, *себѣ*, союзное слово *l'ubo*), но неизвестны служебные слова германского или другого контактного происхождения. Поэтому здесь будут рассмотрены некоторые грамматические слова, обладающие следующими пространственно-временными характеристиками. Они должны быть зафиксированы в праславянском, прусском и италийском (желательно не только в латинском) при отсутствии в других индоевропейских языках. Эти параллели должны иметь надежную верификацию, т. е. быть формально и семантически идентичны. Начнем с уже анализировавшихся нами форм личных местоимений. При сравнении славянской и балтийской парадигм обнаруживается совпадение в им. пад. первого и второго лица ед. ч. и расхождение в том же падеже и в тех же числах мн. ч. Ср.: Балтийская парадигма Славянская парадигма *ež mes*
(j)az nu(my) tũ jũs *ty vu* При этом мы реконструируем для первого лица мн. ч. славянской парадигмы *пу*, основываясь на формах косвенных падежей и в первую очередь на форме аккузатива. Таким образом, восстанавливается пропорциональность славянских форм: *nv-пазь-патъ / vu-vasъ-ватъ*. Однако, как бы ни объяснялось *ту* по отношению к *пу* и *ву*, вокализм всех трех не может быть

единообразно объяснен из сравнения с их индоевропейскими соответствиями. Вместе с тем сравнение славянской парадигмы с итальянской показывает их идентичность в формах мн. ч.: Итальянская парадигма *egom nōs tū vōs* Следует иметь в виду, что соответствие *nōs - vōs* ~ *пу - ву* не подчиняется правилам италийско-славянской фонетической корреспонденции, но демонстрирует субституцию италийского *ō* славянским *у (<ǫ)*, как это наблюдается в праславянской лексике италийского происхождения. К этому следует добавить, что формы *nōs- vōs* не являются первичными. Они прошли достаточно сложный путь развития, и каковы бы ни были промежуточные его фазы, в конечном счете *nōs - vōs* восходят к *mōs* (*<="" twōs="" (<="" wōs="" и="" ōs)="" +==""> egom) и второго лица (*tu*), что делает такую реконструкцию весьма вероятной [347, с. 231-233]. Менее надежным следует считать объяснение *nōs* как контаминацию *mōs* и **nsmes* (**msmes*<, **mes-mes*, редупликации *mes*). При таком объяснении пришлось бы считаться также с двумя параллельными формами мн. ч. *mes* (< (e) m - es) и *mōs* (< (e) m - ōs). Все же достаточно очевидно, что образование италийского *nōs-vōs* вторично, и его зеркальное отображение в славянском *пу-ву* (даже если согласимся считать первую форму принадлежащей только косвенным падежам) весьма красноречиво. Это отображение становится еще более показательным, если обратиться к западнобалтийской парадигме, гибридный характер которой виден из следующих прусских форм в их сравнении с литовскими:

				Литовская парадигма					русская парадигма			1 л. мн. ч.	2 л.
мн. ч.		1 л.	мн. ч.	2 л.	мн. ч.		Ном.	<i>mēs</i>	<i>jūs</i>		<i>mes</i>	<i>ioūs</i>	Ген.
<i>mūs</i>	<i>jūsu</i>		<i>noūson</i>	<i>ioūson</i>	Дат.-Инстр.	<i>mūms</i>	<i>jūms</i>		<i>noūmas</i>	<i>ioūmas</i>			
Акк.	<i>mūs</i>	<i>jūs</i>		<i>mans</i>	<i>wans</i>	Легко увидеть, что прус. ген. и дат.-инстр. первого лица мн. ч. <i>noūson</i> (<* <i>nōson</i>) и акк. второго лица мн. ч. <i>wans</i> (<* <i>uos</i> с изменением по модели акк. мн. ч. имен с -o- основой на -ans) совпадает с италийскими <i>nōs, vōs</i> и славянскими <i>пу, ву</i> . Следовательно, формы мн. ч. личных местоимений в древнепрусском языке могут быть охарактеризованы как балтийские с сильным италийским ингредиентом. В свете этого прасл. <i>ту</i> можно также рассматривать как результат взаимодействия балтийского (<i>mes</i>) и италийского (<i>nōs</i>) ингредиентов (<i>nōs>пу X mes>ту</i>). Надежность предложенного объяснения повышается с каждым новым примером прусско-италийско-славянских эксклюзивных изоглосс. Продолжая рассмотрение форм личных местоимений, обращаем внимание на схождение форм. дат. пад. второго лица ед. ч. и соответствующего возвратного местоимения: др.- прус. <i>tebbeī, sebeī</i> ~ лат. <i>tibi, sibi</i> ~ прасл. <i>tebè, sebè</i> (восточно- балтийские формы лит. <i>tán, sáu</i> , латыш. <i>tev, sev</i> образованы по иной модели). К латинским образованиям следует присоединить др.-лат. <i>tibeī, sibeī</i> , оск. <i>tfei, sifei</i> , умбр. <i>tefe</i> , палинг. <i>sefei</i> [495, с. 248]. Обращает на себя внимание тот факт, что полностью отличающиеся от восточнобалтийских прусские формы совпадают с италийскими. Все это поддерживает гипотезу об идентичном происхождении славянских образований и заставляет усомниться в аблаутных различиях флексий соотносимых форм (<i>ej</i> - в западнобалтийских и италийских, <i>oj</i> - в славянских). Скорее, следует предположить фонетическую субституцию итал. <i>ej</i> > западнобалт. (прусск.) <i>ej</i> , слав. <i>ě</i> . Вокализм соответствующих др.-инд. <i>tubhya</i> и др.-иран. <i>taibya</i> отличен от западнобалтийских, италийских и славянских. От личных местоимений образовались притяжательные, и, судя по разнообразию форм, их образование относится к периоду после распада индоевропейского и некоторых наиболее древних промежуточных праязыков. В связи с этим был поставлен вопрос и о существовании притяжательных местоимений в протобалтийском [328]. В литовском языке фактически отсутствуют притяжательные местоимения, а их функции выполняются посессивным генетивом (лит. <i>màno, tàvo, sàvo</i>). Вторично образованные притяжательные местоимения <i>mānas, tāvas, sāvās</i> " диалектно ограничены (восточные говоры) и образованы как прилагательные от посессивного генетива. Также в латышском притяжательные местоимения <i>mans, tavs, savs</i> являются инновациями, а в более раннее время аналогичную семантику выражал посессивный генетив. Такое же суждение было высказано и в отношении прусских притяжательных местоимений <i>rnais, twais, swais</i> (< <i>maias, twaias, swaias</i>), однако прусский посессивный генетив может быть получен лишь гипотетически путем реконструкции * <i>majā, *twajā, *swajā</i> , из которых							

предположительно образовались притяжательные местоимения. Таким образом, тезис об отсутствии протобалтийских форм притяжательных местоимений вполне доказуем, но недоказуемо внутриспрусское происхождение местоимений *mais*, *twais*, *swais*. Тем более, что общепризнанным является их тождество со славянскими притяжательными местоимениями *mojb*, *twojb*, *swojb*. Соотнесение последних с их прусскими параллелями дает основание говорить об их западнобалтийском происхождении. Вместе с тем уже было обращено внимание на то, что в соответствующей латинской триаде *meus*, *tuus*, *suus*, по крайней мере, первый член имеет структуру, весьма близкую по отношению к др.-прус. *mais* и прасл. *mojb* [534, с. 391]. Лат. *meus* возводится к *mejos*, которое могло дать итальяское *mojos* (как *sejos* > *sojos*), либо непосредственно восходит к *mojos*, если произведено от **mo-*. Что касается двух других членов триады, то различные формы, зафиксированные в других итальянских языках и в первую очередь в оскском, дают основание полагать, что они строились по той же модели. Для выяснения этого вопроса прежде всего следует учесть образования с нулевой ступенью корневого вокализма (*tu-*, *su-*). Сюда подходят такие производные формы, как оск. *tuvai* 'tuae' (дат. ед. ч.), *suveis* 'sui' (ген. ед. ч.), палинг. *suois* 'suis' [542, с. 497, 428]. На основе лат. *meus* (<**mojos*) и этих итальянских форм может быть восстановлена триада *mojos*, *tjos*, *sjos* итальянских притяжательных местоимений, образованных из итальянских личных. Появление аналогичной западнобалтийской (а потом и славянской) триады было в таком случае стимулировано итальянским суперстратом. Чрезвычайно показательно зеркальное отражение в прусском и славянском такого специфически итальянского явления, как -d- альтернация предлогов и префиксов (*pro/prōd*, *re/red*, *se/sēd*). В латинском эта альтернация регулируется вокальным или консонантным началом глагола, к которому перечисленные формы присоединяются в качестве префиксов. Происхождение элемента -d- неясно. Однако неопределенность этимологического решения фактически не влияет на структурную идентификацию подобной же -d- альтернации в древнепрусском и праславянском. На соотнесенность латинских *pro/prōd*, *re/red*, *se/sēd* и славянских *per/perdъ*, *po/podъ*, *na/nadъ* давно уже обращалось внимание [535, с. 127-128]. Впоследствии было отмечено совершенно аналогичное явление в древнепрусском (без параллелей в восточнобалтийских языках) *pirsdau* 'перед', *sirsdau* 'среди', *ransdau* 'потом'. Прусские параллели усложнили проблему единства происхождения лат. -d- прасл. *dъ* и др.-прус. *dau*. Однако в контексте всего того, о чем было сказано выше, эти факты играют немалую эвристическую роль, хотя, разумеется, необходимо найти этимологическое решение -d- альтернации. И наконец, последний пример, рассмотрение которого целесообразно начать с др.-прус. *isquendau* 'откуда', что соответствует реконструированному прасл. **jъzkъdu* (ср. прасл. *otъkъdu* 'откуда') [531, с. 77-79]. Такая реконструкция, надежность которой достаточно высока, позволяет выделить в прусском форму *quen-d-* и соотнести ее с прасл. *kъ-d-*. Одновременно лат. *unde* 'откуда' возводится к **kund-* на основании основосложений типа *alicunde*, *nicunde*, *undecunde* [534, с. 747, 715] и, таким образом, устанавливается еще одна тройная эксклюзивная изолекса: прасл. *kъd-* ~ др.-прус. *quend-* ~ лат. *cund-*. Аблаутные различия между этими формами, разумеется, ни о чем не говорят: в первичном соответствии их могло не быть. Так, праславянские формы допускают реконструкцию с е-ступенью, о-ступенью и нулевой ступенью. Каждый из рассмотренных случаев эксклюзивных славяно-прусско-италийских изоглосс может быть в чем-то оспорен, но их сочетание создает достаточно надежный критерий для восстановления древнего италийско-западнобалтийского субстратно-суперстратного взаимодействия. Особенно важно то, что мы ограничились грамматическими словами, которые не заимствуются при культурном влиянии и не инфильтруются при пограничных контактах.

Ю. В. Откупщиков. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело)

Уже давно и надежно установлена исключительная близость лексики балтийских и славянских языков. Очень важно отметить качественное, отличие балто-славянских от большинства других индоевропейских лексических изоглосс. Здесь обычно мы имеем дело с цельнолексемными, а не с корневыми соответствиями, причем совпадают во многих случаях не отдельные формы слов, а целые "пучки" словообразовательных и словоизменительных форм. Так, изоглосса ст.- слав, *нести* - др.-греч. *ενευχεν* 'нести', конечно же, не может быть поставлена в один ряд с соответствиями типа *нести* - лит. *nešti*, не говоря уже о большом количестве достаточно сложных производных, например: *peš-a-m-ą-ją* = *нес-о-м-у-ю* (винит, пад. ед. числа причастия). Многие десятки изоглосс объединяют *ремесленную лексику* балтов и славян. Поскольку при решении спорных вопросов балтийского и славянского этно- и глоттогенеза важную роль должно сыграть объединение усилий археологов и лингвистов, имеет смысл при ограничении анализируемого лексического материала выбрать такую группу слов, которая отражает реалии, более доступные археологическим наблюдениям и датировке. Именно такую группу лексики составляют слова, связанные с добычей, выплавкой и обработкой металлов, с кузнечным делом. Хорошо известно, что сравнительно с плетением, ткачеством, обработкой дерева и гончарным делом выплавка и обработка металлов датируется более поздней эпохой. Поскольку начало выплавки железа относится не ранее, чем к концу II тыс. до н. э., формирование значительной части лексики, связанной с древнейшей металлургией и кузнечным делом, получает достаточно четкие *хронологические границы*: между концом неолита и началом железного века (с учетом ареальных расхождений при более точной датировке). Отсутствие общеиндоевропейских названий металлов и связанной с ними лексики говорит о начавшемся или о происшедшем уже распаде индоевропейского языкового единства. А наличие отдельных изоглосс может свидетельствовать о параллельном использовании общего Индоевропейского наследия в процессе формирования новой ремесленной лексики или об общности культуры соответствующих индоевропейских ареалов³. Для последнего случая типичны также совместные заимствования из общего источника. Пестрота индоевропейских названий металлов ясно вырисовывается из следующего сопоставления:

Латинский	Др.-греч.	Др.-инд.	Др.-в.-нем.	Др.-прус.
aurum	χρῶς	hiranya	gold	золо
argentum	ἀργυρος	rajata-	silabar	сере
aes, aeris	χαλκός	loha-	kupfar	мѣдь
stannum	χασιτερος	trapu	zin	олов
plumbum	μολυβδος	sisa-	blio	свин
ferrum	σίδηρος	ayas-	isarn	желт

Названия золота и серебра имеют свои специфические особенности. Золото, находимое в слитках, безусловно, должно было быть известно древним индоевропейцам. Возможно, что реликтами наиболее архаичного индоевропейского названия золота являются лат. *aurum*, сабин. *ausom*, др.-прус. *ausis*, лит. *auksas* (с вторичным вставным *k* - 573,25), [539, I, 500] - с недостаточно ясной этимологией. Более поздние и этимологически "прозрачные" названия золота по цвету (и.-е. **ghel* 'желтый') при сравнении германо-балто-славянского и индоиранского ареала не дают цельнолексемных изоглосс, свидетельствуя лишь об общности номинации по цветовому признаку и от общего корня. В значительной мере это относится и к

названиям серебра. Ср. лат. *argentum*, др.-греч. ἀργυρος и хетт, *harki*, где совпадает только общий корень с цветовым значением 'белый'. Греческие названия металлов, кроме ἀργυρος и, по-видимому, χαλκος представляют собой заимствования и мало что дают для истории индоевропейских названий металлов. Заимствованиями являются также лат. *plumbum*, др.-в.-нем. *kurfar* и др. В отличие от этой пестроты и многочисленных расхождений в балто-славянском ареале названия металлов представляют собой достаточно компактную единую группу. Здесь надежные изоглоссы охватывают пять из шести приведенных выше названий. Причем названия золота и серебра объединяют балто-славянский ареал с германским: лтш. *zēlts* – ст.-слав. *злато* – др.-в.-нем. *gold*; лит. *sidābras*, др.-прусс. *sirablan* (винит, пад. ед. числа), лтш. *sidrabs* – ст.-слав. *сѣребро* – др.-в.-нем. *silabar*, гот. *silubr*. Название золота в указанных языках объединяет, помимо корня, также и общность дентального суффикса. Но латышское слово отличается по огласовке корня и является изолированным в балтийских языках (ср. лит. *auksas*, др.-прусс. *ausis*). Многочисленные формы названий серебра даже при учете разного рода позднейших ассимилятивно-диссимилятивных изменений, связанных с наличием в слове двух плавных, едва ли возможно возвести к единой праформе. Если к этому добавить отсутствие какой-либо правдоподобной этимологии слова, то следует согласиться, что перед нами – совместное заимствование из какого-то общего источника [532, III, с. 606]. Очевидно, что это заимствование имело место еще до утраты тесных контактов между германским и балто-славянским. Остальные названия металлов (кроме меди) тесно связывают между собой балтийский и славянский ареалы. Так, изоглосса др.-рус. *желѣзо* – лит. *gel* (e) *žis*, лтш. *dzelzs*, др.-прусс. *gelso* не имеет надежных соответствий за пределами балто-славянского ареала. Обычно приводимое в словах сопоставление с др.-греч. χαλκος 'медь, бронза' затруднительно в фонетическом отношении, мысль о заимствовании в III тыс. до н. э. греческого названия меди и балто-славянского названия железа из хаттского [147, с. 69] также трудно признать убедительной. Попытки этимологизировать др.-рус. *желѣзо* и родственные балтийские и славянские слова [382; 464] успеха не имели. Вяч. Вс. Иванов вообще не допускает возможности собственно балто-славянской этимологии [147, с. 102]. Весьма сомнительной является попытка видеть в др.-рус. *желѣзо* сочетание славянского *жел-* 'желтый' и **ѣз-*, заимствованного из гот. *aiz* 'медь' [464; против с убедительной аргументацией 455]. Не касаясь непосредственно вопроса об этимологии слова *железо*, отметим только, что в пользу его исконности косвенно свидетельствует пол. *zeliwo* 'чугун' [382, с. 33]. Тесная связь балтийского со славянским проявляется в общности целого ряда производных (лит. *geležinis* – др.-рус. *желѣзные*, лит. *gelžeti* = рус. диал. *железеть* 'превращаться в железо, становиться твердым, как железо' др.). О. Н. Трубачев справедливо отметил, что "отношения между *железо* и *железа* – нечто большее, чем созвучие" [382, с. 34]. И действительно, лит. *geležuoti*, *geležavo* 'покрывать железом' имеет полное формальное соответствие в рус. диал. *железовать* 'болеть опухолью желез в горле (о лошадях)'. Лит. *gėležiūnys* (мн. число) 'мыт (болезнь лошадей: воспаление слизистой в горле)' образовано, безусловно, от литовского глагола, но семантически объяснимо лишь из его русского соответствия. От того же самого (русского) глагола образовано и рус. диал. *железованье* 'опухоль желез в горле (у жеребят)' [529, 9, с. 107]. Перед нами – не просто комплекс сложных по своей структуре цельнолексемных изоглосс, но явная совместная балто-славянская инновация. Название болезни лошадей дано, видимо, по отвердению воспаленных желез в горле. Здесь, по всей вероятности, следует искать как ключ к пониманию взаимосвязи между словами *железо* и *железа*, так и этимологические истоки слова *железоб*. Связь названий олова (др.-рус. *оловь* 'свинец, олово', рус. *олово*, укр. *олово* 'свинец' – лит. *álvas*, лтш. *alvs* 'олово', др.-прусс. *alwis* 'свинец') со значением 'белый' (лат. *albus* и др.) является общепризнанной. Однако здесь, к сожалению, не все так просто. Необъяснимым остается славянское и балтийское *v* на месте *b* (и.-е. **bh*, ср. др.-греч. αλφος 'белый лишай'). Олово, как известно, – очень редкий металл. И в эпоху бронзового века торговые пути, по которым оно доставлялось к местам выплавки бронзы, простирались на огромные расстояния. Привозным, по всей видимости, было олово также у балтов и у славян. Если это так, то можно высказать предположение о том, что балто-славянское название олова явилось результатом

внутрииндоевропейского заимствования, в процессе которого имела место фонетическая субституция *b* → *v*. В пользу заимствованного характера славянского названия олова говорит также отсутствие обычной славянской метатезы типа лит. *álnė* - рус. *лань*, лит. *aldijá* - рус. *ладья, лодья*, лит. *alkúnė* - ст.-слав. *лакѣтъ*, рус. *локоть* и др. Применительно к основе **alb-* 'белый' можно привести др.-в.-нем. *ablīȝ* - пол. *labędź* 'лебедь' и гидроним *Лабя* 'Белая (река)'. В отличие от последних двух примеров у слова олово нет метатезы и вместо ожидаемого *б* стоит *в*. Др.-рус. *свиньць* - лит. *švinas*, лтш. *svins* не имеют соответствий на уровне изоглосс за пределами балто-славянского ареала. Сопоставление с др.-греч. *χαυος* 'сталь', *χαυος* 'темно-синий' и др. недостоверны (532, III с. 577). Из существующих этимологий наиболее правдоподобной представляется та, которая связывает балто-славянское название свинца с и.-е. **kuei-* 'светить (ся)', 'блестеть' (479, с. 745; 430, II, с. 259). Во-первых, эта этимология отражает хорошо известную универсалию: название металлов по их цвету или блеску. Типологической аналогией может служить др.-в.-нем. *blio* (нем. *Blei*) - к и.-е. **bhlei-* 'блестеть'. Чередование гласных **kuei-n-* (*свиньць*): **kui-n-* (*švinas*) целиком соответствует чередованиям **kuei-i-* (ст.-слав. *свитати*, лит. *šviesti*): **kui-t-* (др. рус. *свьтѣти* = лит. *švitėti* 'светить, сиять'). Образования с суффиксальными *-n-* и *-t-* соотносятся между собой так же, как в случаях др.-рус. *да-н-ь* : *да-т-ь* (рус. *по-дать*), *пѣ-н-ице* : *пѣ-т-ице*, лат. *plē-n-us* : *im-plē-t-us*, лит. *pil-n-as* : *i-pil-t-as* и т. п.⁷ Точно такое же чередование суффиксальных *-n-* и *-t-* мы находим в случае с лит. *švi-n-* as 'свинец' : *švi-t-as* 'фосфор', а также (с полной ступенью огласовки корня) у др.-инд. *šve-t-ah* 'светлый, блестящий' - с формой жен. рода *šve-n-i* [последний пример - уже у П. Перссона, 479, 745]. Наконец, чередующаяся со *švin-(as)* основа *švit-* встречается также у литовского названия латуни *švitvaris* (= 'светлая медь'). Единственное расхождение между балтийскими и славянскими названиями металлов представляет собой название меди: лит. *vāris* - др.-рус. *мѣдь*. Однако нужно отметить, что это чисто внутреннее расхождение, не выходящее за пределы балто-славянского ареала, в отличие, например, от лит. *vūgas* - ст.-слав. *мѣжь*, где первое слово объединяет балтийский с итальянским (лат. *vir*), а второе - славянский с индоиранским и германским (др.-инд. *manus* гот. *manna*). В случае с названием меди ни балтийский, ни славянский не имеют никаких надежных соответствий в иных индоевропейских языках. Более того, ближайшие этимологические соответствия балтийскому названию меди, по-видимому, находятся в славянских языках. Касаясь этимологии лит. *vāris*, *vārias*, лтш. *vars*, др.-прусс. *wargien* эмедьэ, Э. Френкель приходит к неутешительному выводу: "Etymologic unklar" [537, с. 1200]. Среди попыток этимологизации балтийских названий меди следует прежде всего отметить сопоставление с балто-славянской основой **uag-* эварить, кипетьэ (рус. *варить*, лтш. *varit*, лит. *virti*), а в семантическом плане - с хет. *uag* 'гореть', арм. *varem* 'зажигаю'. Эти сопоставления предполагают цветное обозначение ('красный'), связанное с процессом горения [147, с. 105]. Сильной стороной этой этимологии является ее фонетическая безупречность и семантическая правдоподобность: названия металлов по цвету - известная семантическая универсалия (ср., в частности, др.-греч. *χαλχη* 'пурпур' и *χαλχος* 'медь'). Однако наличие того или иного изосемантического ряда обычно делает соотношенную с мим этимологию правдоподобной, но отнюдь не делает ее бесспорной и не исключает иных этимологических решений. Слабой стороной изложенной "цветовой" этимологии лит. *vāris* 'медь' является полное отсутствие у производных балтийской основы **uag-* каких-либо следов не только цветного значения, но также и значения 'гореть, зажигать'. Эта основа, как известно, связана не с огнем, а с водой: с кипением жидкости, с варкой. Характерно, что в славянских языках производные основы **uag-/uog-* широко употребляются в металлургии: рус. *варить* медь, железо, рус. диал. *вар* раскаленное добела железо [527, I, с. 165], болг. диал. *вар* 'железный шлак' и др. В балтийских языках следы этого значения для той же основы сохранились у др.-прусс. *auwerus* 'металлический шлак' - к лит. *virti* 'варить' [537, с. 1263]. В литовском языке наблюдаются четкие словообразовательные связи, которые объединяют прилагательные на *-us* с существительными на *-is*: *kandús* 'куский' - *kañdis* 'кусок' (ср. так-же *kandis* 'моль'), *sargús* 'сторожкий' - *sargis* 'сторожевая собака', *gerus* 'пригодный для питья' - *geris* 'напиток', *kibus* 'липкий', *kibis* 'репейник' и др.). С учетом

"металлургического" значения рус. *варить* и других родственных славянских слов к этой же словообразовательно-семантической модели можно отнести также лит. *varús* 'варкий' - *vāris* 'медь'. Семантическое обоснование подобной этимологии балтийского слова подкрепляется прямо противоположным качеством другого металла: "железо не варко... плохо варится" [527, I, с. 1668]. Показательно, что лит. *varús* 'варюий (о мясе, горохе)' имеет в качестве соответствия русское слово *варкий*⁹, употребляемое применительно к обработке металлов. Таким образом, этимологии лит. *vāris*, лтш. *varš*, несмотря на отсутствие полных цельнолексемных изоглосс, тесно связывает балтийский ареал со славянским. Наконец, др.-прус. *wargien* 'медь' также можно сопоставить с рус. диал. *варганить* 'варить' [529, 4, с. 46]. Изолированным является славянское название меди (ст.-слав., др.-рус. *мѣдь* и др.), "не имеющее надежной этимологии. Из предложенных решений наиболее правдоподобными представляются сопоставления со ст.-слав. *смѣдь* 'темный' [533, II, с. 4-6] и с др.-в.-нем. *smta* металл [536,11, с. 1078]. Более привлекательной из них представляется первая этимология, предполагающая цветное обозначение меди. Тем более, что в процессе выплавки бронзы название меди как "темного" металла составляло пару :к названию олова как металла "светлого"¹⁰. Очень важной изоглоссой является балто-славянское название руды: лит. *rūdá*. лтш. *rūda* - др.-рус. *роуда* (ср. также др.- в.-нем. *aruzzi* 'руда'). С легкой руки А. Брюкиера почти общепризнанным стало мнение о заимствовании балтийских слов из славянского [429, с. 128; 491, с. 192; 537, с. 745; 490, с. 492]. Перед нами - один из наиболее устоявшихся мнимых славизмов в балтийских языках. Какие аргументы, помимо пресловутой культурной "отсталости" балтов (А. Брюкнер), можно привести в пользу гипотезы о заимствовании? Только отсутствие в случае лит. *rūdá* - др.-рус. *роуда* полного фонетического соответствия. Поскольку лит. *Saūsas* = др.-рус. *соухъ*, а лит. *dūmas* = др.-рус. *дымъ*, при исконном родстве приведенных выше слов мы ожидали бы лит. **rauda* или др.-рус. **рыда*. Однако при этом совершенно не учитывается распространенное в балтийских и славянских языках чередование **ou* (au) : **u* : **ū*. Соотношение огласовки корня лит. *rūdá* и др.-рус. *роуда* полностью совпадает с такими примерами, как лит. *baūbti* = *būbti* 'кричать', *láužti* - *lūžti* 'ломать (ся)', лтш. *virsaune* = *virsiine* 'вершина', рус. *студ* - *стыд*, рус. диал. *глудка* = *глыдка* 'комоч земли'. Закономерное соотношение между балт. *ū* и слав. (русским) *у* (*ou*) можно найти как в корневой, так и в суффиксальной части слова: лит. *dūletī* = рус. диал. *дулеть* 'тлеть', лит. *begūnas* = рус. *бегун* и мн. др.¹¹ То же самое древнее чередование обнаруживается и у производных и.-е. корня **roud* (h) - */*rud* (h) - */*rūd* (h) - 'красный, бурый': лит. *raūdas*, лтш. *raūds* = др.-рус. *роудъ* = гот. *raups* и др., лит. *rudetl* = рус. диал. *рудѣть* 'краснеть' (**ou*); лит. *rudetī* = др.-рус. *рѣдѣти*, ср. лат. *rūbere* 'краснеть' (**u*); лтш. *rūdēt* - рус. *рыжеть* (ср. др.-рус. *рыжд-ьи* < **rūd-i-*, лат. *rūfus* - с итальянским *f* < **dh*) и др. (**ū*). В балтийских языках синонимичность форм корня *gāud-* и *rūd-* подтверждается примерами типа: лит. *gāuda*=*rūdas* 'зарница', лит. *rauda* = лтш. *rudulis* 'плотва' (ср. у того же корня: лат. *raudus* 'медяк', мн. ч. *gī-dera*). Как известно, начало металлургии бронзы в Прибалтике датируется началом II тыс. до н. э. В поселениях середины II тыс. на территории Латвии были обнаружены глиняные сосуды для плавки металлов, литейные формы и другие предметы, свидетельствующие о наличии местной металлургии [450, с. 60-61]. Уже для I тыс. до н. э. можно говорить об особом балтском стиле металлических изделий [450, с. 89]. Металлургия железа, добываемого из болотной руды, особенно бурно развивается у балтов в первой половине I тыс. н. э. [450, с. 99-100]. В этих условиях для обоснования предположения о том, что лит. *rūda*, лтш. *rūda* были заимствованы из белорусского или польского языка (sic!), т. е. где-то в середине II тыс. н. э., нужно найти какие-то следы исконно балтийского названия руды, что никем до сих пор не сделано. Связь как балтийского, так и славянского названия руды с добычей железа из руды болотной проявляется в таких изоглоссах из области терминологии, связанной с болотом, как укр. *руда* 'ржавое болото' [526, 4, с. 85], лтш. *rūda* 'ржавая вода', лит. *rūda* 'болотистая земля' ср. также *rūdpelke* = *rūdviete* 'ржавое болото' и т. п. (другие примеры см.: [271, с. 109]). В литовской гидронимике хорошо распространены образования типа *Rūdupis* [543, с. 281 сл.]. Интересно отметить, что слова из литовской народной песни *Vega kraujeliai kaip rudinelis* 'бежит кровушка словно (бурная) болотная водичка'

[539, XI, с. 870], видимо, проливает свет на семантическую историю рус. диал. *руда* 'кровь', что делает излишними ссылки на табу [532, III с. 513]. Наконец, два значения лит. *raud-/rūd-* 'руда' и 'зарница' (см. выше) повторяются у лтш. *rūsa* = *rūsis* 'кусок ржавого железа' и 'зарница' [541, III, с. 572 сл.]. В последнем случае ни о каком славянском заимствовании не может быть и речи, а в качестве *tertium comparationis* явно выступает значение 'красный, бурый'. Представляется крайне сомнительной недавно вновь высказанная гипотеза о заимствовании и.-е. **roudh-/rudh-* 'красный, руда' из шумерского *urudu-* 'медь' [55, II, с. 712]. Общеиндоевропейский ареал распространения слов со значением 'красный, бурый' при единичных примерах значения 'медь' (древнеиндийский, латинский¹²) заставляет видеть в названиях руды и меди (а также ржавого болота, зарницы, крови и т. д.) обычную номинацию по цвету. Вот почему, если только перед нами не случайное созвучие, скорее можно допустить заимствование из какого-то индоевропейского языка в шумерский, нежели наоборот [484]. Итак, надежные изоглоссы и этимологические соответствия неразрывно объединяют балтийский и славянский ареалы в области названий металлов и руды. Лит. *geležis, švlnas, álvas, vāris* - рус. *железо, свинец, олово, варить* (металл) - эти соответствия не выходят за пределы балто-славянского ареала. Лтш. *sidrabs, zeltis, rūda* - рус. *серебро, золото, руда* имеют надежные изоглоссные соответствия только в германском. Ни один другой индоевропейский ареал (включая индоиранский) не дает такого тесного единства при обозначении названий металлов и руды, как ареал балто-славянский. Важную роль при определении степени генетического родства между языками играет сопоставление глаголов, обозначающих: трудовые процессы. Балто-славянские изоглоссы в области металлургии и кузнечного дела здесь также весьма показательны: лит. *liėti* = рус. *лить* (металл) - с многочисленными производными (*liėtas* = *литой*, *lietinis* = др.-рус. *литыныи*, *liejikas* = чеш. *lijec* 'литейщик'); лит. *ap-kauti*, лтш. *ap-kaut* (устаревшее) = укр. *о-кути*, чеш. *о-kout* 'оковывать'; лит. *kaustyti*, лтш. *kaustit* 'подковывать' относится к чеш. *kouti* 'ковать' так же, как, например, лит. *piaustyti* к *piauti* 'резать', *vystyti* - к *vyti* 'свивать' и т. п.; лит. *gareti* = др.-рус. *горѣти*; лит. *dūlet* = рус. диал. *дулеть* 'тлеть'; лит. *dūmti*=др.-рус. *дуги*; лит. *dumeti* = рус. диал. *дыметь*, лит. *dūtyti* = рус. *дымить* (для краткости здесь и ниже даются примеры только из одного. балтийского и славянского языка). Из изоглосс, связанных с кузнечным делом, отметим: лит. *anglis* - рус. *уголь* (также и в германском); лит. *sūodžia* (мн. ч.) - рус. *сажа* (также в германском и в кельтском); др.-прус. *wutris* - др.-рус. *вѣтръ* 'кузнец'; лтш. *kurikis* 'истопник, кочегар' - **къръць* → др.-рус. *кърчи* (реконструкция М. Фасмера - 534, II, с. 341); лтш. *krems* - ст.-слав. *кремы* 'кремень'; лит. *maisas* = др.-рус. *мѣхъ* 'кузнечный мех': лит. *dumcius* = др.-рус. *дѣмчи* *idem*; лит. *kujis* = др.-рус. *кѹи* 'молот' (ср. также лит. *kujukas* и рус. диал. *киѣк* 'молоток'). Этимологически на корневом и семантическом уровне сопоставимы укр. *дуло* и лит. *dušnplis* (мн. ч.) 'кузнечный мех', серб.-хорв. *сјечиво* и лит. *ра-sėk-elis* 'молот'¹³, лтш. *kaldit* 'ковать' и рус. церк.-слав. *кладиво* 'молот'. Можно указать также на целый ряд балто-славянских изоглосс, относящихся к продукции кузнечного ремесла: лтш. *sėks* 'серп' - др.-рус. *сѣчь* 'меч'; лтш. *teslis* - рус. *тесло* (также и в германском);¹⁴ др.-прус. *dalptan* 'пробойник' - рус. *долото*; лит. *kerslas* 'долото, резец' - рус. диал. *чересло* 'плужный нож, резец'. Даже этот краткий перечень изоглосс из области литейного дела и кузнечного ремесла показывает, что почти полное совпадение названий металлов в балтийском и славянском ареале не является случайным. Оно свидетельствует об общности материальной культуры у балтов и славян, во всяком случае начиная с конца бронзового и на протяжении железного века, а также, по-видимому, и в более позднее время.

3 Именно так объясняет А. Мейе наличие общего кельто-германского и балто-славянского названия железа [238, с. 404]. 4 Ср. лтш. диал. *muksu* = *musu* и др. [446, с. 173], *gurkste* = *gūrste* = др.-рус. *гърсть*. Менее правдоподобной представляется реконструкция *áuksas* < **auksas* [55, II, с. 713], ибо авторы не проводят ни одного примера метатезы *sk>ks* в балтийских языках. 5 Наличие у др.-греч. *χαλχη* и метатезной формы *χαλχηδων* значений 'пурпур', 'вид цветка', а также др.-греч. *χαλχηδων* 'халцедон' (камень преимущественно красного цвета) говорит в пользу цветового происхождения греческого названия меди

χαλχη (ср. 461, 462, с. 3) и против сопоставления этого слова с этионимом χαλχη 'халибы' (Иванов 1983, 68). Последний связан лишь с греческим названием стали χαλχη, -υρος (χαλχηυρος σιδηνρος 'халибское железо') 6 Этимологом здесь мог служить корень со значением 'твердый' (ср. рус. *желвак*). В словообразовательном плане показательны производные с параллельными суффиксами: рус. *железо* - пол. *żeliwo* 'чугун' и рус. *железа* - рус. диал. *железо* = рус. диал. *желва*. 7 Подробнее [286, с. 18 сл.]; [287, с. 87 сл.] 8 Здесь правда речь идёт о сварке железа. О трудностях, связанных с его варкой, ср.: "Лучше бы мы желѣзо варити, нежели со злою женою быти" [Сл. Дан. Зат., 69]. 9 В диалектах литовского языка насчитывается около ста (!) прилагательных на -us, имеющих соответствия в славянских языках в виде прилагательных на *-ŭkŭ: varŭs - *варкий*, ėdŭs - *ѣдкій*, lavŭs - *ловкий*, серб.-хорв. *бодак* - лит. badŭs и мн. др. Подробнее об этих балто-славянских образованиях см. [288]. 10 О неприемлемости этимологии В. И. Абаев, связывавшего ст.-слав. *мѣдь* с названием страны Мидия (др.-перс. Māda), см. [287, с. 109 сл.]. 11 См. [492, с. 277 сл.]. Ср. также чередование au/ŭ в суффиксальной части слова: лит. gėležaunes = gėležunes (мн. число) воспаление желез горла (у лошадей). 12 Лат. radius 'медняк' - заимствованный из какого-то, видимо, индоевропейского языка. Исконно латинским является ruber 'красный', итальянским заимствованием - rūfus 'рыжий'. 13 Ф. Шпехт сопоставил словообразовательно-этимологическом плане слав. sěčivo 'топор; молот' с лат. secivum 'кусочек жертвенного пирога' [494, с. 150]. О. Н. Трубачёв хочет видеть здесь ремесленную терминологическую изоглоссу [383, с. 151, 363, 392]. 14 В стороне остаются лат. tēlum 'копье, дротик' и tēla 'ткань', которые О. Н. Трубачёв также относит к числу славяно-литинских *терминологических* изоглосс, причём из области ремесленной лексики, относящийся к обработке дерева [383, с. 152, 392].

А. И. Зайцев. Реки индоевропейской прародины

Древнегреческое прилагательное διπτετής встречающееся впервые у Гомера, было не вполне понятно грекам уже в классическую эпоху и привлекло к себе пристальное внимание древнегреческой филологии. В дошедших до нас следах работы александрийских грамматиков обнаруживаются прежде всего колебания относительно самой формы слова: Зенодор защищал вместо διπτετής чтение διειπτετής [468, I, с. 547; Schol. Od. IV; 477]. Однако чтение это можно объяснить, как это и сделал Ф. Сольмсен [493, с. 162; ср.: 426, с. 101; 448, с. 392], только как результат вторичного распространения формы дательного падежа ед. ч. в первом элементе сложного слова на такие композиты, в которых этот дательный падеж не имеет смысла. Гораздо естественнее считать, что Зенодор своим чтением просто пытался избавиться от непонятной ему долготы I, возникшей на самом деле в результате метрического удлинения. Аналогичным образом возникло, очевидно, и чтение διειπτετή, которое мы находим в папирусном фрагменте "Игсипилы" Еврипида [524, fr. I, col. IV, 31], вне зависимости от того, принадлежит ли оно самому Еврипиду или появилось при переписке текста. Что же касается смысла, слово это объясняли как χαταρρους προαλης 'стекающий вниз' [468, Schol. Gen. II. XVII, 263], с другой стороны, как διαφαιης διαυης 'прозрачный' [468; Schol. Od., IV 477], еще иначе как διαπευασμενος 'распростертый' (Schol. Gen. II. XVII 263; Hesych. 6 1784 Latte) и, наконец, как απο Διος 'упавший от Зевса', т. е. происходящий от посылаемого Зевсом дождя (Schol. A. II. XVI 174; Schol. Gen. II. XXI 268; Schol. Gen. II. XVII 263; Schol. B II. XVII 263; Eustath. 1053, 7ff.; 1505, 58 ff.). Однако все эти объяснения представляют собой явным образом лишь догадки, опирающиеся на контекст, либо, в последнем случае, также и на предполагаемую этимологию слова. Надо сказать, что именно последнее объяснение, ('упавший от Зевса') принималось до недавнего времени и современной лингвистикой [488, с. 238; 447, с. 63; 493, с. 163; 426, с. 101; 439, с. 426; 465, с. 311; 448, с. 392]. Тем не менее необъяснимость формы дательного падежа единственного числа в первом элементе сложного слова διπτετής заставила искать иные объяснения. Однако те из них, которые отрывают δι- от индоевропейского корня *deiu-/*diu-, представляются неприемлемыми. Одна из таких попыток, предпринятая Карлом Гофманом и Гельмутом Гумбахом, связывает διτ-Предложение М. Трея объяснить первый элемент διπτετής как восходящий к наречию δια (Трея опирается на чтение διαπτετής в папирусе Алкмана fr. 3 Page) убедительно опровергается рассмотревшим весь материал Рюдигером Шмиттом [487, с. 226-236; ср. 438, с. 80]. В итоге представляется, что наиболее вероятным является объяснение διτ -<*di-, предложенное индологом Генрихом Людерсом, согласно которому исходной формой первого элемента была форма локатива единственного числа *diçi, где затем выпало интервокальное ç, а второе i подверглось в гексаметре метрическому удлинению, и следовательно, первоначальным значением было не 'с неба' или 'от Зевса (бога неба)', а только 'на небе', 'по небу' [466, 2, с. 677-679; 467, с. 11]. С другой стороны, тщательный анализ всей совокупности древнегреческих сложных прилагательных на -πετής, который предпринял П. Шантрэн, привел его к убедительному выводу, что διπτετής, как и некоторые другие, засвидетельствованные со времен Гомера прилагательные этого типа, имеет второй элемент, связанный с глаголом πετηοα 'летать', а не с πιττω 'падать' [439, с. 80-83]. Таким образом, первоначальное значение этого прилагательного должно было быть 'летающий по небу', так что употребление его именно в этом значении в применении к птицам в гомеровском гимне к Афродите (Hymn. Horn. V 4), очевидно, весьма архаично и восходит к первоначальному значению этого слова. В свете этого наблюдения получает особое значение сделанное Г. Людерсом сопоставление древнегреческого διπτετής с текстом из Риг-Веды (II 28, 4) [466, I, с. 146]: prá sim ādityō asrjad vidhartán rtām sfndhavo várunasya yanli ná srāmyanti ná vi mucanty eté váyo ná paptū raghuuá párijman (Букв.: Адитья отослал (их: т. е. реки) разделенными; (Эти) реки идут по закону Варуны, Они не устают и не расслабляются, Как птица летает, быстро двигаясь по кругу). Речь здесь

явно идет о *реках, текущих по небу*, причем они сравниваются с птицами. Таким образом, ведийский текст включает в себе параллель и к $\delta\iota\tau\epsilon\tau\eta\varsigma$ гомеровских поэм, где реки характеризуются эпитетом, который первоначально означал летящий по небу, и к $\delta\iota\tau\epsilon\tau\eta\varsigma$ гимна к Афродите, где это прилагательное прямо характеризует летающих по небу птиц. Едва ли можно предполагать здесь параллельное развитие, так что предложенная Людерсом реконструкция *праиндоевропейского представления о небесных реках* [487, с. 221-236] получает теперь дополнительное подтверждение. Мы можем, однако, сделать, как кажется, еще шаг вперед $\delta\iota\tau\epsilon\tau\eta\varsigma$ у Гомера является всегда эпитетом вполне реальных рек - Сперхея (II. XVI 174; XVII 263), Скамандра (II. XXI 268, 326) или Нила (Od. IV 477, 581; VII 284), хотя первоначальное значение этого эпитета и параллель из Риг-Веды указывают на небесные реки. Самым естественным объяснением такого развития было бы исходное представление о том, что реальные, земные реки в то же время, скажем, в своем верхнем течении, текут по небу. Тогда встает вопрос, где, в каких условиях могло естественнее всего зародиться представление о таких реках. Нам кажется, что наиболее естественной ситуацией для возникновения такого представления была бы жизнь на берегах крупных, многоводных рек, непонятно откуда текущих, не получающих заметного дополнительного количества воды ни от дождей, ни из впадающих в них притоков: Очевидно, что из обсуждаемых в науке гипотез относительно прародины индоевропейцев лучше всего согласуется с таким представлением о реках *гипотеза о южнорусских степях*. Большие реки - Урал, Волга, Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут с неизвестно откуда взявшейся водой легко могли породить представление о том, что где-то далеко на севере за горизонтом эти реки текут по небу, где, во всяком случае, должна быть вода, ибо иначе, откуда мог бы идти дождь? Менее обоснованной кажется, нам альтернативная попытка подойти к вопросу о характере рек индоевропейской прародины, которая была недавно предпринята Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым, которые, как известно, считают родиной индоевропейцев изрезанную горными цепями Малую Азию. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов исходят из реконструируемого ими праиндоевропейского словосочетания * $\text{Hap[h]}\text{-os}$ * t[h]ek[h]o - 'вода теч(ет)' [552, 2, с. 670-671], однако материал, приводимый ими для реконструкции, не представляется достаточным. Они приводят соответствующие словосочетания в палайском, авестийском и латышском языках, но такие словосочетания из слова со значением *вода* и глагола, первоначальное значение которого было *быстро двигаться, устремляться*, - могли развиваться в этих языках независимо и параллельно, так как развитие значения от *быстро двигаться* к *течь* вполне естественно, и естественность его подтверждается хотя бы тем, что гораздо позже и вне сочетания с корнем * Hap[h] - (или каким-либо его вариантом) оно повторилось в русском языке. В самом деле глагол $\text{tek}\varphi$ старославянского языка означал 'бегу', и таково было, очевидно, и общеславянское значение этого глагола (ср. сохранившееся до сего дня в русском языке выражение броситься наутек). Однако в русском языке этот глагол применяется только к жидкостям, в частности к воде, повторив через несколько тысяч лет развитие, когда-то совершившееся в палайском. Следовательно, во-первых, развитие значений корня * t[h]ek[h] от 'быстро двигаться' к 'течь' нет оснований считать непременно праиндоевропейским, и, во-вторых, его не следует связывать непременно с жизнью на берегах быстротекущих горных рек: как показывает русский пример, это развитие легко происходит вне зависимости от природных условий. Нам кажется, что представление о небесных реках, как более специфичное, скорее, может послужить опорным пунктом для догадок относительно стоящих за ним индоевропейских реалий.

М. Б. Щукин. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян

Славяне как самостоятельная этническая единица под именем *склавины* впервые зафиксированы письменными источниками около 512 г. [521, VII(III), 14-15]. Одна из группировок племен, выступившая позднее как славянская (анты), впервые отмечена в связи с событиями, произошедшими вскоре после 375 г. [519, 119, 247]. А третья группировка - венеты, к VI в. уже редко появляющаяся на страницах источников, известна под названием венеда античным авторам I и II вв. [519, 34, 119; 523, 46; 520, IV, 96; 522, III, 5, 19]. *Славянские археологические культуры* (пражско-корчакская, пеньковская и колочинская), континуитет которых через другие культурные образования, вплоть до эпохи Киевской Руси, прослеживается с достаточной очевидностью, относятся, в основном к VI-VII вв., и лишь немногочисленные пока памятники позволяют говорить о V в. [330, с. 27; 24, с. 121 - 128; 394, с. 211-212, 26; с. 152, р. 4, с. 178, р. 18, 4; 316, с. 71, р. 46, 9; 71, с. 33-47]. В предшествующее же тысячелетие ход истории в Европе определялся взаимодействием семи социально-культурных массивов, семи "миров". Перечислим их: **I. Греко-римский**, эллинистический, от западных границ римского государства до восточных границ царства Селевкидов, а затем Парфии. **II. Кельтский мир** от Британии до Пиренеев и до Карпат. **III. "Третий мир"** варварских племен Центральной, частично Восточной и Северной Европы, включая Скандинавию. Мир "полей погребений" и "лощено-хроповатой посуды". Лишь условно его можно называть *германским*, потому что исторические германцы середины I в. до н. э. безусловно, вышли из него, и в реальности это был более сложный конгломерат, включавший, кроме германцев, целый ряд исчезнувших затем "народов между германцами и кельтами" [453]. Археологически данный мир представлен следующими культурами: ясторфской в узком и широком смысле термина [489, с. 119-131; 538, с. 87-95], поморской, пшеворской, оксывской, зарубинецкой, поянешты-лукашевской, позднее - вельбаркской, черняховской, рядом групп "эльбского круга" и многочисленными культурными группами Скандинавии. **IV. Мир культур зоны смешанных лесов Восточной Европы** - милоградской, юхновской, днепро-двинской, штрихованной керамики и западнобалтских курганов. Поскольку ареал этих культур достаточно точно совпадает с ареалом балтской гидронимии, их принято считать *балтскими*. **V. Мир культур по преимуществу зоны хвойных лесов** от Финского залива до Приуралья. На западе это культура каменных ящиков Эстонии и эпинеолитическая культура асбестовой керамики Карелии, редкие рассыпанные памятники с сетчатой керамикой и эпинеолитическая позднекаропольская культура, затем очень близкая к культурам IV мира дьяковская культура и, наконец, восходящая к ананьинским временам цепочка "вырастающих" друг из друга богатых бронзой культур Приуралья. Поскольку этот культурный мир достаточно точно совпадает с зоной распространения финно-угорской топонимии, его можно считать *финно-угорским* с включением, возможно, групп лопарей-саами, живущих еще по неолитически. **VI. Кочевнический, скифо-сарматский мир**, охватывающий всю полосу степей от Дуная до Тянь-Шаня. **VII. Фракийский мир** Карпато-Дунайского региона. Все названные миры не были *моноэтническими*. О том, сколь сложна и пестра этническая картина первого из них, мы знаем достаточно хорошо. Можно допустить, что и в остальных она была не многим проще. Применяемые к ним этнические этикетки вообще весьма условны, хотя те или иные этносоциальные организмы и группировки племен могли быть центрами культурной иррадиации, придававшей определенную окраску каждому миру, как *греко-римляне* в первом и *кельты* во втором. По всей вероятности, внутри каждого мира и на их границах происходили сложные глоттогенетические процессы, вроде тех, что намечены, например, В. К. Журавлевым: "Праславянский язык, как, возможно, и любой другой язык, вполне реалистично представить себе как изоглосную область, где пространственно-временной континуум более или менее родственных диалектов "разрывают" противоречивые тенденции - свои старые и новые, идущие из эпицентров новых изоглосных областей" [120, с. 173]. Некоторые

элементы для детализации этих процессов может дать археология, хотя конкретное изучение балто-славянского взаимодействия сейчас не входит в наши задачи. В археологическом отношении каждый из миров представляет сложную мозаику археологических культур и групп, но все они объединены *сходством структуры*, что и позволяет отличать указанные миры друг от друга. Так, в IV и V мирах практически нет чериолощенной керамики, нет мисок, столь характерных для III мира. В лесной зоне Восточной Европы пользовались исключительно груболепными слабопрофилированными горшками и почти не носили фибул, столь обязательных для костюма представителей III мира. Одни культуры "мисочные" и "фибульные", другие - "горшечные" и "бесфибульные". Жители лесной зоны могли, конечно, пользоваться деревянной столовой посудой, до нас не дошедшей, но и это - свидетельство иноструктурности. Не будем сейчас подробно сопоставлять все миры друг с другом. Различия их достаточно очевидны. Улавливаемые археологические особенности культуры выражают лишь внешнюю форму, а суть лежит глубже - в разнице природных условий, способах хозяйственной деятельности, в уровне социально-экономического развития, в направлениях связей и т. д., вплоть до психического склада большей части населения. Вероятно, внутри каждого мира шли процессы, способствовавшие превращению его в единый этнос, но завершиться этим процессам не довелось. Эпоха великого переселения народов взломала, разрушила картину семимирья, разметала частички, и они сложились затем в новую композицию, ставшую основой современной политической карты Европы. Причем теперь славяне выступают как единый культурный мир, достаточно резко отличный от прочих, хотя на первый взгляд в разрушенном семимирье как будто и было место славянам. Непосредственных их предков (ведь должны же они были находиться где-то в пределах этого разрушенного семимирья) археологи искали в украинской ретроспективной цепочке культур от Черняховской до белогрудовской или в польской - от пшеворской до лужицкой. В последнее время В. В. Седов предложил более сложный вариант, объединяющий оба пути, - через Черняховскую культуру к пшевору, а далее по польскому пути [344]. Для всех этих гипотез, однако, оставалось неразрешимым одно противоречие: последние звенья, "мисочные" и "фибульные" культуры "третьего мира" (черняховская и пшеворская) по структуре резко отличны от "горшечных" раннеславянских культур. Столь резкая трансформация культурного облика населения мало реальна, а ссылка на общую деградацию культуры после крушения Империи не помогает, так как в тех местах Европы, куда славяне не проникли, преемственность культурной структуры сохранилась. Более перспективным представлялся обходный маневр П. Н. Третьякова, выводящего славян из зарубинецкой культуры не через Черняхов, а через вновь открытые памятники киевского типа и киевскую культуру [381]. Для смены структуры оказывается достаточно много времени, и цепочка преемственности прослеживается весьма отчетливо. Однако сама зарубинецкая культура (после (разрешения вопроса о балканском происхождении зарубинецких фибул [161, с. 57-79]) хронологически и территориально так хорошо увязывается с *бастарнами* Страбона, что в ней трудно видеть прямых предков славян. Бастарны - один из народов "между кельтами и германцами", компонент славянского этногенеза, но не определяющий в облике новых славянских культур. Структурное сходство "горшечных" раннеславянских культур с культурами IV мира, единодушно считаемых *балтскими*, подметил И. Вернер и призвал советских археологов "избавиться от чар балтийства" [48, с. 102-115]. Сходство это, действительно, велико, и расположены эти культуры в той далекой от гор и морей, богатой озерами и болотами зоне, где не растет бук, которую специалисты по лингвистической географии считали *прародиной славян* [392]. Но топонимика здесь балтская, и оформлена она славянскими суффиксами, а это означает, что славяне поселились здесь позже балтов [369]. Балтский барьер преодолеть не просто. Однако он становится проницаемым, если встать на позицию тех лингвистов, которые считают, что на определенном этапе глоттогенеза существовала балто-славянская общность и что балтские и славянские языки не являются "братьями", происходящими от одного индоевропейского предка, а скорее, выступают в отношении "отца" и "сына". Причем славянский сын родился у "отца" балта сравнительно недавно, незадолго до появления древнерусских летописей [146, с. 5, 37, 40; 371, с. 4].

Подключение к балтской (или балто-славянской) среде некоего "кентумного" элемента [474, с. 46] превратило часть диалектов в балто-славянские (или славянские). Во время движения групп этого населения на юг и на запад оно окончательно стало славянским, а часть его, вернувшаяся обратно после "дунайского эпизода" славянской истории [229, с. 66-94; 230, с. 110-172], и придала балтским гидронимам Поднепровья славянское оформление. Таким образом, "чары балтийства" нет необходимости преодолевать до конца. Насколько реален такой ход глоттогенеза - судить языковедам, а археологи могут подсказать возможное время основных вех этого процесса. За начальную точку отсчёта можно было бы принять события, происходящие где-то в первой половине I в. н. э., а может быть, и более точно - около 49 г. В это время мощная волна сарматского нашествия прокатилась по степям Украины [414, с. 43-53], захватила лесостепь и изменила структуру зарубинецкой культуры. Сгорели зарубинецкие городища Каневщины в Среднем Поднепровье появились сарматские захоронения, а зарубинецкие могильники перестали функционировать [160, с. 128-140; 219, с. 98]. В это же самое время в Польском Поморье происходит процесс трансформации оксывской культуры в вельбаркскую, в котором принимают участие и выходцы из Скандинавии, готы - амалы Иордана, оставившие могильники типа Одры-Венсёры [514, с. 79-107; 515, с. 135-180; 459, с. 67-79; 418, 6]. Возможно, именно этот процесс заставил двинуться к югу и юго-востоку часть пшеворцев. Их памятники появляются в Верхнем Поднепровье [170]. В 50 г. на территории Словакии встретились конники-языги и "несметные силы" лугиев [523, II, 63], носителей пшеворской культуры. Под сарматской угрозой носители зарубинецкой культуры ищут убежища у пшеворцев Верхнего Поднепровья, подселяются к ним или укрываются в труднодоступных для конников поймах, или уходят на север, за Березину, и на северо-восток, в Подесенье и Брянские леса. Археологически этот процесс отражается своеобразным явлением - горизонтом Рахны-Почеп. Не были ли эти наследники зарубинцев носителями упомянутого "кентумного" элемента? Они - потомки бастарнов, народа "между германцами и кельтами", говорившего, скорее всего, на языке группы "кентум". На жителей лесной зоны зарубинецкие беженцы оказывают заметное воздействие: в это же время днепро-двинская культура трансформируется в среднетушемлинскую [380, с. 232-234; 379, с. 18-25] с некоторыми зарубинецкими элементами. Тот вельбаркский толчок, который вызвал движение пшеворцев к югу, имел и другое направление, восточное. Вельбаркцы заняли Ольштынское поозерье, пограничное с культурой западнобалтских курганов [514, с. 85]. В то же самое время курганы близкого облика появляются к северу от основного ареала этой культуры, в Жемайтии, в западной части ареала культуры штрихованной керамики [358, с. 86-88; 504, с. 79-83; 505, с. 72-78; 472, с. 50-52; 473, с. 110-132; 437, с. 56-60]. В последней тоже происходят какие-то потрясения. Горят городища, перестраиваются системы укреплений, возводятся новые [266, с. 15]. Замечено движение "штриховиков" на восток, в зону днепро-двинской культуры [340, с. 70-74], и проникновение их на юг отдельные находки штрихованной керамики на памятниках горизонта Рахны-Почеп [122, р. 15-17; 364, р. 24, 15, 18, 19; 27, с. 64]. Создается впечатление, что вся территория лесной и лесостепной зон Восточной Европы представляет собой некий бурлящий "котел", в котором "завязываются" передвижения, перемещения, сложные социальные процессы и бурные политические события. Этот "котел" можно было бы с достаточным основанием назвать "венедским", потому что именно здесь, к востоку от Вислы, между охотниками-феннами с их "жалким убожеством" и бастарнами "бродят ради грабежа" *венеды* Тацита [523, с. 46; 471, с. 51-70]. А писал он свою "Германию" как раз в те годы, когда происходили все названные процессы середины-второй половины I в. Под термином "венеды" объединялись, скорее всего, и "штриховики", и днепро-двинцы, точнее среднетушемлинцы, и представители горизонта Рахны-Почеп, наследники бастарнов, от которых венеды, по словам Тацита, "много переняли". Однако процесс культурного воздействия был обоюдным, и к середине II в. потомки зарубинецкого населения почти полностью утрачивают свои прежние традиции, их культура приобретает структуру, свойственную IV миру, лесной зоне, что отчетливо видно на памятниках типа Грини-Вовки [364, с. 57; 71, с. 108-109]. Затем в начале III в. в связи с начавшимся вельбаркско-пшеворским движением к берегам Черного моря и

набегами варваров на Империю складывается Черняховская культура, представляющая собой археологическое выражение многоплеменной полиэтничной "державы Германариха" [416, с. 79-92; 499, с. 135-163]. В ходе движения носители вельбаркской культуры достигали и Посеймья (Пересыпки) [192, с. 33-35]. Сложившаяся обстановка, возможно, заставила консолидироваться жителей южной части лесной зоны - образовалась киевская культура. После победы Германариха над венедами [519, 119] наступило перемирие, что, вероятно, и способствовало возникновению киевско-черняховской чересполосицы, которую мы наблюдаем на Днепровском Левобережье [363, с. 81-83]. Есть некоторые основания думать, что и на Правобережье ситуация была сходной, хотя соответствующих памятников пока не выявлено. *Киевская культура*, включая предполагаемый ее правобережный вариант, и является, по всей вероятности, балто-славянским эмбрионом будущего славянства. В конце IV в. в результате "кесарева сечения", произведенного гуннами, разгромившими Германариха и взломавшими южную стенку "венедского" котла, ставяне сдвинулись к югу, оторвались от родного балтского лона, пережили младенчество в темном V в. и к началу VI в. появились на Дунае уже как носители *раннеславянских культур - пражско-корчакской и пеньковской*. Не участвовавшие в "дунайском эпизоде" носители культур колочинской и Тушемля-Банцеровщина еще достаточно долго сохраняли свое балто-славянское и балтское, праславянское состояние, а затем были поглощены в ходе славянской колонизации Севера в VIII-X вв. В сложении же летто-литовской группы балтов, археологически представленной культурой восточнолитовских курганов, решающую роль, по всей вероятности, играло население, представленное курганами жемайтійского типа, в свою очередь, восходящими к курганам западнобалтским [547, с. 30-37]. Здесь намечен лишь проект будущей гипотезы *происхождения славян*. Она потребует еще много уточнений и конкретизации. Но "а этом "лесном" пути есть возможность объяснить большое число фактов, а ряд верных наблюдений, сделанных ранее на польском и украинском материалах, без особых затруднений впишутся в предлагаемую гипотезу в качестве частных случаев.

В. А. Ушинкас. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов

Для формирования современных представлений о ранней истории балтов и их этногенезе решающее значение имели работы археологов и лингвистов, использующих материалы в широких хронологических и территориальных рамках. В области археологии прежде всего это труды Х. Моора, Р. Римактене, П. Третьякова, В. Седова, М. Гимбутене (Гимбутас) и др., в языкознании - К. Буги, М. Фасмера, В. Топорова, О. Трубачева. В результате на основе работ указанных авторов была создана концепция автохтонного развития балтов в пределах лесной зоны от неолита до раннего средневековья, в которой одно из центральных мест в процессе этногенеза балтов отводится культуре штрихованной керамики (далее ШК). В пределах Литвы находится только западная часть территории культуры ШК. Весь ее ареал охватывает области верхнего течения Днепра и Нямунаса, небольшую часть Западно-двинского бассейна [266, с. 55, рис. 1.3]. Хронологические рамки данной культуры определяются 6/7 в. до н. э. - 4/5 в. н. э. [266, с. 42; 267, с. 102-103]. На территории Литвы исследователи в культуре ШК выделяют три локальные группы: I группа - в северо-восточной части Литвы, к востоку от р. Швянтойи и к северу от р. Нярис; II группа - в бассейне среднего течения Нярис; III группа - в районе среднего течения Нямунаса [508, с. 11-12, рис. 2]. Для I группы характерны горшки с прямыми стенками, покрытые неглубокой и не очень упорядоченной штриховкой. Орнамент здесь мало распространенный и неразнообразный, характерные узоры - защипной и круглые ямки. Все городища с наиболее ранними материалами культуры ШК находятся именно на территории I группы (Наркунай, Няверишке, Пятряшюнай, Сокишкис и др.). Для II локальной группы характерны наиболее поздние формы штрихованной керамики с остросереберными плечиками. По материалам керамики этой группы выделяются 5 способов орнаментации: защипной, пальцевых вдавлений, ногтевой, прочерченный и штампованный, посредством которых создавались разные комбинации узоров. Все отмеченные способы орнаментации известны и в материалах III локальной группы, однако орнамент здесь менее разнообразный. Для керамики этой группы наиболее характерными, наряду с защипными, являются узоры пальцевых вдавлений, групповой геометрический орнамент [442, с. 41-56; 540, с. 22-24]. По данным автора, в настоящее время на территории Литвы известно 163 местонахождения штрихованной керамики, т. е. 1 местонахождение на 400 км². Приняв это значение за единицу ($k = 1$), мы рассмотрели интенсивность распределения штрихованной керамики по всем административным районам республики. Оказалось, что при помощи такого способа можно выделить только два основных ареала распространения этой керамики. Первый ареал совпадает с I локальной группой. Здесь наивысшая плотность местонахождений приходится на территорию Утенского ($k = 6,2$), Зарасайского ($k = 5,4$), Молетского ($k = 2,6$) районов. Второму, ареалу соответствует III локальная группа, где наивысшая плотность распространения местонахождений штрихованной керамики наблюдается на территориях Пренайского ($k = 2,8$) и Кайшядорского ($k = 2,7$) районов [390]. Территория же II локальной группы в данном аспекте представляется как бы периферией второго ареала. Однако, учитывая то обстоятельство, что II локальная группа в культуре ШК римского времени является центральной на территории Литвы, мы можем сделать вывод, что ее становление произошло на территории, в предшествующее время незаселенной или слабозаселенной. Это представляется особенно любопытным еще и ввиду того, что генетическая связь между остросереберными и более ранними формами штрихованной керамики не прослеживается [540, с. 23]. А. Митрофанов трансформацию культуры ШК, наблюдаемую около рубежа эр, объясняет глубокими изменениями в экономике, вызванными дальнейшим и более интенсивным ростом производительных сил [267, с. 102-103]. Однако данное

объяснение в большей мере относится к последствиям культурной трансформации, а не к ее причинам. В позднее предримское время (II в. до н. э. - I в. н. э.) на территории всей юго-восточной Прибалтики наблюдаются сложные процессы культурных изменений, вызванные взаимодействием местного населения (культура западнобалтских курганов) с пришлым (культуры оксывская, пшеворская), что, в свою очередь, было частью более широкого, общеевропейского процесса. Данные изменения в первую очередь характеризуются изменениями в структуре расселения. По материалам Литвы, этот процесс наблюдается отчетливо, так как в результате значительного притока нового населения в I-II вв. на прежде малоосвоенных территориях возникли новые культурные группы с высокими показателями плотности расселения (культурные области грунтовых могильников с каменными венцами, грунтовых могильников среднего течения Нямунаса, курганов Жямайтии и северной части Литвы). Синхронно с отмеченными процессами происходит и трансформация культуры ШК, сопровождаемая изменениями структуры расселения (в римское время в качестве центральной выделяется II локальная группа культуры ШК). Таким образом, преобразование культуры ШК около рубежа эр вряд ли можно объяснить исключительно внутренними факторами развития и рассматривать изолированно от всего процесса культурных изменений этого времени. Отмеченные проблемы развития культуры ШК требуют отдельного исследования, для нас же наиболее важным является сам факт ее трансформации, ставящий под сомнение концепцию о ее генетической неразрывности. Наряду с остросереберной штрихованной и другими видами керамики, в римское время на территории Литвы распространилась так называемая ошершавленная керамика. В литературе к ней применяются также термины хроповатой, шероховатой, облитой, иногда щербатой керамики. Исследования ее распространения показали, что традиция изготовления подобной керамики на территорию Литвы распространилась в конце I тыс. до н. э. - начале I тыс. н. э. с территории западнобалтских племен. Данная керамика около IV-V вв. полностью вытеснила штрихованную и стала ведущим типом керамики практически вплоть до конца I тыс. н. э. Процесс смены одного типа керамики другим также объясняется переходом местного населения на более высокую ступень экономического и социального развития при неизменном этническом составе [83, с. 55-64; 442, с. 35-48]. Однако исследование технологии изготовления штрихованной и ошершавленной керамики привело А. Бобринского к выводам, согласно которым изготовление указанных типов керамики относится к разным этнокультурным традициям. В конце I тыс. до н. э. - первой половине I тыс. н. э. носители традиции изготовления ошершавленной керамики в пределах литовской группы памятников культуры ШК выступают главным образом в роли ассимилируемого населения, о чем свидетельствуют признаки массовой адаптации к местным приемам обработки поверхностей, посуды; но примерно с IV-V вв. н. э. ошершавленная керамика становится ведущим типом керамики. Отмеченное явление представляется объективным показателем того, что история распространения и бытования ошершавленной керамики на территории Восточной Литвы связана с процессами усложнения этнического состава местного населения, в результате нарастающего притока инокультурного населения [30, с. 250-252]. Примечательно, что данный процесс засвидетельствован только на той части территории культуры ШК, где распространились курганы восточнолитовского типа [30, с. 252]. Во второй половине IV - первой половине V вв. н. э. культура ШК перестала существовать. На территории Восточной Литвы ее сменила культура восточнолитовских курганов (далее В)1К), а в средней полосе Белоруссии - банцеровская культура. Исчезновение культуры ШК характеризуется исчезновением самой штрихованной керамики, распространением ошершавленной, прекращением использования многих городищ, распространением открытых селищ, появлением погребальных памятников. Именно распространение могильников и служит главным признаком происшедшей смены культур, так как погребальные памятники носителей культуры ШК не известны, а материалы ее городищ и селищ имеют весьма расплывчатую хронологию, да и сама культура ШК на теперешней стадии исследования отличается достаточной аморфностью. В литературе преобладает мнение, согласно которому исчезновение культуры ШК и распространение курганов восточно-литовского

типа являются следствием социального и экономического развития местного населения [83, с. 55-64; 441, с. 35-48; 508, с. 13]. В качестве доказательств преемственности приводятся примеры сосуществования в определенное время штрихованной и ошершавленной керамики, а также наличия как бы типологически переходных форм (примеров адаптации к местным приемам обработки поверхностей посуды, по А. Бобринскому). Ф. Гуревич и В. Седовым было высказано мнение, согласно которому восточнолитовские курганы распространились в результате передвижения населения из северных областей Литвы [77, с. 33-36; 343, с. 21-22]. Однако этому утверждению противопоставляется тот факт, что восточнолитовские курганы с каменными венцами и погребениями по обряду трупоположения в грунтовых ямах не имеют прямых аналогов на территориях других балтских групп [508, с. 13]. Мы детально проанализировали процесс распространения погребальных памятников на территории культуры ШК и пришли к выводу, что в нем присутствуют несколько разнородных тенденций, а сам процесс далеко не однозначен [390]. Анализ интенсивности распространения местонахождений ошершавленной керамики показал, что наиболее интенсивно она представлена в пределах I и особенно III локальных групп культуры ШК. Впрочем, именно на территории III группы в наибольшей мере прослеживаются процессы адаптации обеих традиций изготовления посуды. Во II (центральной) локальной группе культуры ШК римского времени влияние носителей традиции ошершавленной керамики прослеживается в значительно меньшей степени. В распространении же погребальных памятников наблюдаются несколько разных тенденций. На северной окраине I локальной группы ШК, в бассейне верхнего течения Швянтойи, первые курганы с каменными венцами и трупоположениями на основании насыпи, аналогичные синхронным памятникам Жямайтии и северной части Литвы, появились еще в II-III вв. В IV в. появились могильники и в юго-восточной части ареала культуры ШК, в пределах III локальной группы. Однако это курганы другого типа - с каменно-земляными насыпями. Основной период бытования древностей этого типа на территории Литвы - IV-VIII вв. Для наиболее ранних курганов характерны трупоположения, а с V-VI вв. распространился обряд трупосожжения. Очевидно, что данные памятники относятся к одной этнокультурной группе с аналогичными памятниками сувальской группы на прилегающей территории Польши, которую исследователи относят к ятвягам. Литовская же группа курганов с каменно-земляными насыпями, по всей видимости, оставлена ятвяжским племенем дайнавов [217, с. 41]. Таким образом, в периферийные области культуры ШК население соседних этнических групп начало проникать еще во II-IV вв. На территории же центральной - II локальной группы культуры ШК наиболее ранние погребальные памятники датируются концом IV - началом V вв. Это могильники типа Кайренай и Пакраугле, которые мы относим к горизонту "одинокых погребений". Памятников этого типа немного, они разрознены и известны на большой территории Южной и Восточной Литвы. Для них характерно малое количество погребений (1- 2), узкие хронологические рамки. Все это позволяет памятники горизонта "одинокых погребений" признать следами миграции, прошедшей через территорию Литвы. Примерно в это же время на территории Восточной Литвы распространились курганы с каменными венцами и трупоположениями в грунтовых ямах. Памятники данного типа по наиболее широко известному "княжескому" кургану в Таурапилисе мы называем курганами Таурапильского типа. Оставившее эти могильники население, в отличие от носителей памятников горизонта "одинокых погребений", осело на территории Восточной Литвы, в основном в пределах I и частично II локальных групп ШК. Основное время бытования могильников Таурапильского типа, видимо, приходится на V - первую половину VI вв. Судя по концентрации памятников, можно предположить, что это была хорошо организованная группа вроде "варварских" королевств времен Великого переселения народов. В пользу данного соображения свидетельствует яркое отличие в погребальном инвентаре Таурапильского "князя" и его окружения от погребений рядовых общинников. Горизонт памятников Таурапильского типа перекрыли похожие курганы с каменными венцами и трупосожжением. Особенности их распространения позволяют предположить, что они появились в результате новой волны миграции, которая охватила всю территорию восточнолитовских курганов.

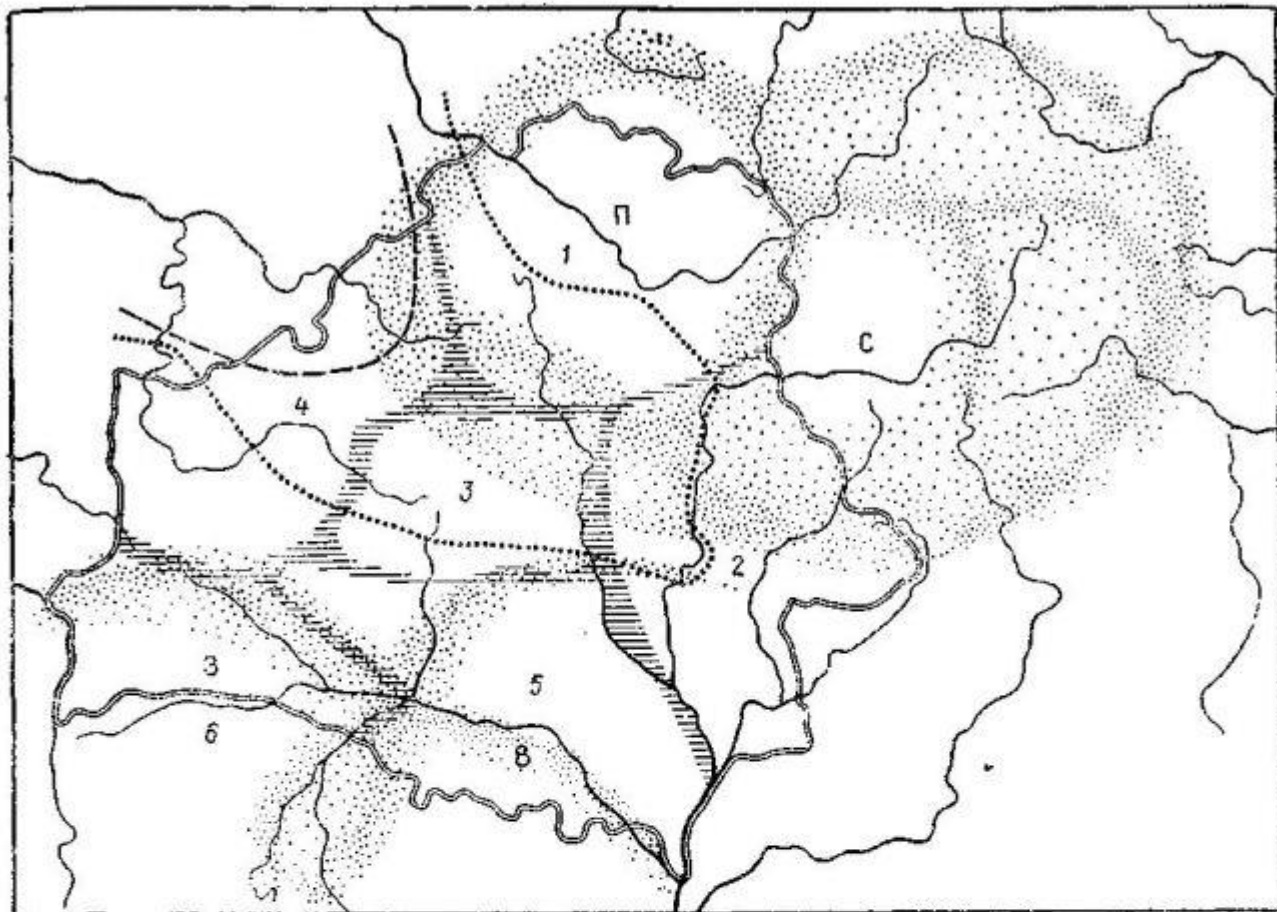
Памятники же Таурапильского типа в связи с данным событием в основном были оставлены. Скудность погребального инвентаря не дает возможности более детально проследить отмеченные процессы. Однако то, что *становление культуры ВЛК связано с несколькими волнами миграций*, представляется бесспорным. В пользу данного предположения говорит и распространение некоторых типов оружия. Исследование находок наконечников копий с мечеобразной формой пера показали, что* они встречаются и в погребениях Таурапильского типа и в сменивших их курганах с трупосожжениями. С одной стороны, это свидетельствует о хронологической близости обеих волн миграции, с другой - указывает на связь с Северным Причерноморьем [158, с. 79-88]. Таким образом, культуру восточнолитовских курганов периода Великого переселения народов вполне корректно считать продуктом нескольких, хронологически близко связанных волн миграции, а исчезновение культуры штрихованной керамики - объяснить уходом основной части ее носителей. Соответственно и роль культуры ШК в процессе этногенеза балтов следует признать весьма ограниченной.

В. А. Булкин. А. С. Герд. К этноисторической географии Белоруссии

Современная практика исследования вопросов (раннеславянской истории все чаще и настойчивее заставляет связывать воедино данные смежных дисциплин - истории, археологии, лингвистики, этнографии, антропологии. Та же практика показывает, что интеграция наук, в одних случаях намечаемая, в других - реализованная, протекает в целом стихийно и неравномерно. Зависимость их друг от друга особенно отчетливо проявляется тогда, когда при фронтальности позиций смежных наук происходит рывок на одном из направлений исследований. Именно таким в настоящее время является положение лингвистики в системе изучения славянского и балтийского этногенеза, достижения которой оказываются ориентиром для специалистов других наук. То, что "тылы", в частности археология, подтягиваются медленно, послужило поводом для ироничного, но справедливого замечания О. Н. Трубачева: "Комплексность подхода, безусловно, скажется здесь в свою очередь (речь идет о балто-славянской проблематике. - В. Б., А. Г.) археология, например, принесет свои споры... Диалог надо продолжать, удовлетвоваввшись для начала малым соглашением по вопросу, какой термин лучше - балтский или все-таки балтийский?" [386, с. 6]: Возможности лингвистики, археологии, этнографии в значительной степени уравнивает применение *методов ареальных исследований*. Надежной почвой для совмещения их данных является географическая карта, номенклатура которой представляет своеобразный эсперанто, обобщающий итоги пространственных характеристик языковых, археологических и этнографических явлений. При этом практическое использование археологами данных других дисциплин обнаруживает максимальную удовлетворенность с их стороны результатами совпадения ареалов материальных и, например, языковых фактов. Что же касается мотивирования выбора сопрягаемых объектов, то "плавающая" хронология языковых явлений не препятствует прикидкам на соответствие, например, гидронимическим ареалам - любых подходящих археологических ареалов (культур) начиная с каменного века. Вполне понятно, что произвольность в выборе сопоставляемых объектов, как и ограниченность способов сравнения, - беда общая и неустранимая усилиями только тех или других специалистов вне разработки методики междисциплинарного синтеза. Полагая, что такая разработка должна идти не только одновременно с конкретными исследованиями, но и в их рамках, остановимся в данной статье на одном явлении, бесспорно, имеющем историко-культурную значимость, а именно *пространственном совпадении пучков изоглосс и археологических и историко-этнографических границ*. Каким бы редким не был такой случай, но именно он позволяет приоткрыть некоторые перспективы междисциплинарной кооперации. Именно такое явление мы наблюдаем на территории Белоруссии (исключая юго-восток республики) и прилегающих к ней областей. Не теряя из виду актуальность историко-культурной проблематики западных областей Восточной Европы, сосредоточим внимание на методическом аспекте, отметим соответствующий уровень источниковедческой готовности к совмещению на карте различных данных, а также уже имевшую место удачную апробацию такого совмещения на материале Полесья [368, с. 8]. Мы не питаем иллюзий в отношении законченности картины древней истории Белоруссии по археологическим данным и отсутствия "белых пятен" на археологической карте республики или в концепциях специалистов. Вместе с тем обращаем внимание на то, что последние годы археологического изучения этих областей Восточной Европы проходили главным образом под знаком поиска тех или иных связей между культурами. В то же время представления о составе и пространственных характеристиках культур не претерпели, за редким исключением, ощутимых изменений, позволяющих ожидать в будущем существенной перекройки. В определении границ археологических культур указанной территории мы полагались на исследования ведущих специалистов, отраженные в ряде публикаций последних лет. Археологическое районирование Полесья, представленное в свое время Ю. В. Кухаренко и с тех пор не

вызывавшее принципиальных возражений у археологов по сути разграничений, мы используем в авторской интерпретации лишь с незначительными поправками [191, с. 18 - 46; 343; 266; 401; 411; 409; 410; 528; 209; 313; 57, с. 114-120; 59, с. 3 - 8; 60, с. 51 - 59; 365; см. также 61, с. 28 - 37]. По археологическим данным, прежде всего выделяется *Белорусско-украинское Полесье*. В указанной статье Ю. В. Кухаренко последовательно сопоставляет границы археологических культур от мезолита (IV тыс. до н. э.) до средневековья (начало II тыс. н. э.). Им охвачен более чем 5-тысячелетний отрезок истории района. Результаты сопоставления сводятся к следующему. 1. Начиная с середины III тыс. до н. э. и до начала II тыс. н. э., т. е. на протяжении почти 3,5 тыс. лет, Полесье было разделено на две историко-культурные зоны - восточную и западную. В предшествующее и последующее время оно предстает единым. Временное единство впоследствии наблюдается еще дважды: на рубеже тысячелетий до н. э. (зарубинецкая культура) и в VI-VII вв. н. э. (памятники пражского типа). Исчезновение "резкого деления" (по Ю. В. Кухаренко) Полесья в начале II тыс. н. э. связывается с его полной славянизацией. 2. Границей между восточным и западным Полесьем на протяжении всего времени являлась линия, идущая в полосе неманско-припятского водораздела примерно по Ясельде (иногда по Случи), Припяти до района сближения устьев Случи и Горыни и далее по Горыни. 3. Подобное деление не могло быть "спровоцировано" физико-географическими условиями Полесья в силу их существенного однообразия. Исходная причина в другом - в различии этнического наполнения обеих зон: в восточной части - это балты, в западной - славяне. Однако по отношению к основной территории расселения балтов и славян Полесье представляло собой периферийную пограничную область между ними. По лингвистическим данным, также четко выделяется, во-первых, Полесье в целом, а во-вторых, - его западная и восточная части, а именно зоны: 1) к югу от линии Пружаны - Лань - Пинск - Ганцевичи - Лунинец; 2) бассейн Ясельды, Припяти, на востоке - к югу от линии Пружаны, Ивацевичи, Ганцевичи до Старобина, Мозыря; 3. от Бреста до верховьев Ясельды; 4) восточная зона - район к востоку от Горыни. По данным этнографии, выделяется Восточное и Западное Полесье. Общие границы здесь: с севера - Жлобин - Любань - Старобин - севернее Ганцевич - на Березину и далее по Ясельде. Разделительная полоса пролегает в направлении Микашевич и Лунинца и далее по левобережной части Ясельды. Следующий регион, выделяемый по данным археологии, - это *Верхнее Псднепровье и Подвинье*. Здесь, в северных частях Белоруссии и примыкающих к ней южной Псковщине и Смоленской области, по существу, наблюдается аналогичная картина. В специальной статье одного из авторов данной работы проведено диахроническое сопоставление границ археологических культур и исторических образований начиная с раннего железного века, т. е. с VIII - VII вв. до н. э. (положение культур неолита и бронзы на первый взгляд не противоречит общей картине, но пока нуждается в более глубокой источниковедческой проработке) до конца XIV в. [38, с. 55 - 63]. Итогом этого сопоставления явилось заключение о том, что одной из особенностей исторического процесса в области днепро-двинского междуречья является его довольно строгая пространственная определенность, близко соответствующая нынешнему административному делению (Витебская и Смоленская области). Генерализация границ региона по бассейнам крупных рек представляется таковой (см. рис. 1) западная граница - Краслава (Западная Двина) Браслав; 2) юго-западная граница - верховья Вилии и Березины, в целом по современной границе Витебской области или несколько южнее ее; 3) южная граница пересекает Днепр приблизительно по современной границе той же области - верховья Десны между Брянском и Караковичами; 4) восточная граница - водораздел верховьев Днепра и Оки (средняя Угра, истоки Москвы); 5) северо-восточная граница - в полосе водораздела Днепра, Западной Двины и Волги, включая их верховья; 6) северная граница - верховья Ловати выше Великих Лук; 7) северо-западная - верховья Великой примерно по линии Себеж - Идрица - Пустошка. В конце I тыс. н. э., а возможно и ранее, намечаются различия между восточной (Смоленской) и западной (Полоцкой) зонами региона, которые к началу II тыс. н. э. приводят к их обособлению по линии, приблизительно соответствующей современной границе Смоленской и Витебской областей. Последующие события позднесредневековой, новой и новейшей истории не смогли стереть

самых общих контуров первоначального региона. К сказанному надо добавить, что тенденция к стабильности общих контуров границ временами нарушалась сдвигами, деформировавшими преимущественно восточные рубежи региона. Так, в середине и во второй половине I тыс. н. э. в результате давления населения верхнеокского бассейна граница сжималась до района дорогобужского Поднепровья. Обратная тенденция наблюдается в XI - XIII вв., когда та же граница отодвигается в районы Волго-Окского междуречья. В том и в другом случаях явления "продавливания" границ оказываются временными.

- Археологические регионы:
днепро-двинский с зонами - П - полоцкой
С - смоленской
полесский с зонами - В - восточной
З - западной
- Границы культуры белорусской штрихованой керамики
- Границы восточнолитовских курганов белоруссии
- Историко-этнографические регионы белоруссии:
1 - Северный /Поозерье/	4 - Северо-Западный /Понеманье/
2 - Восточный /Поднепровье/	5 - Восточнополесский
3 - Центральный	6 - Западнополесский

Этн

огеографические границы Белоруссии. При анализе карт ДАМБ и по данным литературы, о белорусских и псковских говорах можно отметить следующие пучки изоглосс, выделяющих соответствующие зоны: 1) Браслав - Глубокое (верховья Березины и далее по южной части Витебской области) - Ушачи - Витебск, реке до Орши; 2) Гродно - бассейн Дриссы - бассейн Западной Двины - Витебск; 3) Полоцк - к востоку от Витебска, Орши, реке до Могилева; 4) Себеж - Невель - Усвяты; 5) Себеж - Идрица - Пустошка - Новосокольники - Великие Луки; 6) Красногородское - Опочка - Пушкинские Горы - Новоржев - Великие Луки. По данным этнографии, также выделяется общий Северный регион: основная территория Витебской области, за исключением Толочинского, Оршанского и Дубровенского районов, и северная часть Минской области. Южная граница проходит по Днепро-Двинскому водоразделу, севернее Борисова и Логойска на Поста вы. Таким образом, на протяжении тысячелетий и здесь мы видим совпадение в одних и тех же зонах археологических, лингвистических и этнографических границ. *Центральная Белоруссия* - это третий крупный регион. Сюда входит территория, расположенная между юго-западной пограничной полосой Днепро-Двинского региона (приблизительно в направлении Краслава - Браслав - верховья Вилии и Березины-Могилевское Поднепровье) и северной границей Полесья, а в широтном - от Днепра до западных границ Белоруссии. Здесь нет той последовательной сопряженности границ археологических культур, фиксируемой севернее и южнее. В раннем железном веке здесь существует достаточно самостоятельная культура штрихованой керамики (VIII-VII вв. до н. э. - первые века н. э.). Образуя широкие контактные полосы с синхронными культурами днепро-двинской и милоградской, она охватывала территорию: 1) на востоке доходящую до Днепра (Орша - Рогачев), а на юго-востоке, возможно, и до Сожа; 2) северная граница проходила по линии: оршанское Поднепровье - бассейн Уллы - среднее течение Десны - западнодвинское пограничье Белоруссии и Латвии; 3) южная граница - Рогачев - низовья Свислочи - верховья Случи - бассейн Немана; 4) на западе культура выходит в Латвию, Литву и Эстонию, где, по-видимому, представлена своеобразными вариантами. Таким образом, область белорусской штрихованой керамики по отношению к территории с памятниками сходного облика образует нечто вроде клина между бассейнами Западной Двины и Припяти, основание которого находится в Прибалтике [74, с. 59-69]. В середине I тыс. н. э. здесь появляются памятники типа Банцеровского городища, представляющие юго-западную часть массива культур верхнеднепровского и западно-двинского бассейна (Банцеровщина - Тушемля - Колочин). В поречье Вилии и Немана также около середины I тыс. фиксируются так называемые восточнолитовские курганы, основная территория которых расположена западнее белорусско-литовского пограничья. В целом лингвисты всегда выделяли следующие белорусские диалектные зоны: 1) северо-восточную и 2) юго-западную. Южная граница северо-восточной зоны проходит по линии р. Свирь - Минск - Могилев - Сурож, а северная граница юго-западного диалекта - в районе Лида - Минск - Бобруйск - Речица - Лоев (Гомель). На северо-востоке выделяют группы могилевско-витебскую и очень близкую к ней полоцкую. Наиболее яркие пучки изоглосс здесь проходят в широкой переходной зоне по линиям: Ошмяны - Минск - Рогачев - Гомель; Докшицы - Крупки - Могилев - Жлобин; Лида - Минск - Бобруйск - Лоев. Этнографы также выделяют такие регионы, как Восточный. (Поднепровье) и Центральный. Итак, на территории Белоруссии и примыкающих областей отчетливо выделяются два пространственно аналогичных и хронологически устойчивых региона - южный (Полесье) и северный (Днепро-Двиинское междуречье). Каждый из них, первоначально единый по своему историко-культурному содержанию, затем распадается на две смыкающиеся друг с другом зоны - западную и восточную. При этом в Полесье зональное отпочкование, по данным археологии, происходит намного раньше, чем на севере. Оба региона разделены обширным пространством центральной Белоруссии, которое в одних случаях предстает как самостоятельный регион (культура штрихованной керамики), а в других - выступает то, как часть южного (археологический эквивалент летописных дреговичей), то северного (памятники типа Банцеровщины-Тушемли) регионов. В известной степени условно эту территорию можно рассматривать как переходную между Полесьем и Днепро-Двинским междуречьем. Рассмотрим *границы по данным гидронимии* (см.

рис.) Северная граница балтийской и южная граница финно-угорской гидронимии образуют широкую контактную полосу, проходящую через среднее течение Западной Двины, начиная от западных рубежей Витебской области, водораздел Великой и Западной Двины, верховья Ловати, оставляя ее истоки в балтийской зоне, водораздел Западной Двины и Волги с участками их верхних течений. Затем граница балтийской гидронимии устремляется на восток вдоль волжского бассейна, а финно-угорская резко опускается к левобережью верховий Днепра, пересекает верховья Угры и в Угро-Деснинском междуречье поворачивает на восток к Оке. Только лингвистические и этнографические факты свидетельствуют о выделении особого северо-западного региона. По материалам ДАБМ, это такие зоны обособления, как к северо-западу от линий: Гродно - Минск - Полоцк; Молодечно-Вилейки - Докшицы - верховья Березины; от среднего течения Припяти на запад вдоль границы до Полоцка. По данным В. С. Титова, - это северо-западный регион (Понеманье). Наконец, только по лингвистическим данным, обособляются такие зоны, как 1) бассейн рек Березины (Неманской), Немана, Щары, верховья рек Нарева, Ясельды, Щары, Лани, Случи, Птичи, реке до Свислочи, на западе реке до Браслава, Бреста; 2) юго-восточная зона - в среднем течении Днепра, к востоку от линии в районе Пинск - Могилев - Мстиславль; 3) Волковысская зона говоров. Как видно, предлагаемые для сравнения карты отражают распределение по существу различных явлений - материальные остатки, совокупность специфических элементов живой культуры, диалектные особенности. Если архаику языковых данных практически невозможно выразить в системе абсолютной хронологии, исходя только из внутренних возможностей языка, то первые два явления, различающиеся по своим познавательным свойствам, занимают на временной шкале, безусловно, различные позиции. Анализируя представленные данные и карты под этим углом зрения, убеждаемся в их пространственной согласованности (совместимости). Все они четко выделяют в качестве самостоятельных *северную* область (Днепро-Двинский регион, по данным археологии, смоленско-полоцкую зону - по данным языка, северный регион - по историко-этнографическому районированию); *южную* (восточное и западное Полесье); *центральную* (Восточный, собственно Центральный и Северо-Западный регионы по историко-этнографическому районированию, средне-белорусский массив - в диалектном отношении, условно переходная область - в археологическом). Взглянув на административную карту Белоруссии, нетрудно убедиться в том, что и современное областное деление республики, особенно в северных и южных ее частях, подчас буквально совпадает с выявленными выше границами: в Витебской области это западные, восточные и юго-восточные рубежи; откорректированный северный участок границы еще до 1924 г. включал Невельский, Себежский и Велижский уезды, т. е. также проходил в створе прежних образований. Очень близкое соответствие находим и в нынешних очертаниях Смоленской области. В Полесье границей между Гомельской и Брестской областями по-прежнему является участок средней Припяти, где сближены устья Случи и Горыни. Историко-этнографическим регионам средней Белоруссии близки общие очертания Гродненской, Минской и Могилевской областей. Таким образом, современное административное деление БССР отличается исключительно высокой степенью исторической мотивированности. В этой связи уточним следующее обстоятельство: историко-культурное, а по существу этническое размежевание Полесья, действительно, как писал Ю. В. Кухаренко, исчезает к моменту его полного славянского освоения. Однако как историческая реальность (лингвистическая, этнографическая, административная) оно сохраняет свою актуальность до сих пор. Какова же интерпретация всех приведенных данных? Согласно мнению лингвистов, древнейшим расчленением территории Белоруссии явилось выделение северо-восточной и юго-западной зон, которые в конкретно-историческом плане соответствуют противопоставлению Смоленского и Полоцкого княжеств (ранее - смоленско-полоцкой группировки кривичей-радимичам), с одной стороны, и Турово-Пинской земле и Черной Руси - с другой, т. е. восходит ко времени не ранее конца I тыс. н. э., а скорее всего, к первым векам II тыс. Деление припятского Полесья произошло сначала в результате переселения древлян и волынян, а позднее - образования Турово-Пинского и Владимиро-Волынского княжеств. В целом близки такому же пониманию историко-географической ситуации и

археологи. Не касаясь существа лингвистических (образование диалекта) и исторических (образование княжеств) процессов, отметим, что в приведенной интерпретации формообразующим для северных и южных областей Белоруссии периодом безусловно считается время славянского освоения территории и последующей перегруппировки древнерусского населения. Приведенные выше материалы не позволяют согласиться с таким взглядом на возраст отдельных регионов Белоруссии. Как убеждают археологические данные, образование единого Днепро-Двинского региона (включая Смоленщину) относится, по крайней мере, к началу I тыс. до н. э.; разграничение Полесья происходит еще в позднем неолите. Таким образом, указанные региональные членения и зоны обнаруживаются уже задолго до исторического и даже теоретически допустимого выступления славян. Расселение славян по территории Белоруссии во второй половине I тыс. н. э. происходило в условиях уже сформировавшихся ранее регионов и по существу вписывалось в них и повторяло их и лишь за редким исключением (граница Полоцкой и Смоленской земли) вносило поправки в географические очертания. С большой долей уверенности можно говорить о том, что тенденции историко-культурного и диалектного членения Белоруссии (по крайней мере, северных и южных ее областей) обусловлены еще первобытной стадией в ее истории. Выделение северо-западного региона и районов в бассейне верховьев Немана, Щары, Ясельды, Лани, Случи, Птичи связано, по-видимому, с тем, что именно эти зоны - районы проживания разных групп балтов, освоенные славянами много позже других (ср. наличие белорусско-литовского двуязычия на северо-западе республики еще сегодня). В чем причина образования таких самостоятельных устойчивых регионов? Как и Ю. В. Кухаренко, полагаем, что таковыми не могли быть физико-географические условия: Днепро-Двинское междуречье, в отличие от Полесья, характеризуется существенными различиями форм рельефа (Смоленско-Московская возвышенность и Полоцкая низина), но в историко-культурном отношении оно долгое время оставалось единым. Довольно странным оказывается положение северного и южного регионов на крупных реках как водных коммуникациях: граница между восточным и западным Полесьем пересекает пополам полноводную Припять; наоборот, верховья Днепра, Западной Двины, отчасти Волги объединяются едиными границами, а последующий распад происходит не в соответствии с речными бассейнами, а вопреки им, оставляя в той и другой зоне отдельные отрезки Днепра и Западной Двины. Однако у нас нет твердой уверенности в решающей роли здесь этнического фактора, как это себе представлял Ю. В. Кухаренко. Ведь историко-этнографическое, диалектное и административное деление Полесья сохраняется до наших дней. Что же касается Днепро-Двинского региона, то в его границах происходит последовательная смена балтийского населения (ранний железный век) славянским (конец I - начало II тыс.), в то время окончательное его разделение на две части относится к периоду прочного славянского освоения. Возможно, что в расшифровке своеобразия Днепро-Двинского региона какую-то подсказку содержит его географическая увязка с контактной зоной балто-финской гидронимии. Сейчас мы не готовы дать ответ на поставленный выше вопрос. В поисках решения вряд ли стоит возлагать особые надежды на привлечение новых данных: в лучшем случае они смогут лишь повторить очерченные регионы. Известную помощь в разъяснении подобного "гипноза" границ, по-видимому, может оказать антропология, социальная психология. Как бы там ни было, повторим в заключение вслед за Н. И. Толстым: "... подобные совпадения не могут быть игнорированы и остаются научным фактом, требующим своего объяснения, а не скептического отношения" [368, с. 8].

В. Е. Еременко. Археологическая карта милоградской культуры

Историю изучения милоградской культуры (далее - МЛГРК) можно разделить на несколько этапов. Первый, охватывающий конец XIX - начало 50-х годов XX в., характеризуется первичным накоплением материала, обследованием памятников раннего железного века южной Белоруссии и северной Украины. Начальное знакомство с новыми категориями древностей позволило А. Н. Лявданскому сделать вывод о различиях материальной культуры раннего железного века северной и южной Белоруссии [218]. Второй этап связан с работами на Полесье Славянской экспедиции ИА АН СССР (П. Н. Третьяков, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская). В 50-х - начале 60-х годов было раскопано несколько десятков памятников, ставших впоследствии эталонными для изучения МЛГРК. Весь исследованный материал был обобщен в монографии О. Н. Мельниковской, до сих пор остающейся единственным полным его собранием [256]. В то же время изученность подгорцевских памятников северной Украины была значительно ниже, их исследование еще только начиналось [29, с. 53 - 55; 81, с. 197 - 208; 82, с. 5 - 20]. После выхода в свет монографии О. Н. Мельниковской начинается третий этап исследований. Продолжается накопление материала, складывается группа белорусских исследователей во главе с Л. Д. Поболем и А. Г. Митрофановым. Появляются новые обобщающие работы [266; 300; 301; 306; 310; 311; 338]. Несколько выравнивается степень изученности южнобелорусских и северноукраинских памятников. В дополнение к двум вариантам МЛГРК, южнобелорусскому и подгорцевскому, исследования И. К- Свешникова и А. А. Егорейченко позволили выделить волынский и средне-белорусский варианты [113, с. 54 - 61; 338, с. 68 - 81]. Составленные нами карта и каталог памятников МЛГРК (рис. 1; приложение)¹⁵ могут послужить основой для более углубленного изучения культуры, более полного понимания процессов культурного развития на территории Волыни и Полесья в эпоху раннего железа. К 1984 г. (материалами, опубликованными в этом году, в основном завершено составление каталога и карты) общая вскрытая площадь на памятниках, содержащих материалы МЛГРК, составила, по неполным данным, около 45 тыс. м, т. е., по сравнению с 60-ми годами, увеличилась почти вчетверо [256, с. 16]. Степень исследованности МЛГРК сравнительно велика: раскапывалось около 20% всех известных памятников, в том числе около 30% мысовых и 10% болотных городищ, более 20% селищ и практически все известные могильники. К сожалению, опубликована лишь небольшая часть раскопанного, а полнота публикаций зачастую оставляет желать лучшего, особенно в отношении керамики. Исследованы в основном южнобелорусские памятники МЛГРК. Перенос полученных при этом выводов на всю культуру отнюдь не способствует лучшему пониманию развития материальной культуры населения бассейна Верхнего Днепра в I тыс. до н. э. От такого одностороннего подхода к изучению милоградско-подгорцевских древностей предостерегала в свое время О. Н. Мельниковская [256, с. 168 - 169]. Поэтому, прежде чем обратиться к изучению хронологии и культурных взаимодействий, кратко охарактеризуем *локальные варианты* МЛГРК (рис. 1 "а" вкладке, табл.). Основным критерием для их выделения послужила территориальная отграниченность групп памятников. Варианты различаются также по типам жилищ, погребального обряда, орнаментации керамики и другим признакам (табл. 1). Выделены следующие варианты: **I. Западнополесский; II Среднебелорусский**, разделенный на две зоны: преобладания культуры штрихованной керамики (а) и преобладания МЛГРК (б); **III. Восточнополесский, IV. Верхнеднепровский; V. Подгорцевский**, разделенный на две группы - деснинскую (а) и киевскую (б); **VI. Волынский**, также разделенный на две группы - житомирскую (а) и ровенскую (б). Южная граница среднебелорусского варианта проведена по линии наибольшего распространения элементов культуры штрихованной керамики на Юг и Восток. Начало изучению *хронологии* МЛГРК положено О. Н. Мельниковской [256, с. 161 -168]. Накопление новых датированных материалов, а также уточнение датировок вещей скифского [239; 297] и латенского

происхождения [119] позволяют существенно уточнить как предложенную О. Н. Мельниковской хронологическую схему, так и картину становления и развития МЛГРК в целом. В последние годы белорусскими исследователями выделены так называемые "памятники МЛГРК эпохи бронзы" [например, 311, с. 271, № 562, с. 324, № 130]. По-видимому, применение такого термина следует признать преждевременным ввиду слабой изученности эпохи поздней бронзы на территории Белоруссии [155, с. 4]. Можно лишь отметить, что некоторые виды орнаментации милоградской керамики находят аналоги в орнаментации керамики эпохи бронзы. Картографирование пунктов, на которых обнаружена керамика с чертами эпохи бронзы (валиками по плечу и шейке, отпечатками штампов, растительными примесями и др. - карта 2), подтверждает точку зрения О. Н. Мельниковской о сложении МЛГРК на основе местных культур эпохи бронзы [256, с. 19 - 22] и вместе с тем позволяет выделить для каждого варианта культуры предшествующего времени, оказавшие наиболее существенное влияние на сложение облика новой культуры. Так, памятники лебедовского типа наиболее повлияли на сложение подгорцевского варианта; лужицкой и висоцкой культур - западнополесского варианта; висоцкой культуры и житомирских курганов - волынского варианта.

Локальные варианты милоградской культуры

Признаки \ Варианты	Среднебелорусский	Верхнеднепровский	Западнополесский	Восточнополесский	Подгорцевский	Волынский
1. Территориальная отграниченность	Относительная		+	+	+	+
2. Преобладающие типы памятников	Городища	Селища-городища	Нет	Селища		
3. Преобладающий тип жилищ	Наземные	Углубленные	Нет сведений	Углубленные	Наземные	Углубленные
4. Преобладающие типы погребального обряда	Нет сведений	Бескурганное трупосожжение	Подкурганное трупоположение, бескурганное трупосожжение	Подкурганное трупоположение	Бескурганное трупоположение	Бескурганное трупоположение и трупосожжение
5. Преобладающие типы орнаментации керамики	Вдавления по шейке	Отверстия и вдавления по шейке	Неорнаментированная	Вдавления по шейке		
				Вдавления по плечу, жемчужный орнамент	Жемчужный орнамент	
6. Инокультурные влияния в керамике	Культуры лужицкой керамики	—	Лужицкое	—	Скифское(?)	—
7. Наличие плоскодонной керамики	Единичные сосуды		Нет	Единичные сосуды	Преобладает	
8. Происхождение преобладающих типов украшений	Нет сведений	Латенские	Скифские лесостепные			Нет сведений
					Подгорцевские	

Локальные
культуры

варианты

милоградской

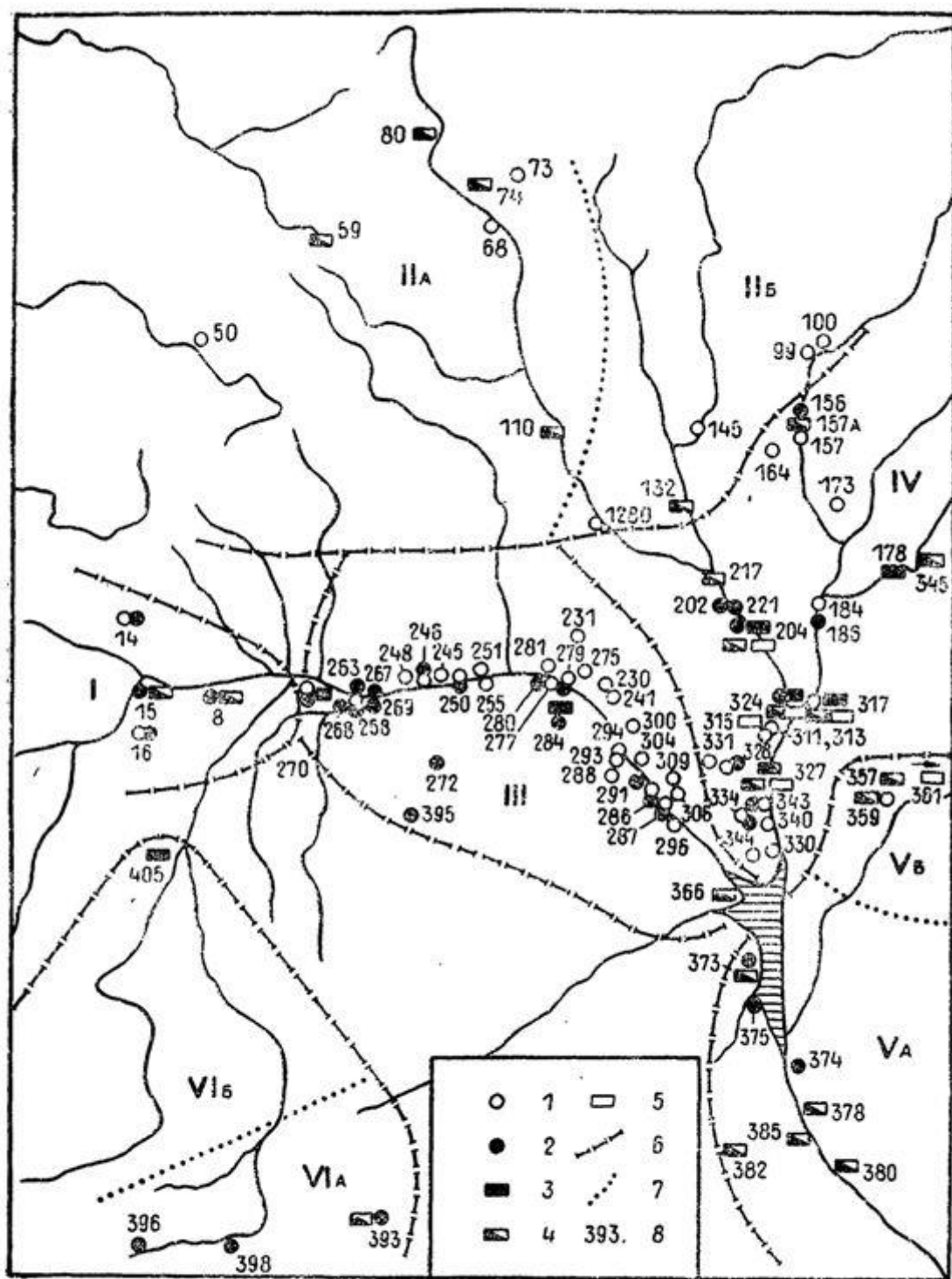

Рис. 2. Территориальное распределение датированных вещей милоградской культуры.

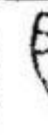

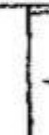

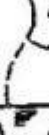

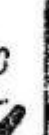
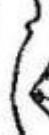

1. Керамика с чертами эпохи бронзы; 2. Керамика с жемчужным орнаментом; 3. Вещи VII—VI вв. до н. э.; 4. Вещи VI—V вв. до н. э.; 5. Вещи IV—начала III вв. до н. э.; 6. Границы вариантов; 7. Границы групп и зон; 8. Номера памятников по приложению.

культуры

Рис. 2.

Территориальное распределение датированных вещей милоградской культуры. Назвать конкретные группы памятников, послуживших основой сложения среднебелорусского, восточнополесского и верхнеднепровского вариантов, не представляется возможным. Отчасти этот пробел восполняют собранные Л. Д. Поболем и картированные нами памятники с чертами эпохи бронзы (рис. 2), основное скопление которых обнаружено в Белорусском Полесье. Несомненно, ранним признаком МЛГРК являются

находки керамики с жемчужным орнаментом. В дополнение к аргументации О. Н. Мельниковской [256, с. 104] можно добавить, что этот тип орнамента уходит корнями в керамическую традицию памятников эпохи бронзы поречья Сейма, Десны и Сулы, где он распространен и в раннем железном веке [18, табл. 1, с. 90; 121, рис. 1, 4, 10; 2, 1 - 4, 6 - 8; 149, с. 56; 391, табл. 1; 320, рис. 1, 5, б и др.]. Два памятника восточнополюсского варианта, на которых обнаружена керамика с жемчужным орнаментом, датируются скифскими стрелами с шипами [табл. 2, 17, 29] VII - началом VI вв. до н. э. [151, с. 16, рис. 2; 240, с. 18; 268, рис. 3, 5; 115, 2, с. 15, 69]. Этим же временем датируется и фрагмент бронзовой булавки, обнаруженной на городище Ясенец [128, рис. 6], близкой типу 22, по В. Г. Петревхо [297, с. 18]. На трех памятниках обнаружены умбоновидные подвески [табл. 2, 3, 31], близкие I варианту 1-го типа, датирующемуся VI в. до н. э. [297 с. 21]. VII в. до н. э. могут быть датированы посоховидные булавки (рис. 3, 30), близкие I варианту 19-го типа [297, с. 16]. Мотыжки с боковыми выступами (табл. 2, 28) относятся к этому же времени [319, с. 76]. VI в. до н. э. датируются фрагмент ложновитой гривны из Короста (прил. № 405) и булавки с отверстием в головке [297, с. 42; 400, рис. 2, 7]. Бляха, обнаруженная на городище Вылево, имеющая 4 концентрических расположенных ряда треугольных прорезей [256, рис. 31, 2], может быть датирована VII в. до н. э. [148, рис. 11, с. 26 - 27, 30; 332, рис. 11, Л с. 22]. Датировки остальных типов вещей значительно выходят за рамки VI в. до н. э. Таким образом, ранний период существования МЛГРК характеризуется сочетанием керамики с жемчужным орнаментом и вещей VII - VI вв. до н. э. Памятники, содержащие эти категории вещей, очерчивают территорию формирования МЛГРК (рис. 2): Черниговское Полесье, восточную часть белорусского Полесья, южную часть верхнего Поднепровья. Жемчужный орнамент обнаружен на керамике некоторых памятников киевской группы подгорцевского варианта (прил., № 372 - 375) и житомирской группы волынского варианта (прил., № 393, 396, 398), но отсутствие ранних датирующих вещей не позволяет включить эти территории в область формирования МЛГРК: Волынь в VII в. до н. э. еще занята памятниками могилянського типа [187], Житомирщина - житомирскими курганами [256, с. 49 - 51], Среднее Поднепровье - позднечернолесскими памятниками [169, с. 134-135].

ВЕКА ДО Н.Э. ВЕРХНИЙ	ЗАПАДНОПОЛЕССКИЙ	СРЕДНЕБЕЛОРУССКИЙ	ВОСТОЧНОПОЛЕССКИЙ
VII - VI	 1		 15 16 17 18 19
VI - V	 2 3 4 5 6 7	 9 10 11 12 13 14	 20 21 22 23 24 25
IV- III	 8 1 2		 15 16 17 18 19

вторую хронологическую группу включены типы вещей, датирующиеся в основном в пределах VI - V вв. до н. э. Этим временем датируются сережки с конусовидным щитком (табл. 2, 45), близкие II варианту 5-го типа [297, с. 27]. На городище Мохов II обнаружена форма для их отливки [256, с. 13]. В VI в. до н. э. появляются гвоздевидные булавки различных вариантов (табл. 2, 32) и посоховидные булавки, близкие II варианту 19-го типа (табл. 2, 48, 65), бытующие вплоть до начала III в. до н. э. [297, с. 13, 16- 17]. Большое распространение получает оружие. Дротики (табл. 2, 14) находят аналоги в скифских древностях VI - V вв. до н. э. [208, рис. 2, продолж., 156]. Акинак из Казаровичей (табл. 2, 46) относится к типу V отдела 1, по А. И. Мелюковой, распространенному в Трансильвании в VI - V вв. до н. э. [240, табл. 18, 4, с. 53; 241, рис. 33, 81. Судя по описанию, близок ему акинак из Асаревичей [256, с. 72]. VI - началом V вв. до н. э. датирует Ю. В. Кухаренко копья из Дубойского могильника (табл. 2, 6; 190, с. 11). Скифские ? стрелы, обнаруженные на милоградских памятниках, относятся к типам, распространенным в V-III вв. до н. э. [256, рис. 29, 1 - 5]. О. Н. Мельниковская полагает, что скифскими стрелами пользовалось милоградское население [256, с. 69]. С этим трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, полностью отсутствуют следы их местного производства. Во-вторых, нет непрерывности их использования: между ранними стрелами с шипами и стрелами V - III вв. до н. э. лежит лакуна длительностью около столетия. В-третьих, на городище Асаревичи (прил. № 327) большое количество стрел обнаружено на территории разрушенных валов, что, по мнению самой О. Н. Мельниковской, "свидетельствует о борьбе населения городища с нашествиями лесостепных племен" [256, с. 14]. Укладывается в рамки VI - V вв. до н. э. и хронология вещей, обнаруженных на подгорцевских памятниках. VI - V вв. до н. э. датируются конусовидная сережка и акинак из Асаревичей (см. выше). Бляхи с прорезями и отверстиями (рис. 3, 53) находят аналоги в культуре западнобалтийских курганов конца VI периода бронзы - начала периода раннего железа, что соответствует VI - V вв. до н. э. [447, рис. 125, с. 279; 448, с. 165 - 166]. Литые круглые бляхи с восьмерковидными украшениями (рис. 3, 52, 56) находят аналоги в кобанской культуре и на памятниках Кабарды VI - IV вв. до н. э. [50, рис. 52, 10; 171" табл. XXXIII, 7, с. 55]. Булавки с ажурным навершием (рис. 3, 55) широко распространены в культурах "балтского круга" лесной зоны в IV-III вв. до н. э. [18, рис. 20, 9, с. 129; 274". рис. 2, 3, 6, 7; 275, рис. 28, 9] и находят прототипы в древностях Кабарды, Балкарми и Северной Осетии второй четверти I тыс. до н.э. [101, № 76 - 81]. Булавки с навершием в виде двух выпуклых бляшек (рис. 3, 51) схожи с верхневолжскими [274, рис. 2" 9]. Украшения в виде спаянных по две проволочек с утолщенными концами или шариками на концах (рис. 3, 49, 57), литейная формочка для изготовления которых обнаружена на городище Горошково (прил. № 204), известны в высоцкой культуре [256, с. 85]. Подвески в виде колокольчиков (рис. 3, 54, 58) появляются у скифов в переднеазиатский период их истории [312, табл. X. 1, с. 108]. Аналоги в кобанской культуре находят литые треугольные подвески со спиралевидными узорами (рис. 3, 36), относящиеся к середине VII-V вв. до э. [171, рис. 1, I, E]. Ожерелье из погребения в Подгорцах (прил. № 385а) очень близко ожерелью из кургана 3 в урочище Стайкин Верх близ Аксютинцев, датирующемуся V в. до н. э. [150, табл. VIII, 3, с. 141 -142]. Бронзовые трубочки, на которые прикреплены подвески из Подгорцевского клада (прил. № 385), также находят аналоги на скифских памятниках Посулья V в. до н. э. [153, с. 327, рис.]. Краткий анализ подгорцевских типов вещей подтверждает высказанное П. Н. Третьяковым предположение о том, что многие типы бронзовых "балтских" украшений распространялись в лесной зоне из Поднепровья [378 с. 208], поскольку эти изделия датируются здесь более ранним временем. В то же время их атрибуция как изначально балтских представляется спорной: при детальном рассмотрении оказывается, что прототипы большинства "балтских" украшений представлены на той территории, где активно действовали скифы в переднеазиатский период своей истории. Таким образом, подгорцевские украшения, как изготовленные в технике воскового плетения, так и более простые, не связаны со скифским лесостепным комплексом украшений и обнаруживают аналоги в комплексе украшений Посулья, связанного более со степной Скифией [150, с. 173 - 174]. По-видимому, они были занесены в Среднее Поднепровье в период между окончанием переднеазиатских походов скифов и сложением

севернопричерноморской степной Скифии [268>> с. 104]. *Картографирование* датирующих вещей второй хронологической группы очерчивает территорию МЛГРК в VI - V вв. до н. э. (рис. 2). В этот период появляются памятники подгорцевского и волынского вариантов, а также элементы МЛГРК в средней Белоруссии [266, с. 8-16]. Загадочным представляется отсутствие вещей второй хронологической группы на памятниках восточнополесского варианта, бывшего в предшествующем периоде самым населенным районом культуры. Третья хронологическая группа вещей датируется серединой IV - первыми десятилетиями III в. до н. э. и связана уже не столько со скифскими, сколько с латенскими типами вещей, относящимися к финальной стадии существования горизонта Духцов-Мюнзинген. К этому времени относятся фрагмент духцовской фибулы и латенские браслеты с рубчиками (рис. 3, 37, 38, 42), а также латенский дротик (рис. 3, 40) [133; 119; 518, табл. 1, с. 43, 57]. В IV - начале III вв. до н. э. на территорию МЛГРК продолжают попадать и скифские типы вещей, обнаруживаемые, как правило, в комплексах с латенскими. Это неорнаментированные браслеты II варианта 4-го типа, по В. Г. Петренко >(прил., № 204), многооборотные браслеты 7-го типа и др. (рис. 3, 35) [297, с. 29, 53, 54]. Вещи третьей хронологической группы не обнаружены на памятниках западно- и восточнополесского, волынского, подгорцевского и среднебелорусского вариантов, что позволяет говорить о замирании *жизни на этих территориях в начале IV в. до н. э., о преобладании культуры штрихованной керамики в западной части среднебелорусского варианта и МЛГРК - в восточной. Территория культуры сужается до пределов верхнеднепровского варианта (рис. 2). Проведенный хронологический анализ позволяет обратиться к рассмотрению *процесса сложения* и развития МЛГРК в целом. В VII в. до н. э. набеги скифов, достигавшие, вероятно, Прибалтики, о чем свидетельствуют находки ранних скифских стрел [239; 73, с. 100, табл. XX, 10; 497], затронули и часть территории складывавшейся на основе местных культур эпохи бронзы МЛГРК (восточнополесский вариант). По-видимому, это повлекло за собой, с одной стороны, усиление процесса культурной консолидации перед лицом внешней опасности, а с другой - расширение территории МЛГРК вследствие начавшихся передвижек населения. В VI в. до н. э., практически одновременно с образованием севернопричерноморской Скифии [268, с. 104], наряду с верхнеднепровским и восточнополесским вариантами складываются подгорцевский и волынский, проявляется влияние МЛГРК в средней Белоруссии и в более северных областях распространения культуры западнобалтийских курганов [343, с. 35; 448 с. 161, 225]. Позднее контакты скифского и милоградского населения приобретают более мирный характер, лишь изредка нарушаемый неясными конфликтами, о которых свидетельствуют находки скифских стрел на милоградских памятниках. Скифский лесостепной комплекс вещей оказывает существенное влияние на сложение милоградского комплекса, в то время как степной комплекс, осложненный кавказскими элементами, влияет лишь на сложение подгорцевского комплекса. Центром распространения степного влияния было, по-видимому, Посулье, хотя отдельные вещи подгорцевского типа находят аналоги и на памятниках скифского времени Киевщины V в. до н. э., в которых также прослеживаются связи с Кавказом [169, с. 136]. Подгорцевское население существовало вперемежку со скифским: "контакт земледельческого населения скифской культуры и Припятского Полесья привел к образованию промежуточного звена - подгорцевской культуры" [153, с. 288; 300, рис. 1]. На сложение западнополесского варианта существенное влияние оказали позднелужицкие и, возможно, высокие традиции, особенно ярко прослеживающиеся в материалах Дубойского могильника [прил., № 8; 256, с. 49]. Наличие в погребениях волынского варианта каменных орудий послужило поводом для предположения о более ранней их дате, нежели южнобелорусских памятников [338, с. 77]. Против этого молено привести ряд возражений. Во-первых, Волынь в VII - начале VI вв. до н. э. занята памятниками могилянско-го типа [187], причем лишь в единичных случаях на могилянских памятниках обнаружена милоградская керамика, что еще не позволяет говорить о сосуществовании двух культур. Во-вторых, наличие каменных орудий в погребениях само по себе не является ранним признаком: их находки известны на скифских и зарубинецких памятниках [152, табл. XXV, 6; 169, рис. 32; 309, рис. 22, 7, 62, 10 и др.], а также в грунтовых погребениях МЛГРК в южной Белоруссии

[256, с. 46]. В-третьих, керамика волынского варианта обнаруживает весьма отдаленное сходство с ранней хронологической группой, по О. Н. Мельниковской [256 рис. 44; 119, 1 - 13]. Налепы с пальцевыми вдавлениями (рис. 3, 63, 64, 66) свидетельствуют о влиянии ранних скифских орнаментальных мотивов [169, рис. 34, 7]. В-четвертых, наиболее ранние вещи волынского варианта (гривна из могильника Корост и булава из Луки-Райковецкой - рис. 3, 65; прил., № 405) датируются временем не ранее VI в. до н. э. (см. выше). Именно к этому времени и следует отнести сложение волынского варианта МЛГРК так же, как и предшествовавших им на этой территории носителей памятников могильного типа, были чрезвычайно слабы, что и привело к застойности культурного развития территории Волыни скифского времени. Во второй половине IV в. до н. э. на территории среднего Поднепровья и верхнеднепровского варианта МЛГРК появляются латенские импорты. Эти территории становятся центрами изготовления вещей по латенским прототипам и распространения их в лесной зоне и отчасти в Скифии [119]. Памятники большинства вариантов МЛГРК в IV в. до н. э. прекращают свое существование, за исключением, быть может, волынского варианта и деснинской группы подгорцевского варианта, где А. В. Шекуном раскопаны курганы, отнесение которых к IV в. до н. э. может оказаться вполне вероятным (прил., № 359). Возможно, именно отток населения с территории МЛГРК" прежде всего подгорцевского варианта, привел к распространению так называемых "балтских" украшений в лесной зоне, производство которых в среднем Поднепровье в IV в. до н. э. прекратилось. В начале III в. до н. э. поступление на территорию МЛГРК новых типов вещей прекращается. А. М. Обломский датировал бусы, обнаруженные в кладе браслетов 1957 г. на городище Горошково, II в. до н. э. [283, с. 17], основываясь на времени наибольшего их распространения в северном Причерноморье, по Е. М. Алексеевой. Следует отметить, что широта датировок бус вряд ли позволяет привлекать их для передатировки браслетов" имеющих гораздо более узкую дату. Если применить для горошковского клада метод узких датировок [417], то единственно возможной датой его сокрытия окажется конец IV-первые десятилетия III в. до н. э. [133]. Кроме того, схожие бусы обнаружены в классических скифских комплексах [например, 152, табл. IX, 3; 208, табл. 36, 37], и привлечение наиболее вероятного времени бытования античных бус в отдаленных античных городах северного Причерноморья вместо времени их бытования на соседних скифских памятниках представляется методически неверным. Прекращение попадания новых типов вещей на территорию МЛГРК в начале III в. до н. э. можно объяснить тем, что в первой трети III в. до н. э. Скифия под ударами сармат прекращает свое существование [227, с. 30 - 55]. Поскольку латенские импорты попадали на территорию лесной зоны именно через Скифию, ее падение разом пресекло и скифский и латенский потоки импортов [133, с. 60; 119]. Немногом ранее кельты, появившиеся в южной Польше вызвали передвижение части носителей поморской культуры на восток, о чем свидетельствует распространение наиболее поздних латенских импортов, обнаруженных на поморских памятниках [513, рис. 13; 519, рис. 3], часть которых обнаружена "на территории западных областей Украины и Белоруссии. Именно этим временем, т. е. последней третью IV в. до н. э., может быть датировано нарушение стабильности населения милоградской и поморской культур: поморские памятники появляются на территории западнополесского варианта МЛГРК, а подъемный материал МЛГРК обнаружен на территории распространения поморской культуры, в Беловежской Пуще (рис. 4). О нарушении стабильности МЛГРК на рубеже IV - III вв. до н. э. свидетельствует и сокрытие кладов латенских браслетов на городище Горошково и в Киселевском торфянике [133, с. 60].

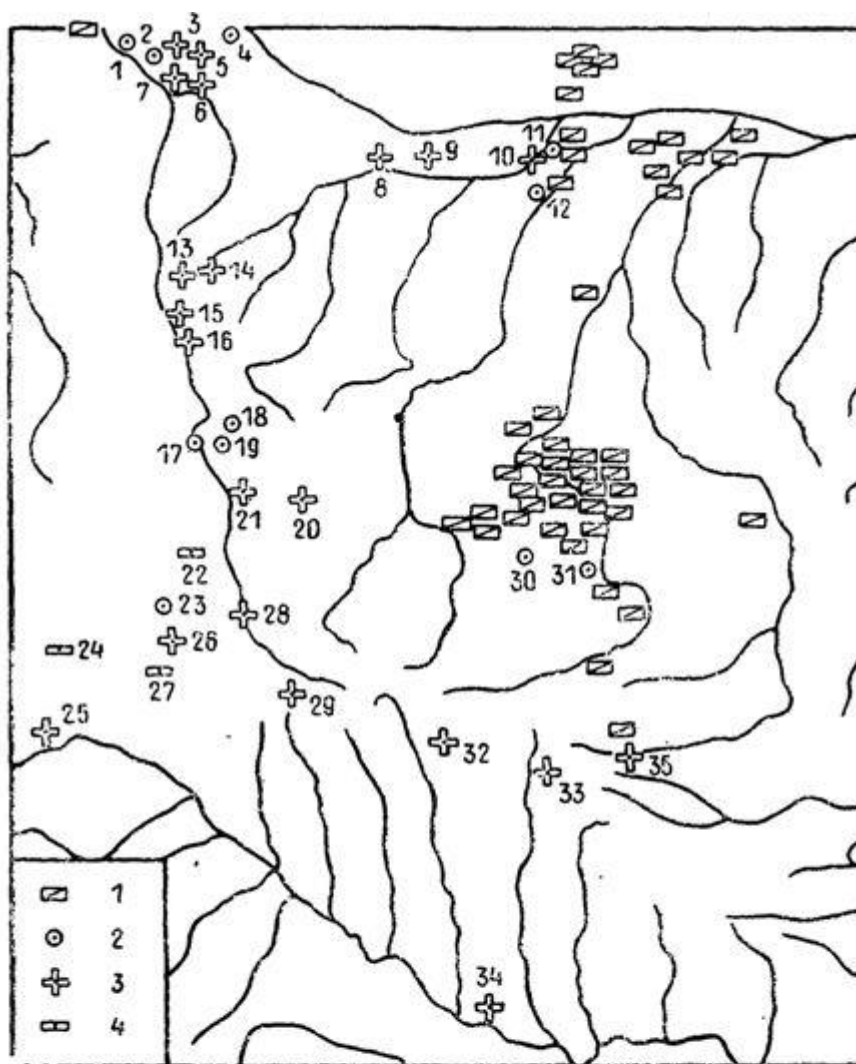

Рис. 4. Зона стыка милоградской и поморской культур.

1. Памятники милоградской культуры; 2. Селища поморской культуры; 3. Могильники поморской культуры; 4. Подъемный материал поморской культуры.
 1. Хмели; 2. Кустичи; 3. Скорбичи; 4. Хорево; 5. Тростяница; 6. Владычица; 7. Ратай-чицы; 8. Леликово; 9. Дрогичин; 10. Пинск; 11. Лемешевичи II; 12. Вешня; 13. Головно; 14. Гуца; 15. Млынище; 16. Кречив; 17. Литовеж; 18. Зимно; 19. Лежница; 20. Дружко-поль; 21. Ульвинок (Вильхов); 22. Белз; 23. Деревня; 24. Страды I; 25. Дрогобыч; 26. Дубляны; 27. Рудно IV; 28. Каменка Бугская; 29. Жуличи; 30. Крылов; 31. Хорив; 32. Беляя; 33. Чернелив Русский; 34. Звенигород; 35. Лепесовка.

Рис. 4. Зона стыка

милоградской и поморской культур Определение поздней даты МЛГРК обычно связывается с решением вопроса о преемственности с ней зарубинецкой культуры [например, 311, с. 12]. Большинство исследователей считает, что две культуры не связаны генетически [255; 283, с. 19 и др.] и что жилище, погибшее в пожаре, обнаруженное на городище Милоград (прил., № 217), содержащее материалы МЛГРК и зарубинецкой культуры, не расчлененные стратиграфически, нельзя считать достоверным комплексом [133, с. 16 - 17]. Поскольку материалы именно этого жилища послужили в свое время для обоснования сосуществования двух культур [256, с. 10, 158- 159], утверждение о недостоверности этого комплекса требует дополнительной аргументации. Обнаруженные в жилище позднелатенские фибулы с пластинчатыми приемниками [256, рис. 31, 15, 16] датируются временем около рубежа эр [162, рис. 5] и синхронны сожжению среднеднепровских городищ зарубинецкой культуры сарматами [219, с. 16 -17]. Литые треугольные бляхи со спиралевидными украшениями (рис. 3, 36) датируются V в. до н. э. (см. выше). Таким образом, разрыв датировок материалов МЛГРК и зарубинецкой культуры в жилище достигает по меньшей мере четырех столетий, и сочетание в нем милоградской и зарубинецкой керамики может быть

объяснено тем, что зарубинецкая землянка была впущена в культурный слой милоградского времени. Последовавший после пожара обвал стенок жилища и привел к смешению в его заполнении материалов двух культур. Единственным аргументом для обоснования преемственности или сосуществования двух культур остаются типологические соображения, зачастую неубедительные [например, 311, с. 12]. Впрочем, даже если предположить, что часть населения МЛГРК в виде некоей автаркии и существовала вплоть до II в. до н. э., это вряд ли изменит наши представления о сложении зарубинецкой культуры: МЛГРК могла сыграть в этом процессе лишь пассивную, крайне ограниченную роль территории, подвергшейся быстрому освоению и ассимиляции пришлым населением. Наши хронологические изыскания позволяют внести ряд уточнений и в вопрос отождествления носителей МЛГРК с неврами Геродота [256, с. 168- 176]. Локализация невра в верховьях Тираса - Днестра и соседство их с агафирсами (Герод., IV, 51, 52, 100), занимавшими территорию современной Трансильвании [173], не противоречит отождествлению с неврами волынского варианта МЛГРК. То, что негры живут вместе с будинами (Герод., IV, 105), локализуемыми исследователями в лесостепной части Днепро-Донского междуречья [99, прим. 613], позволяет соотнести с неврами и подгорцевский вариант. Оба варианта складываются в VI в. до н. э., что прекрасно соотносится с сообщениями Геродота: "За одно поколение до похода Дария они совсем покинули свою страну из-за змей. Дело в том, что много змей появилось у них в стране, а другие, более многочисленные, устремились к ним сверху из пустынь, пока, наконец, негры, теснимые ими, не поселились вместе с будинами, покинув свою землю" (Герод., IV, 105). В будинах, следовательно, можно видеть население киевской группы скифской культуры, "вместе" с которыми жили негры - носители подгорцевского варианта МЛГРК. В появлении "змей" можно видеть процесс увеличения увлажненности Полесья, заставивший негров искать новых мест обитания. В то же время нашествие "змей" "сверху, из пустынь", может отражать начавшийся процесс консолидации населения культуры штрихованной керамики, поскольку культ змей был достаточно широко распространен у балтских народов [331, с. 189]. Отнесение к неврам северных вариантов МЛГРК (западно- и восточнополесских, среднебелорусского и верхнеднепровского) не может быть аргументировано на основании сравнения археологических источников и сведений Геродота вследствие их существенных отличий от вариантов южных. *Этническая принадлежность* МЛГРК остается неясной, несмотря на все большую уверенность в ее принадлежности входившей в орбиту скифского влияния группе восточнобалтийских или балтославянских племен, известных Геродоту под именем негров. В зоне стыка с территорией лесостепной Скифии (подгорцевский вариант) довольно ощутимо скифское влияние. Следовательно, нет необходимости относить балто-иранский языковой контакт исключительно к пограничью юхновской культуры и культуры зольников [341, с. 59, прим. 31]. В кратком обзоре невозможно представить всю сложность изучения МЛГРК, да такая задача нами и не ставилась. Суммирование состояния изучения МЛГРК выявляет гораздо больше узких мест, чем решает проблем. В частности, остается в значительной степени неполным наше представление о хронологии деснинской группы подгорцевского варианта, на которую могут пролить свет некоторые пока не опубликованные материалы (прил., № 359). Слабая исследованность Житомирской области не позволяет поставить на прочную источниковедческую основу решение вопроса о соотношении волынского и подгорцевского вариантов. Вследствие отсутствия датирующих вещей мы практически ничего не можем сказать о хронологии восточнополесского варианта, что не позволяет судить о его роли в культурном развитии МЛГРК. во II и III периодах, хотя памятники, содержащие керамику этого времени, известны (например, прил., № 284а). То же можно сказать о западнополесском и волынском вариантах. Во многом неясным остается механизм взаимодействия МЛГРК и культуры штрихованной керамики, начало изучению которого положено А. А. Егорейченко [113, с. 54-61]. И наконец, совсем не ведется дальнейшая разработка типологии и хронологии милоградской керамики, предложенной О. Н. Мельниковской [256, с. 96-116]. В качестве первого этапа уточнения ее хронологии можно лишь предложить передатировать периоды О. Н. Мельниковской в соответствии с выделенными нами хронологическими группами датирующих вещей: I

этап [256, рис. 44] будет датироваться в таком случае VII - VI вв. до н. э., II этап [256, рис. 47]-VI -V и, возможно, первой половиной IV в. до н. э.; III этап [256, рис. 48]-серединой IV - началом III в. до н. э. Лишь дальнейшее накопление материала, его обработка и публикация позволят поставить решение многих дискуссионных вопросов изучения МЛГРК на прочную источниковедческую основу.

15 Пользуясь случаем хочется поблагодарить сотрудников филологического факультета Ленинградского университета, а также сотрудников Отдела археологии Черниговского исторического музея А. В. Шекуна и В. П. Коваленко, сотрудника Сектора археологии ИИ АН БССР Г. М. Залашко за помощь в составлении каталога и карты.

Приложение. Каталог памятников милоградской культуры (номера памятников соответствуют номерам на рисунках 1, 2)

Польская Народная Республика 1. Крыннца. Беловежская пуца, правый берег р. Наревка. Подъемный материал [452, рис. 2]. *Белорусская Советская Социалистическая Республика* Брестская обл. Столинский р-н 2. Бесова Гора (Хоромск). Мысовое многослойное городище. Вскрыто 176 м² [125, с. 335]. 3. Бор Дубинецкий (Грушевка). Ок. 20 курганов и болотное городище [256, № 15]. 4. Велемичи, ур. Турско. Подъемный материал [190, с. 69]. 5. Вулька Орея, ур. Гуляшево Поле. Ок. 20 курганов [256, № 30]. 6. Городно. Мысовое городище [113, рис. 1, 31]. 7. Давид-Городок, ур. Левановщина. Погребение [131, с. 238-239]. 8. Дубой, ур. Задубенье. Курганный могильник. Раскопано 13 курганов [190, с. 21 сл.]. 8а. Дубой, ур. Кривой рог. Курганный могильник. Раскопан 1 курган [Залашко Г. М. Полевой отчет за 1981 г., рис. 4 а]. 9. Нечатово I. Болотное городище [310, JV" 593]. 10. Тура. Болотное городище [310, № 609]. 31. Юнищи. Два болотных городища [310, № 616, 617]. *Пинский р-н* 12. Вяз. Селище на южном берегу оз. Погост [311, с. 111]. 13. Городище. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 120 м² 147]. 14. Камень I. Селище [310, № 631]. 14а. Камень II. Подъемный материал [311, с. 111]. 15. Лемешевичи V. Селище. Вскрыто 700 м² [45, 46]. 16. Остров II. Подъемный материал [310, Лг" 643]. 17. Погост Загородский. Селище [310, № 647; 311, рис. 45, 6-10]. 18. Чухово. Подъемный материал [310, № 652]. *Гродненская обл. Сморгонский р-н* 19. Горань. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Единичные милоградские черепки [135, с. 337]. *Слонимский р-н* 20. Русаково. Подъемный материал [310, № 914]. 21. Шиловичи. Болотное городище [310, № 915]. *Кареличский р-н* 22. Яремичп. Подъемный материал [311, с. 324]. *Щучинский р-н* 23. Ясилевичи-Волчки. Селище. Вскрыто 96 м². Обнаружены фрагменты керамики, схожие с милоградскими [266, с. 9]. *Минская обл. Солигорский р-н* 24. Хомичи. Болотное городище [310, № 694]. *Любанский р-н* 25. Заельное-Наугольное. Болотное городище [310, № 682]. 26. Красная Горка (Будка). Два болотных городища. На одном из них яайдена милоградская керамика [190, № 42]. 27. Любань II. Селище [310, № 685]. 28. Малые Городятичи. Болотное городище [310, № 686]. 29. Речень. Болотное городище [310, № 687]. *Стародорожский р-н* 30. Клетное. Болотное городище. Часть керамики схожа с милоградской [185]. 31. Новые Савичи. Мысовое городище [310, № 714]. *Слуцкий р-н* 32. Амговичи. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные черепки близки милоградским [310, № 696]. 33. Большая Слива. Болотное городище [310, № 698]. 34. Весея. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты керамики близки милоградским [310, № 699]. 35. Гресск. Многослойное мысовое городище; Единичные находки милоградской керамики в нижнем слое [296, с. 414]. 36. Заградье. Мысовое городище. Штрихованный венчик милоградского облика [123, с. 433]. 37. Замостье. Мысовое городище [128, с. 434]. 38. Ивань. Многослойное городище. Милоградская керамика со штриховкой. Раскопки А. А. Егорейченко [112; 114-117]. 39. Княжья могила. Болотное городище [ИЗ, рис. 1, 66]. 40. Падеры. Многослойное городище. В нижнем слое - милоградская керамика со штриховкой [113, рис. 3, 6; 310, № 708]. 41. Селище. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - материалы культур штрихованной керамики и МЛГРК [310, № 709]. 42. Слуцк I. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - материалы культуры штрихованной керамики МЛГРК [296, с. 414]. *Копыльский р-н* 43. Выня-Ржавка. Болотное городище [113, рис. 2, 5]. 44. Грозово. Болотное городище [113, рис. 1,10]. 45. Киевичи-С.межево. Болотное городище [113, рис. 1,2]. 46. Кокоричи. Болотное городище [113, рис. 1,4]. 47. Колтубаи. Болотное городище [113, рис. 1,9]. 48. Пруссы. Болотное городище [ИЗ, рис. 1, 8]. *Кледкий р-н* 49. Горбуновщина. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - милоградская керамика [110, с. 413]. 50. Круглица. Подъемный материал [311., с. 384]. *Пуховичский р-н* 51. Блужский Бор I. Мысовое городище. Керамика

МЛГРК со штриховкой [310, № 738]. 52. Болочаика. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты близки милоградским [310, № 735]. 53. Синча. Болотное городище [113, рис. 1, 54]. 54. Сутин. Болотное городище [113, рис. 1, 53]. 55. Теребуты I. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты близки милоградским [310, № 749]. 56. Ямное. Болотное городище [113, рис. 1, 55]. *Минский р-н* 57. Баицеровщина. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - штрихованная керамика и керамика, отдаленно напоминающая милоградскую [310, № 886]. 58. Дворище. Мысовое городище. Раскопано 64 м². Материалы культуры штрихованной керамики и несколько черепков МЛГРК [413, с. 275-279]. 59. Лабенщина. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Раскопано более 900 м². Единичные фрагменты керамики МЛГРК [266, с. 14]. 60. Острошицкий городок. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Несколько фрагментов близки милоградским [310, № 895]. *Червенский р-н* 61. Городок II - Кладки. Мысовое городище. Вскрыто 16 м². Милоградская керамика со штриховкой [310, № 780]. 62. Богушевичи. Мысовое городище. Вскрыто 16 м². Милоградская керамика со штриховкой [310, № 780]. 63. Бычин-Чижаха. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 775]. 64. Городище. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 776]. 65. Капланды. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты схожи с милоградскими [310, № 779]. 66. Кладки. Городище. Милоградская керамика со штриховкой [311, № 780]. 67. Котово (Старая Князевка). Два мысовых городища. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 781]. 68. Красная Зорька - Приречье. Селище. Вскрыто 612 м². Керамика милоградской культуры [311, с. 348]. 69. Лысуха. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - милоградская керамика со штриховкой [310, № 784]. 70. Муров Замок. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - милоградская керамика со штриховкой [310, № 786]. 71. Хутор. Мысовое городище [113, рис. 1, 19]. *Крупский р-н* 72. Холопеичи. Городище [113, рис. 1, 76]. 73. Ширневичи. Подъемный материал [311", с. 361]. *Борисовский р-н* 74. Аздятичи. Городище мысового типа. Раскопано 264 м². Милоградская керамика со штриховкой [266, с. 13]. 75. Велятичи-Перевоз. Городище культуры штрихованной керамики. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 809]. 76. Волотово. Городище [113, рис. 1, 16]. 77. Горы-Печи. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Часть фрагментов схожа с милоградскими [310, № 812]. 78. Добридокое. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты схожи с милоградскими [310, № 814]. 79. Завалье. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 818]. 80. Кимия. Мысовое городище культуры штрихованной керамики, Раскопки А. Г. Митрофанова. Небольшое количество милоградской керамики со штриховкой [266, с. 13]. 81. Корсаковичи II. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 822]. 82. Новоселки. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Раскопано 51 м². Милоградская керамика со штриховкой [266, с. 11]. *Смолевичский р-н* 83. Смолевичи I. Городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 847]. 83а. Смолевичи II. Городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 848]. *Молодечненский р-н* 84. Вязынка. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Вскрыто 182 м². Отдельные фрагменты милоградской керамики [264]. *Мядельский р-н* 85. Гатовичи. Селище. Милоградская керамика [266, с. 9]. 86. Городище I. Холмовое городище. Вскрыто более 800 м². В нижних слоях - керамика, близкая милоградской [265, с. 371]. 87. Занарочь. Селище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты милоградской керамики [266, с. 10]. 88. Свирь. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 48 м². В нижних слоях - милоградская керамика со штриховкой [311, с. 376]. *Витебская обл. Оршанский р-н* 89. Еремковичи-Торчилово. Многослойное мысовое городище. Отдельные фрагменты керамики схожи с милоградскими [310, № 930; 311, рис. 74]. 90. Рогозино. Холмовое городище. Штрихованная, днепродвинская и близкая милоградской керамика [310, № 938]. 91. Черкасово. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 65 м². Штрихованная, днепродвинская и похожая на милоградскую керамика [310, № 947; 311, рис. 54, 5-9]. *Могилевская обл. Шкловский р-н* 92. Церковище. Мысовое городище. В нижнем слое - милоградская, в верхнем - штрихованная керамика [310, № 512]. *Могилевский р-н* 93. Буйничи.

Многослойное мысовое городище. Милоградская, заруби- нецкая и штрихованная керамика [310, № 480]. *Чаусский р-н* 94. Радомля I. Многослойное мысовое городище. Отдельные черепки милоградского облика [367, с. 417]. 95. Золочево. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - милоградская керамика [310, № 440]. *Кричевский р-н* 96. Кричев I. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 44 м2. В нижнем слое - милоградская керамика [367, с. 417]. 96а. Кричев II. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 360 м2. Единичные фрагменты милоградской керамики [367, с. 417]. *Костюковичский р-н* 97. Клеевичи II. Керамика в насыпи кургана I [311, с. 407]. 98. Кркжовка. Многослойное мысовое городище. В нижнем слое - милоградская керамика [311, № 394]. *Славгородский р-н* 99. Гайшин. Мысовое городище [256, № 32]. 99а. Гайшин IV. Селище в ур. Котлин [311, с. 416]. 100. Дубно VI - Клины. Подъемный материал [311, с. 417]. 100а. Дубно VII. Подъемный материал [311, с. 417]. 100б. Дубно IX. Подъемный материал [256, № 52]. 101. Луначарск (б. Андружжа). Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 378]. 102. Славгород (б. Пропойск). Многослойное мысовое городище. В нижних слоях - штрихованная, милоградская и зарубинецкая (?) керамика [310, № 381]. *Быховский р-н* 103. Барколабово. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 363]. 104. Быхов I. Многослойное мысовое городище. В нижних слоях керамика, близкая милоградской [310, № 364]. 105. Городец I. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 367]. 106. Новый Быхов II. Селище [256, № 115]. 107. Яново I. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [154; 310, № 374]. 107а. Яново IV. Подъемный материал [311, с. 398]. *Бобрыйский р-н* 108. Михалево II. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 546]. 109. Петровичи. Болотное городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 547]. 110. Щатково. Мысовое городище. Вскрыто 372 м2. Милоградская керамика со штриховкой [305]. *Глусский р-н* 111. Зеленковичи I. Болотное городище [113, рис. 1, 55]. 111а. Зеленковичи II. Болотное городище [113, рис. 1, 69]. 111б. Зеленковичи III. Болотное городище [113, рис. 1, 70]. 112. Подлужье. Селище [256, № 128]. 113. Симоновичи. Селище [256, № 158]. 114. Холопеничи. Болотное городище. Вскрыто 220 м2. Милоградская керамика со штриховкой [114; 118; 310, рис. 113]. *Осиповичский р-н* 115. Елизово-Углаты. Мысовое городище [310, № 562]. 116. Жужлянка. Мысовое городище. Вскрыто 140 м2. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 563]. 117. Зборск II. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Отдельные фрагменты милоградской керамики со штриховкой [310, № 566]. 118. Лапичи. Городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 568]. 119. Новоселки. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 570]. 120. Радутичи. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 571]. 121. Свислочь II. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 48 м2. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 574]. 122. Цель. Мысовое городище культуры штрихованной керамики. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 575]. *Гомельская обл. Октябрьский р-н* 123. Поречье II. Подъемный материал [311, с. 276].? *Светлогорский р-н* 124. Карповичи. Болотное городище [113, рис. 1, 73]. 125. Кнышевичи. Болотное городище [113, рис. 1, 71]. 126. Корма. Болотное городище [113, рис. 1, 72]. 127. Светлогорск. Милоградский горшок с золой [311, с. 293]. 128. Скалки I. Селище [311, с. 294]. *Жлобинский р-н* 129. Верхняя Олба. Болотное городище [113, рис. 1, 173]. 130. Городок. Болотное городище. Вскрыто 16 м2. Керамика, близкая милоградской [104, с. 385]. 130а. Городок. Селище [104, с. 385]. 131. Добровольщина. Болотное городище [113, рис. 1, 170]. 132. Жлобин. Наконечник дротики [310, рис. 97, /]. 133. Китин. Болотное городище [113, рис. 1, 169]. 134. Колыбовка. Болотное городище [113, рис. 1, 192]. 135. Короткевичи. Болотное городище [113, рис. 1, 191]. 136. Красная горка I. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [310, № 234; 311, рис. 90, 22, 23]. 137. Нижняя Олба. Селище [256, № 113]. 138. Отрубы. Мысовое городище. Раскопано 24 м2. Преобладает милоградская керамика [256, с. 385]. 139. Проскурни I. Мысовое городище [311, рис. 96, /]. 139а. Проскурни II. Селище [311, с. 253]. 139б. Проскурни III. Селище [256, № 140]. 140. Стрешин. Многослойное мысовое городище [113, рис. 1, 171]. *Рогачевский р-н* 141. Задрутье. Мысовое городище [310, № 242]. 141а. Задрутье. Селище [310, № 242]. 142.

Зборов І. Мысовое городище. Вскрыто 100 м². Милоградская керамика со штриховкой [310, № 243, 118]. 143. Кистени. Мысовое городище. Милоградская керамика со штриховкой [307]. 144. Лучин І. Мысовое городище [310, № 246]. 144а. Лучин. Селище [256, № 94]. 144б. Лучин. Селище [256, № 95]. 145. Озерис. Селище [311, с. 290-291]. 146. Озераны-Рудня. Мысовое городище [311, с. 290]. 147. Рогачев І. Многослойное мысовое городище. Вскрыто 1000 м². В нижних слоях милоградская керамика со штриховкой [256, с. 8; 123]. 148. Рыково. Болотное городище [113, рис. 1, 187]. 149. Хмеленец-Юдичи. Мысовое городище [113, рис. 1, 186]. 150. Шапчицы. Мысовое городище [113, рис. 1, 188]. *Кормяиский р-н* 151. Верхи ІІ. Селище [311, рис. 98, 1, 5]. 152. Волынцы. Селище [310, № 351]. 153. Ворновка-Лядцы. Мысовое городище. Вскрыто около 220 м². Милоградская керамика со штриховкой [103; 310, № 352]. 153а. Ворновка-Лядцы. Селище [311, с. 258]. 154. Дубровница. Городище [113, рис. 1, 130]. 155. Зятковичи. Мысовое городище [310, № 358]. 156. Прибор. Селище [311, с. 261]. 156а. Прибор. Курганный могильник. Раскопан один милоградский курган [44]. 157. Струмень ІІІ. Селище [311, с. 262]. 157а. Струмень V. Наконечник дротика [311, рис. 97, 2]. 158. Студенец І. Селище [311, с. 262]. 97 *Чечерский р-н* 159. Бердыж І. Подъемный материал [311, с. 297]. 159а. Бердыж ІІ. Селище [311, с. 297]. 160. Волосовичи. Городище [113, рис. 1, 76]. 161. Залесье. Мысовое городище. Раскопки А. Н. Лявданского и А. Д. Кавалени [310, № 366]. 162. Нисимковичи. Мысовое городище. Вскрыто 96 м². [327]. 163. Себровичи. Мысовое городище [103; 310, № 343]. 164. Струмень. Селище [311, с. 300]. 165. Чечерск ІІ. Мысовое городище. Вскрыто более 330 м², В нижних слоях милоградская керамика [32; 366]. 165а. Чечерск-Ипполитовка. Селище [256, № 186]. 166. Шепетовичи І. Болотное городище. Раскопки А. Н. Лявданского [103; 310, № 346]. *Буда-Кошелевский р-н* 167. Ивольск-Тирово. Болотное городище [113, рис. 1, 194]. 168. Кошелев. Болотное городище [113, рис. 1, 193]. 169. Смычков. Болотное городище [311, с. 234]. 170. Уваровичи. Болотное городище [113, рис. 1, 210]. *Ветковский р-н* 171. Ветка ІІ. Болотное городище [310, № 313]. 171а. Ветка ІІІ. Подъемный материал [311, с. 235]. 172. Новоселки. Городище [310, № 319]. 173. Петрополье. Селище [311, с. 236]. 174. Присно І. Мысовое городище [310, № 321]. 174а. Присно ІІ. Мысовое городище [310, № 322]. 174б. Присно V. Подъемный материал [311, с. 236]. 174в. Присно ІІІ. Селище [311, с. 236]. 174г. Присно ІІІ. Погребение [311, с. 236]. 175. Старое село. Мысовое городище [256, № 168]. 176. Хальч. Мысовое городище [311, с. 239]. 177. Шерстин І. Мысовое городище [256, № 190]. 177а. Шерстин ІІ. Селище [311, с. 239]. 177б. Шерстин VІ. Селище [311, с. 239]. 178. Вылево І. Мысовое городище [310, № 295; 325]. 179. Добруш. Городище [327]. 180. Касабуки. Мысовое городище. Вскрыто 144 м² Милоградская и юхновская керамика [327, с. 368]. 181. Новый Крупец. Мысовое городище [325, с. 344]. 182. Носовичи. Болотное городище [113, рис. 1, 85]. *Гомельский р-н* 183. Азделин. Болотное городище [113, рис. 1, 209]. 184. Гомель ІІІ. Подъемный материал [311, с. 241]. 184а. Гомель V. Селище [311, с. 241]. 185. Калинино. Подъемный материал [311, с. 241]. 186. Любны. Мысовое городище. Раскапывалось И. Х. Ющенко и В. И. Сычевым [310, № 267; 311, с. 242]. 187. Макеевка. Подъемный материал [310, № 275]. 188. Никольск-Осовцы. Подъемный материал [310, № 276]. 189. Новая Белица. Подъемный материал [256, № 116]. 190. Поколюбичи І. Мысовое городище [256, № 129]. 191. Прудок. Мысовое городище [310, № 281]. 192. Рудня Прибытковская. Болотное городище [325]. 193. Рудня Телешевская. Мысовое городище [310, № 238]. 194. Скиток ІІ. Мысовое городище [310, № 285]. 195. Уза. Мысовое городище [325; 326, с. 4!]. *Речицкий р-н* 196. Безуев І. Болотное городище [310, № 20]. 197. Белый берег І. Подъемный материал [256, № 10].? 198. Борхов І. Болотное городище. Вскрыто 34 м² [310, № 22]. 199. Борщевка. Болотное городище [113, рис. 1, 206]. 200. Будка (Старое Красное). Болотное городище. Вскрыто 480 м² [213; 214]. 201. Володарск. Мысовое городище [310, № 26]. 202. Глыбов І. Мысовое городище. Вскрыто около 200 м² [310, № 35]. 203. Горваль І. Мысовое городище [310, № 31]. 204. Горошков І. Мысовое городище. Вскрыто около 2700 м² [251; 252; 253; 256, с. 32 сл.]. 204а. Горошков І. Могильник. Вскрыто ок. 1400 м². Обнаружено более 100 погребений [254]. 204б. Горошков VІ. Селище. Вскрыто 128 м² [311, с. 282]. 204в. Горошков V. Подъемный материал [256, № 49]. 204г. Горошков VІ. Подъемный материал [256, № 47]. 204д. Горошков VІІ. Подъемный материал [256, № 48]. 205. Завужель І.

Мысовое городище [310, № 36]. 206. Заспа I. Мысовое городище [310, № 37]. 206а. Заспа II. Мысовое городище [256, № 62]. 206б. Заспа III. Селище [256, № 64]. 207. Зашебье. Болотное городище [113, рис. 1, 90]. 208. Козье. Болотное городище [212]. 209. Колочин I. Мысовое многослойное городище. Вскрыто ок. 1400 м². В нижнем слое - милоградская керамика [356, с. 70-76; 357]. 209а. Колочин II. Мысовое городище. Вскрыто 73 м² [310, № 41]. 210. Короватици I. Болотное городище [272, с. 357]. 211. Красный мост (Брагибор). Мысовое городище [310, № 45]. 212. Леваши. Мысовое городище. М илота дская керамика со штриховкой [310, № 46]. 213. Лиски. Болотное городище. Вскрыто более 3000 м² [212-215]. 214. Луиачарск (Бригидов). Мысовое городище [256, № 91]. 215. Малая Теребеевка. Городище [310, № 49]. 216. Малодуша. Болотное городище [113, рис. 1, 119]. 217. Милоград I. Мысовое городище. Вскрыто около 800 м² [253; 256, с. 33 сл.]. 217а. Милоград II. Селище. Вскрыто ок. 450 м² [256, с. 10-12]. 218. Озерщина. Мысовое городище [310, № 52]. 219. Первомайск (Кобылев). Болотное городище [113, рис. 1, 97]. 220. Переволока I. Болотное городище [113, рис. 1, 110]. 220а. Переволока II. Болотное городище [113, рис. 1, 110]. 221. Речица I. Селище [311, с. 287]. 222. Рассвет. Мысовое городище. Вскрыто 160 м² [212, 71]. 223. Сведское. Болотное городище [113, рис. 1, 102]. 224. Упорица. Подъемный материал [311, с. 288]. 225. Холмеч. Мысовое городище [310, № 60]. 226. Храбрый. Болотное городище [256, № 177]. 227. Черное-Гиров. Мысовое городище [412, с. 420]. *Калинковичский р-н* 228. Азаричи. Болотное городище [113, рис. 1, 135]. 229. Березовка. Селище [311, с. 254]. 229а. Березовка II. Подъемный материал [311, с. 255]. 230. Гряда. Селище [310, № 129]. 231. Калинковичи. Городище [310, № 131]. 232. Клиnsk. Болотное городище [113, рис. 1, 82]. 233. Козловичи. Болотное городище [113, рис. 1, 83]. 234. Кротово. Болотное городище [113, рис. 1, 81]. 235. Михновичи I. Селище [311, с. 255]. 236. Осипова Рудня. Болотное гооодище [113, рис. 1, 75]. 237. Пенница I. Селище [310, № Ш]. 237а. Пенница II. Селище [310, № 138].? 238. Рудня Антоновская. Болотное городище [113, рис. 1, 84]. 239. Слобода. Болотное городище [113, рис. 1, 50]. 240. Слободка I. Подъемный материал [295, с. 413]. 240а. Слободка II. Селище [310, № 142]. 240б. Слободка III. Селище. Раскопки В. Ф. Исаенко [310, № 143]. 241. Юревичи I. Мысовое городище. Раскопки А. Н. Лявданского [311, 256]. 241а. Юревичи II. Селище. Вскрыто 188 м² [296, с. 414]. 242. Юшки. Два болотных городища [113, рис. 1, 87, 88]. *Петриковский р-н* 243. Бобрик. Болотное городище [113, рис. 1, 27]. 244. Ваюжичи. Болотное городище [113, рс. 1, 28]. 245. Голубица. Подъемный материал [311, с. 277]. 246. Дорошевичи I. Подъемный материал [311, с. 277]. 246а. Дорошевичи III. Подъемный материал [310, № 193]. 247. Лучица. Болотное городище [256, № 96]. 248. Ляковичи. Селище [310, № 196]. 249. Макаровичи. Селище [310, JVb 197]. 250. Мойсеевичи. Селище. Вскрыто около 200 м² [132, с. 390]. 251. Новоселки. Подъемный материал [310, № 200]. 252. Петриков I. Подъемный материал [310, № 202]. 253. Слободка Челюшевицкая. Городище [310, № 205]. 254. Хойна-Заболотье. Болотное городище [113, рис. 1, 79]. 255. Шестовичи. Подъемный материал [310, № 207]. *Житковический р-н* 256. Бечи-Озераны. Мысовое городище [305, № 1]. 257. Борки. Два городища [113, рис. 1, 29]. 258. Бурези (Казаргаты). Селище [306, рис. 28]. 259. Вересница. Подъемный материал [306, № 13]. 260. Дьяковичи-Буда. Болотное городище [310, № 161]. 261. Житковичи. Два болотных городища [113, рис. 1, 30]. 262. Запесочье. Селище [256, № 61]. 263. Знаменка (Слепцы). Городище [306, № 3]. 263а. Знаменка (Слепцы). Селище [306, № 2]. 264. Переров. Городище [306, № 54]. 265. Переровский Млынок. Болотное городище [306, № 53]. 266. Погибелька. Два болотных городища [113, рис. 1, 24]. 267. Погост. Селище. Вскрыто 204 м² [306, с. 41 сл.]. 267а. Погост. Могильник [306, с. 40]. 268. Рычев. Селище [310, № 180]. 269. Семурадцы. Подъемный материал [306, с. 57]. 269а. Семурадцы II. Селище [306, с. 57]. 269б. Семурадцы VI. Селище [305, № 43]. 270. Хильчицы, ур. Муравин. Селище [126-127]. 270а. Хильчицы II. Селище. Вскрыто 300 м² [149, № 7; 311, с. 252]. 270б. Хильчицы-Хильбавичи. Городище [25(3, № 175; 306, № 8]. 271. Чернич. Селище. Вскрыто 112 м² [78]. " *Лельчицкий р-н* 272. Осенское. Подъемный материал [132, с. 390]. 273. Убортская Рудня. Два болотных городища [113, рис. 1, 42, 43]. *Мозырский р-н* 274. Акулинка. Мысовое городище [310, № 102]. 275. Боровики I. Селище [311, с. 268]. 275а. Боровики II. Могильник [311, с. 268]. 276. Жаховичи II. Подъемный материал [311, с. 268]. 277.

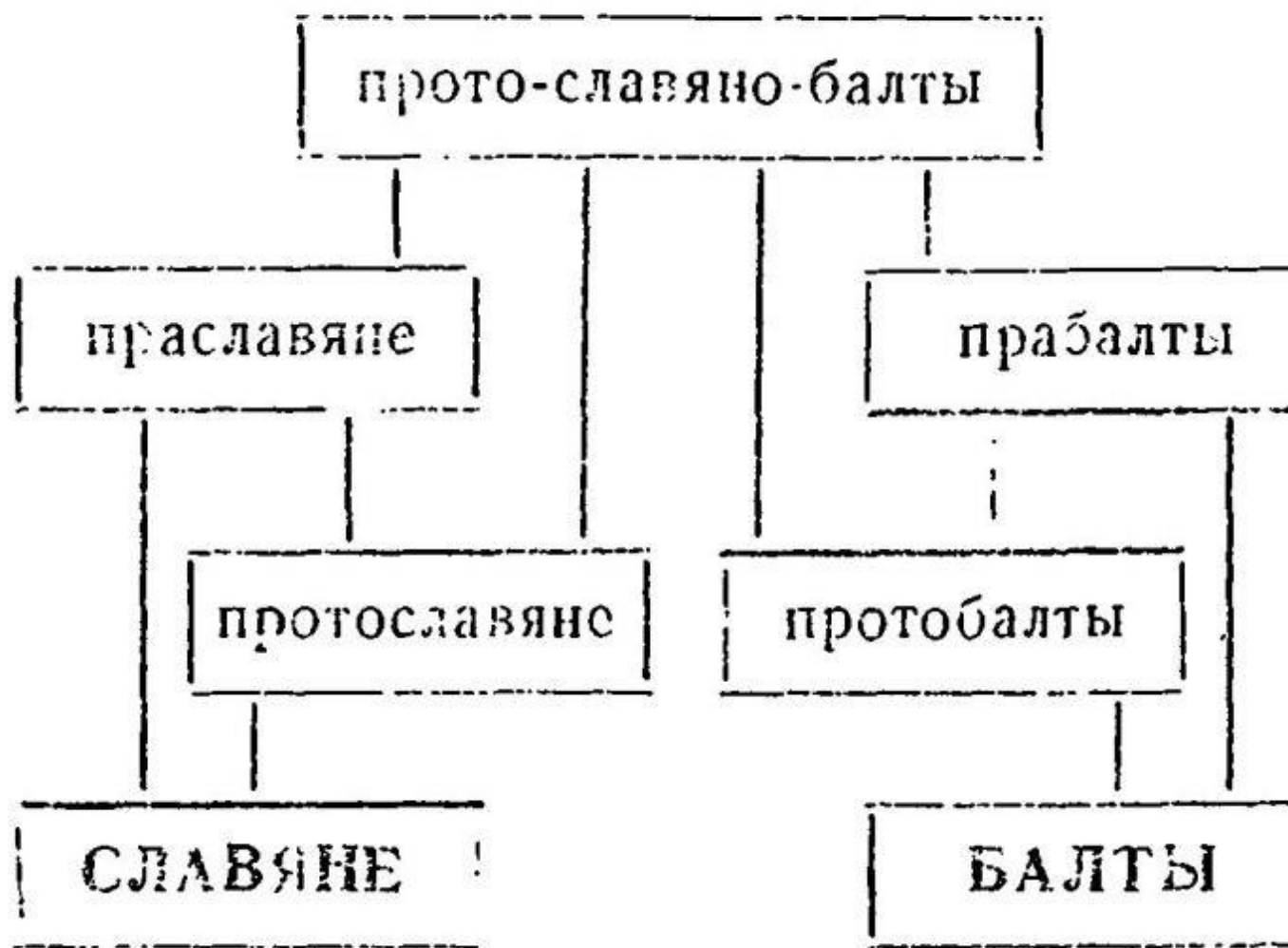
Загорины IV. Селище [311, с. 269]. 278. Мирабели. Селище [311, с. 269]. 279. Мозырь I [Кимбаровка]. Многослойное мысовое городище. Единичные фрагменты милоградской керамики [129; 130]. 279а. Мозырь VII. Подъемный материал [311, с. 270]. 279б. Мозырь V. Селище [311, с. 270]. 280. Моисеевка. Мысовое городище. Вскрыто около 80 м² [125, 310, № 108]. 281. Пхов II. Подъемный материал [311, с. 270]. 281а. Пхов III. Подъемный материал [311, с. 270]. 281б. Пхов IV. Селище. Вскрыто 120 м² [310, № 1101- 282. Скрыгалово III. Подъемный материал F311, с. 271]. 282а. Скрыгалово V. Селище [311, с. 271]. 283. Стрельск. Многослойное мысовое городище [310, № 97]. 284. Ясенец I. Болотное городище. Раскопки Г. М. Залашко [124; 128; 132]. 284а. Ясенец II. Болотное городище. Раскопки Г. М. Залашко [124; 125; 132]. 284б. Ясенец III. Селище [311, с. 272]. *Наровлянский р-н* 285. Антонов. Болотное городище [113, рис. 1, 52]. 286. Березовка. Подъемный материал [310, № 85]. 287. Вепри I. Селище [310, № 86]. 287а. Вепри II. Селище [311, с. 273]. 288. Вербовичи I. Селище [310, № 87]. 288а. Вербовичи II. Селище [311, с. 273]. 289. Гридня II. Селище [311, с. 273]. 290. Дворище-Рудня. Болотное городище [113, рис. 1, 53]. 291. Дерновичи I. Селище [311, с. 273]. 292. Заракитное. Болотное городище [114, рис. 1, 50]. 293. Карповичи. Селище [311, с. 274]. 294. Конотоп I. Селище [310, № 91]. 294а. Конотоп II. Селище [310, № 92]. 295. Наровля III. Селище [311, с. 274]. 295а. Наровля IV. Селище [311, с. 274]. 295б. Наровля-Городище. Селище [311, с. 275]. 296. Рожавка II. Селище [311, с. 275]. 297. Тешков VII. Селище [310, № 99]. *Хойникский р-н* 298. Борисовщина I. Болотное городище [113, рис. 1, 134]. 298а. Борисовщина II. Селище [310, № 115]. 299. Великий Бор. Два болотных городища. [ИЗ, рис. 1, 125]. 300. Гнездинка. Подъемный материал [311, с. 295]. 301. Гноево. Подъемный материал [311, с. 295]. 302. Кливы. Болотное городище [113, рис. 1, 144]. 303. Красноселье. Подъемный материал [181, с. 408]. 304. Ломачи. Подъемный материал [311, с. 295]. 305. Ломыш IV. Подъемный материал [311, с. 296]. 305а. Ломыш. Два болотных городища [113, рис. 1, 132, 133]. 305б. Ломыш V. Подъемный материал [311, с. 296]. 306. Оревичи II. Подъемный материал [311, с. 296]. 307. Слободка. Подъемный материал [310, № 126]. 308. Тульговичи III. Селище [311, с. 297]. 309. Хвощевка I. Селище [311, с. 297]. 309а. Хвощевка III. Селище [311, с. 297]. *Лоевский р-н* 310. Бывальки 1. Городище [310, № 1]. 311. Глушец. Селище [311, с. 264]. 312. Городок I. Мысовое городище [310, № 3]. 312а. Городок II. Мысовое городище [310, № 2]. 312б. Деражичи. Селище [310, № 2]. 313. Казимировка. Селище [311, с. 264]. 314. Кол пень. Болотное городище [256, № 75]. 315. Липняки-Волкошанка. Болотное городище. Вскрыто 1100 м² [79]. 316. Лоев I. Мысовое городище [310, № 6]. 317. Мохов I. Мысовое городище. Раскопано около 820 м² [256, с. 12 сл.]. 317а. Мохов I. Могильник [256, с. 12 сл.]. 317б. Мохов II. Мысовое городище. Раскопано 68 м² [377]. 317в. Мохов III. Селище [311, с. 265]. 318. Пустая гряда. Болотное городище [216]. 319. Райск. Болотное городище [113, рис. 1, 112]. 320. Рудня Бурицкая. Болотное городище [113, рис. 1, //]. 321. Рудня Маримонова. Мысовое городище [256, № 153]. 322. Рудня Поповская. Болотное городище [113, рис. 1, 203]. 323. Хоминка. Болотное городище. Подъемный материал [216]. 324. Чаплин I. Мысовое городище. Вскрыто около 50% площади [308; 309; 376]. 324а. Чаплин I. Могильник [308; 309; 376]. 324б. Чаплин I. Селище [308; 309; 376]. 325. Щитцы I. Городище [310, № 17]. 326. Ястребка I. Болотное городище. Раскопано около 1400 м² [210; 211; 216]. *Брагинский р-н* 327. Асаревичи. Мысовое городище. Вскрыто 156 м² [256, с. 13 сл.]. 327а. Асаревичи. Могильник [256, с. 33]. 327б. Асаревичи III. Селище [256, № 4]. 327в. Асаревичи IX. Селище [311, с. 228]. 327г. Асаревичи, ур. Трасте. Подъемный материал [256, № 3]. 327д. Асаревичи, ур. Селище. Подъемный материал [256, № 6]. 327е. Асаревичи, ур. Камень. Подъемный материал [256, № 7]. 328. Брагин II. Селище [311, с. 228]. 329. Велье. Селище [311, с. 228]. 330. Верхние Жары I. Селище [311, с. 229]. 330а. Верхние Жары IV. Селище [311, с. 229]. 331. Волховщина. Селище [311, с. 229]. 332. Г день IV. Селище [311, с. 229]. 332а. Г день V. Селище [311, с. 229]. 333. Городок - Старый Мокрец. Болотное городище [310, № 66]. 334. Капоринка I. Болотное городище [310, № 69]. 334а. Капоринка II. Селище [311, с. 230]. 335. Колыбань II. Селище [310, № 71]. 336. Команово. Болотное городище [310, № 72]. 337. Комарин. Селище [256, № 77]. 338. Савичи. Городище и селище [310, № 78]. 339. Сперижье II. Селище [311, с. 232]. 340. Старая Иолча I. Мысовое городище [310, № 79]. 340а. Старая Иолча III. Селище [311, с. 232]. 341. Храковичи - Новая Гребля.

Болотное городище [310, № 80]. 342. Чернево I. Болотное городище [349]. 342а. Чернево II. Селище [311, с. 233]. 343. Чемерисы. Селище [311, с. 233]. 344. Чикаловичи II. Селище [256, № 189]. 344а. Чикаловичи III. Селище [256, № 187]. 344б. Чикаловичи V. Болотное городище [256, № 188]. *Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика Брянская обл. Новозыбковский р-н* 345. Азаричи. Мысовое городище [110, № 119]. 346. Старые Бобовичи. Мысовое городище. Керамика милоградской и юхновской культур [110, № 125]. *Украинская Советская Социалистическая Республика Черниговская обл. Городнянский р-н* 347. Мощенка. Два мысовых городища. Материалы милоградской и юхновской культур [552]. *Репкинский р-н* 348. Звеничев. Болотное городище [188, с. 230]. 349. Любеч. Многослойное мысовое городище [256, № 98]. 349а. Любеч, ур. Лисица. Городище [256, № 99]. 350. Неданчици. Многослойное городище [256, № 102]. 351. Радуль. Селище [256, № 143]. 352. Радьковка I. Городище [256, № 146]. 352а. Радьковка-Мысы. Селище [256, № 149]. 353. Сусловка. Селище [256, № 169]. 353а. Сусловка, ур. Роговое. Подъемный материал [256, № 170]. 353б. Сусловка, восточная часть деревни. Подъемный материал [256, № 171]. *Черниговский р-н* 354. Выгоры I. Селище [546]. 355. Кошевка. Селище [408, с. 402]. 356. Рябцы. Селище [408, с. 402]. 357. Табаевка. Селище. Раскопки Блительда [29]. 358. Ульяновка I. Селище [546]. 359. Деснянка-Халавии. Курганная группа. Раскопано 7 насыпей [405- 407]. 359а. Деснянка-Титова Речка. Селище. Раскопки А. В. Шекуна и И. А. Бажана [546]. 360. Яновка I. Селище [546]. 361. Киселевка. Клад браслетов [133]. *Киевская обл. Полесский р-н* 362. Диброва. Городище [193, с. 89]. *Чернобыльский р-н* 363. Лелев. Мысовое городище [193, с. 92]. 363а. Лелев. Селище [256, № 84]. 364. Новая Красница. Городище [193, с. 88]. 365. Медвин. Городище [193, с. 93]. 366. Плитовище. Могильник [21, с. 162]. 367. Чернобыль. Подъемный материал [300, рис. 1, /]. *Иванковский р-н* 368. Розважев I. Болотное городище [193, с. 91]. 368а. Розважев II. Болотное городище [193, с. 91]. *Броварский р-н* 369. Лебедевка. Подъемный материал [300, рис. 1, 6]. 370. Осещина. Селище [300, рис. 1, 5]. 371. Погребы. Селище [300, с. 14]. 371а. Погребы. Следы могильника. Бронзовый лужицкий браслет [301, рис. 4, 3; 361]. 372. Староселье. Селище [300, рис. 1, 7]. *Киево-Святошинский р-н* 373. Казаровичи. Селище [301; 300, с. 14-15]. 373а. Казаровичи. Могильник [300, с. 14-15]. 374. Корчеватое. Подъемный материал [337, табл. III, 55]. 375. Лютеж. Селище [27, рис. 10, 12-13]. 376. Пирогов. Селище [300, рис. 1, 13]. 377. Хотяновка. Селище [300, рис. 1, 9]. *Бориспольский р-н* 378. Бортнички. Селище [300, рис. 1, 14]. 379. Вишеньки. Селище [300, рис. 1, 15]. 380. Рудяки. Погребение [335]. 380а. Рудяки. Селище [300, рис. 1, 35]. *Переяслав-Хмельницкий р-н* 381. Зарубинцы. Подъемный материал [300, рис. 1, 41]. 382. Великая Салтановка. Селище [300, рис. 1, 21]. *Обуховский р-н* 383. Веремье. Селище [300, рис. 1, 33]. 384. Плюты. Селище [300, рис. 1, 29]. 385. Подгорцы. Клад [300, рис. 5, 6]. 385а. Подгорцы. Могильник [300, рис. 4, /]. 385б. Подгорцы. Селище [300, рис. 3, 3-5; 7, 2-4, 5]. 386. Таценки. Селище [300, рис. 1, 26]. 387. Украинка. Селище [300, рис. 1, 31]. *Кагарлыкский р-н* 388. Балыко-Щучинка. Селище [300, рис. 1, 38]. 389. Великий Букрин. Подъемный материал [300, рис. 7, 5]. 390. Гребни. Селище [300, рис. 1, 37]. 391. Черняхов. Селище [300, рис. 1, 34]. *Мироновский р-н* 392. Дудары. Подъемный материал [300, с. 19]. *Житомирская обл. Бердичевский р-н* 393. Лука Райковецкая. Селище [69, рис. 3, с. 289]. *Житомирский р-н* 394. Станишишко. Могильник [20, с. 269]. *Олевский р-н* 395. Уборть III, ур. Бабина Гора. Подъемный материал [549]. *Хмельницкая обл. Белогорский р-н* 396. Лепесовка. Подъемный материал [543]. *Изяславский р-н* 397. Михнев. Подъемный материал [338, с. 77]. *Шепетовский р-н* 398. Хомора. Селище [362, с. 90-93]. *Ровенская обл. Дубновский р-н* 399. Зарудье I. Селище [182]. 400. Маяки. Селище [181, с. 262]. *Костопольский р-н* 401. Деражно. Подъемный материал [256, с. 51]. 402. Дюксин. Селище [20, с. 169; 338, с. 79]. 403. Збуж. Подъемный материал [338, с. 79]. 404. Чудви. Подъемный материал [338, с. 79]. *Сарненский р-н* 405. Корост. Могильник [190, № 76; 338, с. 79]. *Здолбуновский р-н* 406. Лебеди. Селище [338, с. 77]. *Острожский р-н* 407. Курганы. Могильник [339, с. 331]. 408. Хорив. Селище. Вскрыто 480 м² [293, с. 336]. *Корецкий р-н* 409. Харалуг. Селище [187, с. 22]. *Гощанский р-н* 410. Воскодавы. Селище [338, с. 77]. 411. Горбаков. Селище [20, с. 168-169; 113, с. 77]. *Ровенский р-н* 412. Бронники. Селище [338, с. 78]. 413. Великий Олексин. Погребение [20, с. 170]. 414. Волошкн. Селище [338, с. 79]. 415. Городок. Селище [20, с.

170]. 415а. Городок. Могильник [338, с. 71-72]. 416. Деревяне. Могильник [338, с. 79]. 417. Диков. Селище [338, с. 77]. 418. Забороль. Селище [338, с. 79]. 418а. Забороль. Курган № 6 в ур. Глубока [496, табл. 23, 7, 8; план 42]. 419. Зозыв. Селище [338, с. 78]. 420. Караевичк. Селище [338, с. 78]. 421. Метков. Селище [338, с. 78]. 422. Мирогоща. Подъемный материал [187, с. 22]. 423. Обаров. Селище [338, с. 78]. 424. Оржев. Селище [338, с. 78]. 425. Понебель. Селище [338, с. 78]. 426. Пухово. Селище [338, с. 79]. 427. Сергеевка. Селище [338, с. 79]. 428. Ходосы. Подъемный материал [338, с. 79]. 429. Хотин. Селище [338, с. 78]. 430. Шпанев. Селище [338, с. 77].

Г. С. Лебедев. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза

1. Лингвистическая версия процесса Главное в феномене «появление славянства» - совпадение показаний письменных, лингвистических и археологических данных. Все виды источников, безусловно, фиксируют славян в VI в. н. э. Совпадение не исключительное. То же самое обнаруживается в какие-то узловые, критические, ключевые моменты этногенеза германцев - около рубежа н. э., и кельтов - в V в. до н.э. Кельты, германцы, славяне - вот выражение ритмики этнического процесса, раз в полтысячи лет создававшего в Европе новые, кристаллизованные этнические образования. Гидронимия Восточной Европы обрисовывает три основных лингвистических ареала, более или менее соответствующих размещению археологических культур. Северная часть лесной зоны, примерно до линии Западная Двина - Ока, занята в древности финно-угорским этнокультурным массивом. Лесостепная и степная зона - иранцами (скифами и сарматами). Пространство между иранским и финно-угорским населением, по гидронимическим данным, - область распространения древних языков и диалектов, условно называемых "балтийскими" и принадлежавших населению, которое правильнее всего определить как "прото-балто-славянское". Обобщая представления языковедов о развитии этого, исходного для балтов и славян "прото-славяно-балтского массива", московский лингвист Г. А. Хабургаев пишет: "Основная часть языковых (!) предков праславян - это группа племен, в силу каких-то причин (в результате объединения с племенами иной языковой группы) отделившихся от той обширной группировки, которая на протяжении столетий распространялась по центральным (лесным) районам Восточной Европы, ассимилируя аборигенов (в основном финноязычных), продолжала здесь жить и развиваться после отделения непосредственных предков праславян, а со второй половины I тыс. н. э. была, в свою очередь, ассимилирована восточными славянами, оставив сравнительно немногочисленные народы, условно именуемые балтийскими" [393, с. 80]. Итак, лингвистическую версию процесса можно представить следующим образом: 1) исходный прото-славяно-балтский массив индоевропейского населения, формирующийся в лесной зоне Восточной Европы; 2) выделение в нем обособившейся на юге (в результате контактов с иноязычными соседями) группы племен, которую можно считать "праславянской"; 3) возникновение (если дополнить данные лингвистики археологической моделью развития "балтийской курганной культуры") на крайнем западе ареала "прабалтской" группы; 4) соответственно население области последующего распространения "прабалтов", втягивавшееся в этногенез балтийских народов, следует считать "протобалтийским"; 5) население в области постепенного распространения "праславян", интегрирующееся в славянскую этническую общность, - "протославянским", сохраняющим (как и "протобалтийское") архаичное языковое состояние, отличное и от "праславянского" и от "прабалтского", а тем более собственно "славянского" и "балтского". При этом и *"протобалтийские"* и до неотличимости близкие им *"протославянские"* племена составляли практически единый, хотя и более рыхлый по сравнению с "праславянами" и к прабалтами", но вполне реальный этнический массив на протяжении всего I тыс. н. э., продолжали развиваться и жить собственной жизнью, осваивая новые пространства и ассимилируя здесь доиндоевропейское население, словно пролагая путь формирующимся этническим массивам. В целом этнический процесс по лингвистическим данным можно выразить в схематическом виде:

Остается определить время и место всех этих процессов. Здесь лингвистика должна уступить место археологии. **2. Археологический эквивалент** Прото-балто-славянскому языковому состоянию соответствовала, скорее всего, совокупность близкородственных групп, говоривших на сходных диалектах, из которых соседние отличались наибольшим сходством, почти тождеством, а по мере удаления все более нарастали диалектные различия. Такому массиву древнего населения, состоявшему из небольших родовых коллективов, рассеянных по лесной зоне, хорошо соответствует массив археологических культур раннего железного века (РЖВ-культуры): штрихованной керамики, милоградская, юхновская, днепро-двинская, верхнеокская. Для них характерны: однородный, земледельчески-скотоводческий хозяйственный уклад; единый принцип расселения - небольшими коллективами на родовых городищах; сходные бытовые условия (во всех культурах - близкая схема жилища, с компактной жилой камерой, в милоградской и культуре штрихованной керамики - часто слегка углубленной в землю, с очажным устройством в углу; в других культурах сходная схема жилища представлена либо в наземном варианте, либо группируется в удлиненные постройки, иногда расположенные вдоль оборонительных сооружений и составляющие с ними единое целое); сходство верований, проявившееся, в частности, в погребальном обряде (ямные могилы со скудными остатками сожжений; в ряде культур могильные памятники вообще неизвестны или "археологически неуловимы"). На некоторых городищах открыты круглые в плане святилища, с оградой и идолом в центре; многочисленные загадочные мелкие поделки - "грузики дьякова типа", миниатюрные

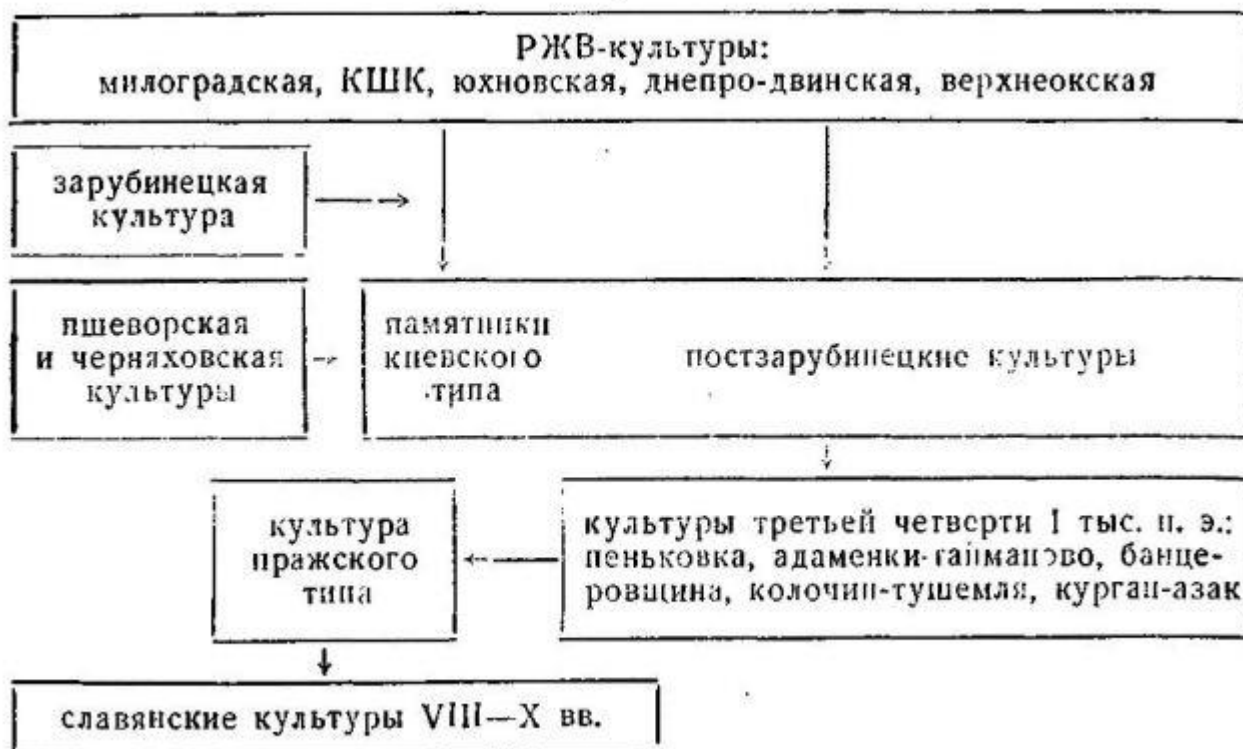
сосудики, изображения животных - все это указывает на сходную, архаичную и устойчивую структуру верований лесных племен. Таким же сходством, устойчивостью и архаичностью отличается материальная культура. Керамика представлена разнообразными вариациями высоких лепных горшков (иногда со "штриховкой" от заглаживания травой - отсюда название одной из культур - штрихованной керамики, КШК). Железные слабоизогнутые серпы, ножи "с горбатой спинкой", узколезвийные топоры, наконечники копий и двушипных дротиков, стрел и гарпунов (костяные); бронзовые булавки, подвески, бляшки, браслеты, изредка фибулы; среди украшений ранней поры встречаются скифские и гальштаттские вещи, собственные оригинальные типы бронзовых изделий - редки и отличны от своеобразной бронзы соседних, финно-угорских племен. Во II в. до н. э. в южной части ареала РЖВ-культур распространяются зарубинецкие памятники: селища с наземными и слегка углубленными постройками, сравнительно большие могильники с устойчивым обрядом (включающим обязательный набор погребального инвентаря - фибулы - и комплекс заупокойной посуды - горшок, миска, кружка новых, среднеевропейских орм). Развитие местных культур в целом, однако, не прерывается. В областях, непосредственно занятых зарубинецкой культурой (ЗБК), население покинуло древние городища, видимо, кое-где сдвинулось на новые территории; но такие же изменения со временем произошли и в областях, не занятых ЗБК, а чем дальше от Полесья и Среднего Поднепровья, тем менее и медленнее менялся уклад жизни лесных племен. Именно этот уклад отчетливо выступает в так называемых "постзарубинецких древностях", сменивших со временем зарубинецкую культуру, но распространенных на гораздо более широкой территории. Памятники "киевского типа" (ПКТ) в Среднем Поднепровье, типа Абидня в Белоруссии, типа Почепского селища в Подесенье, распространившиеся во II-IV вв. н. э., во многом близки продолжавшим развиваться культурам штрихованной керамики в Средней Белоруссии или днепродвинской (тушемлинской) на Смоленщине. Население южной части лесной зоны с городищ переходит на селища; широко распространяются небольшие углубленные жилища, чаще представлены бескурганные могильники с сожжениями. И селища, и кладбища, как правило, небольшие, оставленные подвижным, часто менявшим места обитания населением. В материальной культуре можно отметить известное распространение фибул "римских типов", вещей с эмалью; набор орудий труда и оружия в принципе тот же, что и раньше; слегка меняется облик керамики (в профилировке биконических и тюльпановидных сосудов, сменяющих баночные, и появлении лощеной столовой посуды усматривают влияние ЗБК), известны плоские глиняные сковородки-жаровни. Сдвинувшееся с мест, сравнительно активное население, несомненно, вошло в какое-то соприкосновение с Черняховской культурой (ЧК): в Среднем Поднепровье ПКТ располагаются чересполосно с Черняховскими памятниками, определенные "постзарубинецкие элементы" выявляются в окраинных районах ЧК, свидетельствуя о взаимодействии обитателей лесной и лесостепной зоны. Трудно сказать, как далеко на юг и на запад в глубь пшеворско-черняховского ареала осуществлялось это взаимодействие, однако оно, безусловно, имело место и значение для дальнейшего развития обоих этнокультурных массивов. Именно в этом, постзарубинецком населении I - IV вв. ленинградские археологи Д. А. Мачинский и М. Б. Щукин предлагают опознать "венедов" Тацита - Иордана [228, с. 80- 100; 415, с. 67 - 79]. Совпадает территория - между певкиидами-бастарнами (носителями ЗБК, покинувшими Полесье и Поднепровье под ударами сарматов) и "феннами" (лесными обитателями дальних окраин), германцами и сарматами. Совпадает эпоха: если, по уточненной хронологии, ЗБК прекращается в 50-х годах н. э., то постзарубинецкие древности соответствуют времени активности венедов (с 50-х по 370-е годы). Совпадает и образ жизни. Подвижное, вооруженное "не на сарматский лад" пешее население стало в лесной зоне грозной силой, сменившей бастарнов. Тацит писал об этом: "Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкиидами и феннами...: передвигаются пешими, и притом с большой быстротой" [523]. С венедом пришлось воевать готским королям Германариху и Винитарю. Наконец, от венедского "корня" произошли анты, грозные противники готов в 375 г. Вещи с эмалью, характерные для ПКТ, известны и на поздних городищах КШК (в комплексе

на р. Стугне, в Киевской обл., они также были найдены вместе с обломками штрихованных сосудов [183, с. 64]). Структурная близость "постзарубинецких культур" (ПЗК) с РЖВ-культурами не вызывает сомнений: общий хозяйственный уклад, тип жилища - состав семьи, набор орудий труда, керамический комплекс, определенная близость есть и в погребальном обряде. Если учесть мощные политические сдвиги и потрясения в южной части лесной зоны, связанные со вторжениями и походами бастарнов, сармат, готов и вызванной ими активизацией "лесных народов", то понятны и изменения: отказ от родовых городищ-убежищ, переход на временные селища, движение населения к югу, в зону складывающихся межплеменных и надплеменных союзов. В то же время, в отличие и от пшеворской, и от Черняховской культур, ПЗК структурно необычайно близка более поздней, первой достоверно славянской культуре пражского типа (КПТ); та же форма углубленных жилищ (полуземлянки, но еще без печек-каменок, с очагами), тип ранних селищ, неустойчивость в погребальном обряде, скудный набор аморфных керамических форм (порою неотличимых от классического "пражского типа"). Намечается генетическая цепочка структурно близких культур: РЖВ (КШК, Милоградская и др.) → ПЗК (ПКТ) → КПТ. Время, территория, структура культуры и условия ее развития ни в чем не противоречат возможности именно такого направления "археологического процесса". Однако оно оказывается не единственно возможным. В IV - V вв. новая серия изменений пронизывает весь массив культур лесной зоны - одновременно с падением "готской державы", (отождествляемой с ЧК) и наступлением кратковременной эпохи гуннского господства в степном, а отчасти и в лесостепном Причерноморье. В Средней Белоруссии прекращается длительное, сравнительно плавное развитие КШК, и здесь население с городищ уходит на селища, родовые укрепления иногда преобразуются в городища-убежища (памятники "типа Банцеровщина"); то же происходит в Смоленском Поднепровье (памятники "типа верхнего слоя городища Тушемля"); сходные с тушемлинскими памятники "колючинского типа" распространяются в восточной, левобережной части Поднепровья, на юге, в лесостепи, переходя в памятники "типа Кургаи-Азак" [266; 379; 71]. Это, как правило, однородные по-прежнему явления, варьирующие в рамках одного и того же *культурного стереотипа*: всюду - слабопрофилированная лепная керамика, распространяются полуземлянки (появляются и печи-каменки), зерновые ямы, грунтовые могильники с сожжениями (урновыми или безурновыми, иногда - курганы с довольно сложными деревянными сооружениями). Все население лесной зоны приходит в некое движение, в целом, однако, не выходя за пределы прежних областей своего обитания. Близкие по облику культуре пражского типа, все эти группы тем не менее отчетливо отличаются от нее и значительно теснее связаны с предшествующими культурами лесной зоны. Исследователи этих памятников (в основном обнаруженных за последние два десятилетия) ожесточенно ломают копья по поводу их этнической принадлежности: одни считают эти культуры "балтскими", другие - "славянскими". Видимо, в известной мере правы и те и другие. Все эти группы не несут отчетливых следов связей со Средней Европой, с "дунайским очагом" славянства, где распространяется "достоверно славянская" культура пражского типа [329]. Все они имеют прочные корни в местных культурах, которые археологи, опираясь на данные древней гидронимии, вслед за лингвистами объявили "балтскими" (забыв, правда, о лингвистической условности термина "балтийский" и прямо переведа языковедческое значение - в историко-этническое, не учитывая, что за данным термином стоит реконструированное лингвистами исходное языковое состояние, общее для "этнических" балтов и славян, т. е. исторически именно "прото-славяно-балтское"). Так называемые "культуры третьей четверти I тыс. н. э." - своего рода "боковая ветвь" процесса развития и распада указанного единства, причем именно та ветвь, которая в конечном счете вошла составной частью в общеславянское родовое древо. Примерно таким же "боковым побегом" стала в лесостепной и степной зоне, от Днепровского Левобережья до Нижнего Дуная, "пеньковская культура", отождествляемая с антами, родственными склавинам-славянам и неизвестными после 602 г. [381]. В ней отчетливо прослеживается связь как с северными "культурами третьей четверти I тыс." и более ранними (киевским типом), так и в определенной мере - с Черняховской. Пеньковские памятники, видимо,

оставлены населением, которое продвинулось в Черняховский ареал из лесной зоны и продолжало традицию Черняховской оседлости в условиях гунско-аварского владычества в степях на протяжении V - VI вв., то противоборствуя кочевникам, то союзничая с ними [ср. тюрк, *ant* клятва, отсюда монг. *anda* друг, побратим, союзник и пр. - 314, с. 35]. В VII в. пеньковские памятники сменяются поздними вариантами культуры пражского типа, на основе которых в VIII - IX вв. развиваются культура лукирайковецкой на Правобережье и роменско-боршевская на Левобережье Днестра, позднее перерастающие в древнерусскую. Культура пражского типа выступает одновременно со всеми этими периферийными, "протославянскими" культурами. Наиболее ранние ее памятники, на стыке бывшего пшеворского и Черняховского ареалов, в верховьях Прута, Днестра, Буга, Вислы датируются V в. Их ареал совпадает с ареалом архаичной славянской гидронимии, что указывает на совпадение моментов языковой и культурной консолидации славянства. Спорадическое проникновение "праславян", венедов и антов из лесной зоны в пшеворско-черняховскую среду сменяется широким славянским движением, из глубин лесной зоны - на Юго-Запад и Запад, в направлении, прямо противоположном "колебательным" передвижкам "протославян". Это массовое, "дунайско-славянское" движение неудержимо развернулось в VI-VIII вв. и захлестнуло пространство от Черного моря и Адриатики до западной Балтики, от Эльбы до оз. Ильмень. Пражская культура (на Украине ее называют также корчакской) и производные от нее группы стремительно расширяют свой ареал. Это взрывообразное расширение невозможно объяснить иначе, чем постоянным притоком населения из лесной зоны, со славянской "прародины", центральная область которой с наибольшей долей вероятности может быть локализована в Припятском Полесье и севернее него, в древнем ареале культур штрихованной керамики и милоградской, т. е. в Средней и Южной Белоруссии и северной части Украины. Отсюда, с "прародины", через очерченное пражско-корчакскими памятниками V в. сравнительно узкое "предмостье" - к Дунаю, в Чехию, Южную Польшу, на Балканы, а затем - вниз по Эльбе на Запад, и на Восток - за Днепр, до Дона пролегли магистральные пути славянства. Уже в VII в. на этой огромной территории намечаются новые этнографические различия, подготовившие разделение славянства сначала на две (северную и южную), а затем - на три (восточную, южную и западную) большие группы, обособляющиеся как в языковом, так и в культурном отношении, но при этом сохранявшие сознание общности происхождения, исторических судеб и языка. В глубинах лесной зоны Восточной Европы сравнительно долго продолжалось самостоятельное развитие "протославянских" группировок, не прошедших в II - IV вв. пшеворско-черняховской фильтрации и в V-VI вв. - общеславянской консолидации на Дунае [230]. Это проявилось и в своеобразном, двойственном положении таких этнических образований, как летописные "кривичи" (а возможно, также "радимичи" и "вятичи"). Повесть временных лет не включает их в число племен "славянского языка", но и не обособляет от остальных славян как иноязычные финно-угорские или летто-литовские племена. Они, видимо, воспринимались как население, хотя и отличное по своим историко-этнографическим судьбам, но близкородственное славянам, быстро слившееся с ними. Это население во второй половине I тыс. продолжало продвижение в глубины лесной зоны, что проявилось в формировании таких археологических явлений, как "культура смоленско-полоцких длинных курганов", связываемая с кривичами и возникшая на основе тушемлинской [410; 411], а возможно, также таких дискуссионных памятников, как новгородские сопки и псковско-боровичские длинные курганы (в том и другом случае выступает дославянская, прежде всего финно-угорская подоснова; нечто подобное в более раннее время можно предположить и для дьяковской культуры). Многоступенчатое, длительное взаимодействие соседивших, иногда родственных древних коллективов, и в целом этнических общностей, вероятно, существенно облегчало расселение славян VII - IX вв. в лесной зоне, но ныне затрудняет его археологическое изучение. Коренное, принципиальное отличие между культурой пражского типа и родственными ей культурами лесной зоны (как "предковыми", так и синхронными) заключалось в *новом хозяйственном укладе*, в дальнейшем - едином для всех славянских племен, базирующемся на достижениях среднеевропейского земледелия. В VI-VII вв. у славян

формируется "общеславянский хозяйственно-бытовой комплекс", "объединивший в своеобразное, ранее неизвестное сочетание кельтские, римские, германские формы производственных и бытовых орудий [259 - 262]. Он мог сложиться только в условиях обитания славянских племен на Дунае, в Средней Европе, в непосредственном контакте с народами, прочно освоившими технологию пашенного земледелия с использованием железных пахотных орудий. С VII в. именно этот комплекс становится важнейшим этнографическим показателем славянства, маркируя продвижение славян на все новые территории. В лесной зоне до распространения культур, генетически связанных с "пражским типом", данный набор орудий земледельческого труда (а значит, и связанные с ним формы агрикультуры) неизвестен как неславянским, так и "протославянским" племенам. Плуг и хлеб - основа славянской цивилизации. Крестьянское пашенное земледелие стало тем мощным фундаментом, на котором произошла консолидация "праславянских" племен, обеспечившая и динамичный хозяйственный подъем, и бурный демографический рост, и быстрое социальное развитие. Если в Средней Европе и на Балканах славяне, расселяясь и осваивая новые формы хозяйственного быта, контактировали и включали в свой состав носителей этого быта - древние фракийские, иллирийские, романские, германские, кельтские группировки (субстрат славянства в Болгарии, Югославии, Чехии, Польше, на землях полабско-балтийских славян), то в Восточной Европе положение было иным. На Русской равнине славяне в качестве носителей нового, прогрессивного уклада встречали либо этнически близкое, либо испытывавшее уже воздействие "протославянских", либо "прото-славяно-балтских" племен население, что обеспечивало его сравнительно быстрое и массовое включение в процесс формирования древнерусской народности общего предка современных русских, украинцев и белорусов. Обобщая археологические данные, можно представить их в виде схемы, воспроизводящей последовательность и генетические связи, устанавливающей "секвенцию культур"

I тыс. до н. э. - I тыс. н. э.

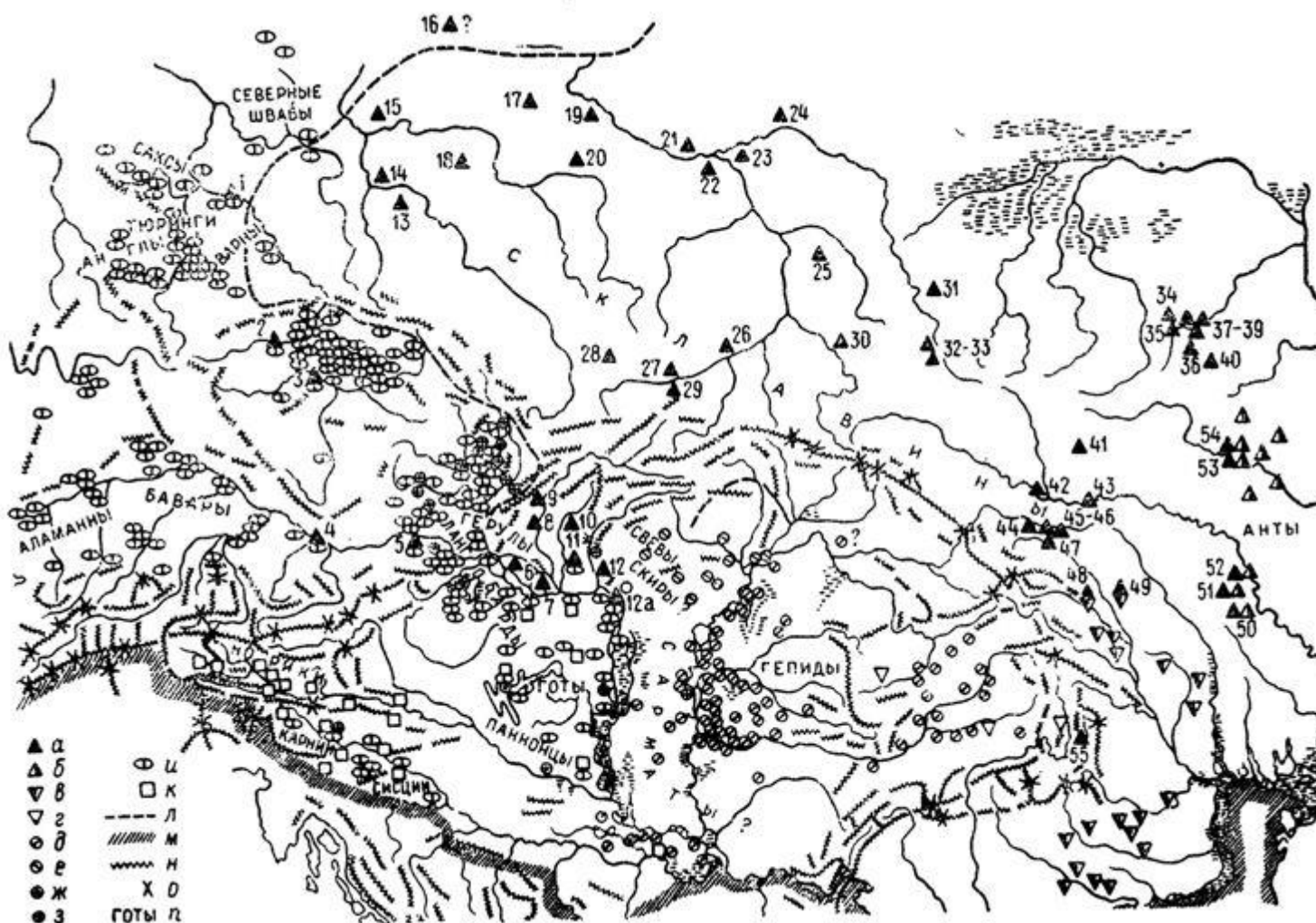
Таким

образом, выявляется генеральная линия этнокультурного процесса, которая и может быть сопоставлена с данными лингвистики. **3. Гипотеза** Сжато нашу гипотезу можно сформулировать так: до последних веков I тыс. до н. э. в лесной зоне Восточной Европы существовал сравнительно однородный массив "прото-балто-славянского" населения культур раннего железного века. Единственный известный для этого времени

этноним - геродотовы "невры" отождествляется с милоградской культурой. С юга население лесной зоны испытывало воздействие скифского мира, с запада - племен лужицкой, а затем поморской культуры ("венетов" - "венедов"). В последних веках до н. э. скифов на юге сменили сарматы. На западе пришли в движение германские и прагерманские племена вандилии-вандалы (пшеворцы) и бастарны (зарубинецкая культура). Южная часть прото-балто-славянского населения обособилась от основного массива, на рубеже нашей эры попадая под воздействие зарубинецких племен. Распад зарубинецкой культуры и уход бастарнов на Юго-Запад приводит к формированию общности "венедов" I - V вв. в которых можно видеть "праславян", отделившихся от "протославянского" населения и археологически представленных постзарубинецкими культурами (прежде всего памятниками киевского типа). Движение готов и других германских племен на Западе и Юго-Западе венедского ареала усиливает отрыв "праславян" от основного массива. В III - IV вв. н. э. праславянские племена вступают в многообразные отношения с многоэтничными готским и вандальским племенными союзами, возможно, частично включаясь в их состав, но в целом сохраняя самостоятельность и постоянную связь с "протославянским" населением основной территории. После гибели этих союзов в 375 г. и ухода германских племен под ударами гуннов на Запад происходит быстрая консолидация славянства. Она выражается в массовом продвижении населения из лесной зоны на Юг и Юго-Запад (что проявилось и в определенной деструкции культур исходной территории), в развитии общеславянских языковых форм, создании единой археологической культуры (базирующейся на пашенном земледелии). Резкое расширение ареала славянства в VI в. происходит в условиях сохранения и развития этого единства. Более медленные, но по сути аналогичные процессы захватывают и среду "протославянского" населения, подготавливая его консолидацию с основным ядром славянства.

П. В. Шувалов. Славяне и Германцы в Среднем Подунавье в 488/489-566 568 гг

Почти восьмидесятилетний период, последовавший за уходом остготов и ругиев в Италию в 488 г., был временем относительной стабильности в Среднем Подунавье: этнополитические элементы, стремившиеся к сохранению сложившейся структуры политических отношений в регионе (гепиды, герулы, тюринги, остготы, Империя при Анастасии), оказались сильнее элементов деструктивных (экспансия лангобардов имела еще лишь локальное значение, деятельность же франков, склавинов, Империи при Юстиниане и авар осуществлялась за пределами Среднего Подунавья). В 566-568 гг. ситуация резко меняется: вторгаются орды кочевников во главе с аварами, гибнет королевство гепидов, лангобарды переселяются в Италию, а с ними большая часть населения Среднего Подунавья (паннонцы, норрики, гепиды, тюринги, сарматы, свавы) и саксы из Тюрингии, земли которых занимают северные швабы [428; 503; 486; 498]. Если бы удалось выделить *археологические памятники*, относящиеся именно к этому периоду, то их картографирование могло бы пролить дополнительный свет на историческую ситуацию в регионе и на пути расселения славян. Исходя из этого, мы постарались учесть все памятники, датировки которых, существующие в литературе, укладываются в избранный нами хронологический срез.

Археологические памятники германских народов, представленные в основном так называемыми рядовыми погребениями (Reihengräber), благодаря относительному богатству погребального инвентаря

допускают достаточно точную датировку, а их картографирование не вызывает особых трудностей [440; 402; 502; 510; 500]. Сложнее обстоит дело с хронологией археологических культур, охватывающих избранный нами регион с севера и востока: от германских культур их отличает немногочисленность погребений и скудность находок. Поэтому для памятников типа Пеньковка и Ипотешть - Кындешть - Чурел мы обозначили лишь условный ареал их распространения в V - VI вв. Из памятников же типа Прага - Корчак нами были нанесены на карту те, которые содержат комплексы с ранними вариантами керамики, по классификации И. П. Русановой (тип I, варианты 2 - 4, 2-5, а для западных районов также и 2 - 3) [339; 317; 501; 175]. К. Голдовский считает, что по мере распространения славян на территории Средней Европы исчезают находки золотых монет. Поэтому на карте (см. с. 116) показана восточная граница распространения находок солидов 491 - 565 гг. [451]. При картографировании славянских и германских памятников конца V - середины VI вв. хорошо видно, что славянские памятники располагаются на территориях, ранее не занятых германцами, что опровергает еще встречающееся мнение о присутствии в это время значительных масс славян в Паннонии и более южных землях. Но можно заметить несколько отклонений от этой общей тенденции: несколько сосудов пражского типа обнаружено в лангобардских могильниках Линц, Лангенлебарн, Сентендрэ; на территории, занятой эльбогерманцами, имеются либо одновременные соседним германским славянские селища с незначительным германским влиянием (Дессау-Мозигкау, жил. 10?, 20, 36, 38, 41; Беховице, жил. 55), либо поселения с параллельным существованием германских и славянских жилищ (Бжезно, жил. 5, 6, 8). Ранние славянские "комплексы на этих трех поселениях датируются первой половиной - серединой VI в., т. е. до ухода лангобардов в Италию. Здесь обнаружены пражская керамика (варианты 2-5, по Русановой) и германские сосуды (в частности, из Беховице, жил. 55, миска типа А 13 по Б. Шмидту, датируемые им ступенями II - IIIa=450-560 гг.). Таким образом, славян первой половины VI в. можно разделить на две группы в зависимости от их отношения к германцам: *группы А* - активно, но, скорее всего, мирно контактирующие с германцами (Бжезно, Дессау-Мозигкау, Беховице); *группа Б* - сторонящиеся германцев (Одер, Висла, Днестр). Если типология пражской керамики, разработанная И. П. Русановой, отражает реальные хронологические изменения, то в интересующий нас период группа славянских поселений существовала и на территории Западной Словакии. К какой же из выделенных групп их можно отнести? К группе А? Но ведь они резко отграничены от соседних германцев географически и культурно (не считая находки одного германского горшка на поселении Нитрянский Градок, жил. 132а). К группе Б? Но они находились почти в центре земель, занятых германцами. В этой связи интересно рассмотреть *историю Ильдигиса* (Procop. Caesar. B. G. III, 35, 12-22; IV, 27; Paul. Diacon. I, 27; Edictus Rothari, Origo gentis Langob). По Прокопию, в конце 30-х годов Ризиульф, двоюродный брат короля лангобардов Вахо (около 510 - около 541 г.) и законный наследник престола, был вынужден бежать из родных земель с некоторыми из лангобардов к соседям варнам, где уже находились два его сына. Вскоре один из сыновей и, видимо, сам Ризиульф умерли, другой же сын Ильдигис из-за того, что Вахо подкупил варнов, был вынужден бежать к славянам ες Σχλαβηνοὺς и, таким образом, избежал смерти. Летом 548 г. Ильдигис отправился с сопровождавшими его лангобардами и большим отрядом славян на помощь к гепидам, воевавшим с лангобардами, откуда вскоре снова ушел к славянам вместе с некоторыми гепидами. В конце того же года с 6-тысячным отрядом совершил поход в район Венеции и, перейдя Дунай, вернулся назад к славянам. Затем с 300 лангобардами поступил на службу к Юстиниану, откуда в 552 г. вместе с лангобардами, готом Гоаром и спутниками последнего снова ушел к гепидам. У гепидов Ильдигис был убит. Другие источники повествуют лишь о том, что Ильдигис, двоюродный брат Вахо, бежал от последнего к гепидам, где и окончил свою жизнь. Возможны два варианта толкования. 1. Славяне Ильдигиса - это славяне Западной Словакии (в частности, так считает К. Голдовский). Действительно, находясь здесь, Ильдигис мог быть в курсе всех событий, происходивших как у лангобардов, так и у их врагов - гепидов. Кроме того, обособленность западнословацких памятников может указывать на политическую независимость этих славян от соседей, а размеры набравшихся там

Ильдигисом отрядов (до 5700 воинов?) - на их достаточную военную силу, соизмеримую с силами лангобардов. Возможно также, что славяне Западной Словакии принимали активное участие наряду с лангобардами в разгроме покоривших их ранее (505 - 512 гг.) герулов. Однако при этом толковании остается неразрешенным вопрос, относить ли этих словацких славян Ильдигиса к группе А (в силу их сотрудничества с германцем Ильдигисом) или к группе Б (в силу их явной независимости или даже конфронтации с соседями-германцами). 2. Ильдигис бежал к славянам Западной Словакии, которые, однако, не приняли активного участия в его походах. Ведь у нас нет прямых указаний на активность (политическую, военную, культурную) славян этого района и, таким образом, нет необходимости приписывать им основную роль в предприятиях Ильдигиса. В таком случае словацкие памятники надо отнести к группе Б. Славяне же, составившие основную часть его отряда летом и, может быть, в конце 548 г., присоединились к нему позднее, придя либо из Богемии, где они уже и до этого имели интенсивные контакты с германцами (поскольку дворец Вахо находился в Богемии, то там же до своего изгнания должен был бывать и Ильдигис), либо из Среднего Поэльбья, откуда начались странствия Ильдигиса. Кроме того, возможно, что Ильдигис бежал не к славянам, а в "ничейные" земли: слова $\epsilon\varsigma \Sigma\chi\lambda\alpha\beta\eta\nu\omicron\upsilon\varsigma$ (VII, 35, 16; 21; 22) можно понимать как "в земли славян", а не "к каким-то конкретным славянам". Незаселенных мест на территории славян в то время было много (Просор. В. G. II, 15, 2; III, 14, 21; 29, 30. *lord. Get.* 35). Все блуждания Ильдигиса от Италии до гепидов и от варнов до Константинополя говорят об отсутствии у него постоянного места обоснования. Возможно, что со своей дружиной (300 воинов) он представлял собою одну из тех шаек "конунгов-викингов", шатавшихся в то время по Подунавью и Балканам в поисках славы, богатства и средств к существованию (Просор. В. G. III, 33, 7-14; 39, 19; IV, 30, 17сл; *lord. Get.* 301). Во время его странствий к нему временно присоединялись те или иные группы таких же "охотников за славой", среди которых были и славяне (Просор. В. G. III, 35, 19), и гепиды (III, 35, 21), и Гоар со спутниками (IV, 27, 8 сл.). Наличие до 568 г. многочисленного германского населения в Среднем Подунавье, обладавшего большим опытом военных действий, большими материальными возможностями, более высоким уровнем социополигической организации, должно было сдерживать политическую активность славян, занимавших земли севернее. Здесь играли роль и конкретные военные успехи (война гепидов против славян в 564 г.), и авторитет былой славы германских народов и королей (гепиды - победители гуннов, Теодорих Великий - основатель королевства в Италии). Эта одерживавшаяся потенциальная активность находила некоторое выражение в переходе отдельных групп славян на службу к соседним германцам (группа А). И только в Нижнем Подунавье имелось то единственное "окно в Европу", через которое тогда еще лишь отдельные группы славян проникали в страны Средиземноморья, нанимаясь служить в имперских войсках или разоряя зимними походами балканские провинции империи.

Д. А. Мачинский. Территория "Славянской прародины" в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. - XI в. н. э. (контуры концепции)

В настоящей работе автор попытался в тезисной форме наметить основные контуры концепции, сложившейся в его сознании в результате многолетнего изучения письменных и археологических источников по истории этносов, населявших в эпоху железа Восточно-Европейскую равнину. В последующем оформлении концепции известную роль сыграло ознакомление с работами других исследователей, некоторые из коих, как оказалось, уже давно сформулировали важные положения, близкие отдельным положениям предлагаемой концепции (географ П. Н. Савицкий, философ К. Ясперс). В силу ограниченности объема статьи автор счел целесообразным отказаться от ссылок, сделав исключение лишь для одной работы, где изложены опорные положения развиваемой концепции [233]. Как явствует из письменных источников (Тацит, Кл. Птолемей, Иордан и др.), основная масса славяноязычного населения (известного соседям преимущественно под именем венеты - венеда) в I - IV вв. обитала в пределах зоны смешанных лесов и зоны лесостепи между Западным Бугом и Днестром на Западе и верховьями Оки и Пела на Востоке. Сопоставление данных античной картографии и этногеографии с данными современной географии, археологии, сравнительного языкознания и топонимики позволяет уточнить эти границы. На севере область предполагаемого массового расселения венетов в I-IV вв. могла достигать верховий Ловати и Западной Двины, т. е. примерно 57° северной широты. Однако с достоверностью можно утверждать, что *венеты - праславяне* постоянно обитали в центральной части очерченной области, примерно между 50 - 54° северной широты в бассейне Днепра. В более южных лесостепных областях, куда были направлены их миграционные и военные устремления, они постоянно сталкивались с сильными противниками в лице степняков (сарматы, аланы) и переселенцев с Северо-Запада (бастарны, вандалы, готы, гепиды). К северу от зоны расселения венетов (а этим именем в верхнем Поднепровье и верхнем Подвинье обозначались, вероятно, некие группировки балтов и балто-праславян) в I - IV вв. вокруг оз. Ильмень существует "зона археологической трудноуловимости", не заполненная пока какой-либо отчетливо выделенной археологической культурой и соответствующая зоне набегов венетов на финноязычных "феннов" (по Тациту). На Юго-Запад от зоны относительно стабильной жизни славяноязычных венетов (соответствующей территории киевской культуры (КК), возможно, белорусскому варианту культуры штрихованной керамики (КШК), а также близким группам памятников) также существует то расширяющаяся, то сужающаяся "зона археологической трудноуловимости", фиксируемая с III в. до н. э. по V в. н. э. и охватывающая юго-запад лесной зоны, а иногда и прилегающую лесостепь; зона эта соответствует области нестабильной полуоседлой жизни прорывающихся на Юго-Запад к нижнему Дунаю венетов и малонаселенной области "взаимного страха между германцами и сарматами" (по Тациту, и отчасти по Иордану). В этой области, не дающей опорных археологических памятников, праславяне вступали в непосредственный контакт с более оформленными этносоциумами, что способствовало выработке славянского самосознания, социальному развитию и отделению *южных групп праславян от лесного балто-праславянского этномассива*. Отметим, что, по данным Плиния Старшего, восходящим к концу IV в. до н. э. - началу I в. н. э. (и частично находящим отголосок у Кл. Птолемея), некие "венеда" фиксируются до рубежа н. э. на побережье Балтики восточнее Вислы (скорее всего, на п-ове Курземе) [520]. Верхним хронологическим рубежом подобного существования праславян в пределах очерченной "прародины" является первая половина IV в., когда венеты подвергаются агрессии готов, а затем ненадолго попадают в некоторую зависимость от возглавляемого готами объединения. Те группы праславян, которые наиболее прочно вошли в состав

готского объединения, оформляются к рубежу IV-V вв. (во время разгрома остроготовов гуннами) в антский союз племен, что находит "археологическое отражение" в возникновении в V в. пеньковской культуры (ПК) на базеевской части КК. Разгром готов гуннами и последующая "эпоха великого переселения" создают широкие возможности для продвижения праславян на юг и запад, завершающегося в конце V - первой трети VI в. их массовым расселением в Восточном Прикарпатье и по левобережью нижнего Дуная, где славяне в тесном взаимодействии с развитыми этносами и этносоциумами вступают в период кристаллизации своего этносамосознания. Только с этого времени можно говорить о сложении в Подунавье и Прикарпатье ядра исторического славянства, чье самосознание совпадает с этнонимом, которым его обозначают соседи (Византия), а пробудившееся самосознание переходит в "эпическую память" о пребывании на Дунае, позднее отразившуюся в свидетельствах русских и польских хроник XI - XV вв. Однако также несомненно, что обособление праславян (т. е. основных предков исторических славян) от других индоевропейских этнолингвогрупп началось задолго до IV в., и, весьма вероятно, что этноним "словене" (или близкий ему) бытовал как самоназвание части праславян уже в I - II вв. (ставаны и суобены Кл. Птолемея). Мы оставляем в стороне вопрос о реальности и длительности периода "балто-славянского единства" и об обстоятельствах, территории и времени обособления славянского языка или непосредственно из системы индоевропейских диалектов, или опосредованно из системы "прабалтских" диалектов; не затрагиваем мы и проблемы неиндоевропейского субстрата в славянском языке и генофонде. Ясно, что около рубежа н. э. праславяне жили в смешанных лесах восточной Европы в непосредственном соседстве (а, вероятно, и в сильнейшем культурно-языковом взаимодействии) с балтами. Следующий уловимый при движении в глубь веков рубеж в истории праславян - это III в. до н. э. Именно в конце III в. до н. э. археологически улавливается начало мощного передвижения населения из Польши в Восточную Европу (для ряда групп с промежуточным кратковременным пребыванием в Подунавье), которое завершается в середине II в. до н. э. сложением зарубинецкой культурной общности. Однако связывать это передвижение с праславянами трудно, так как археологические факты хорошо коррелируются с данными письменных источников о появлении в Восточной Европе и Подунавье в конце III-II вв. до э. *бастарнов* (этнолингвогруппа сначала, видимо, близкая иллирийцам или кельтам, а к I в. до н. э. в Прикарпатье частично германизирующаяся за счет притока германцев с Северо-Запада). Поэтому весьма вероятно, что основная масса праславян обитала в Восточной Европе и ранее III в. до н. э., а не передвинулась сюда из Польши, как предполагают некоторые. Возможным археологическим эквивалентом праславян (или балто-праславян) более ранней поры является милоградско-подгорцевская культурная общность (МПК) северной Украины и Южной Белоруссии VIII - IV вв. до н. э., которая, однако, вместе со "скифскими" культурами степи и лесостепи прекращает свое уловимое развитие около рубежа IV - III вв. до н. э. На месте, занятом милоградцами и ("скифскими" культурами лесостепи в III в. до н. э., возникает "зона археологической трудноуловимости", к северу от которой, в Средней Белоруссии, продолжает свое развитие еще очень нечетко выделенная, но весьма устойчивая общность КШК, также, возможно, частично принадлежащая праславянам (VIII в. до н. э. - IV в. н. э.). В любом случае существование праславян (или их основных балто-праславянских предков) в пределах смешанных лесов Восточной Европы отодвигается вглубь вплоть до эпохи крупнейших культурных изменений и, возможно, передвижек населения в VIII - VII вв. до н. э., когда здесь возникает целая система "городищенских культур" - археологических общностей с нечеткими границами, объединяемых тем, что в период их сложения на территории каждой из них возникают (отсутствовавшие здесь ранее) укрепленные пункты (археологические "городища"). По мнению крупнейшего литовского лингвиста В. Мажюлиса, выделение праславянского языка из балто-праславянского языкового массива началось в середине I тыс. до н. э. (т. е. около VI - V вв. до н. э.). Таким образом, время существования (или образования) в Восточной Европе того "праславянского лингвогенофонда", из которого сначала постепенно, а лотом взрывообразно (конец IV - VII вв. н. э.) кристаллизуется историческое славянство, отодвигается к VIII-V вв. до н. э. - к эпохе, когда на всей

территории Евразии фиксируются существенные изменения в области экономики, социально-политических структур, мировоззрения и этносамосознания. Именно со времени около рубежа IX - VIII вв. до н. э. начинает "работать" то *естественное географическое членение Евразии*, которое уловили уже греки и которое во многом определяло ход мировой истории вплоть до XIX в. н. э. Осознав свою "прародину" - Балканский полуостров - как "Европу", а противолежащие "заморские" земли как Азию, греки с большим сомнением экстраполировали это членение известной им суши на иные области. В частности, весьма сомнительной представлялась уже Геродоту граница по Танаису (Дону) между Европой и Азией, западнее которой античная традиция помещала "европейских скифов", а восточнее, за Каспием, - "азиатских скифов". Позднее Танаис стал границей между "европейской" и "азиатской" Сарматиями. Расчленение северо-восточного континентального ядра Евразии, монолитной "Скифии" или "Сарматии" на части, принадлежащие одна к Европе, другая к Азии, было сомнительным уже для греков, и безусловными "европейцами" они считали самих себя и кельтов. Собственно "Азия" (т. е. Финикия, Персия и Индия) лежала для них южнее гор "диафрагмы" - условной линии, проведенной на карте ойкумены Эратосфеном и проходившей по хребтам Эльбрус, Гиндукуш и Гималаи. В соответствии с географической реальностью и учитывая концепции великих античных географов, представляется продуктивным при широких историко-культурных исследованиях принимать следующее членение континента Евразия. Ядром Европы является гигантский "Европейский полуостров", омываемый Черным и Средиземным морями, Атлантикой и Балтикой, а на Востоке ограниченный условной линией, соединяющей Балтику и Черноморье в месте их наибольшего сближения, между устьями Вислы - Немана на Севере и Днестра на Юге. Около этой линии издревле проходил ряд климатических, ботанических, этнических и политических рубежей. Например, именно здесь пролегла граница распространения многих видов кустарников и деревьев (в частности, бука), общеславянские названия которых играют важную роль в определении западной границы "славянской прародины" около рубежа н. э. Вдоль этой же "кратчайшей линии", соединяющей Балтику и Черноморье, и продвигались на Юго-Восток готы и гепиды во II - III вв. н. э. Опираясь на греческую традицию (Гекатей Милетский), этот субконтинент можно назвать "Кельтика". К нему же относятся прилегающие острова, а также южная часть Скандинавского полуострова, географически, климатически и исторически тесно связанного с Европейским. Изрезанность береговой линии, взаимопроникновение моря и суши, стимулирующие (особенно с начала эпохи железа) морские экспедиции, походы, переселения и столь много определившие в сложении активного психологического типа европейцев, характерны для Кельтики в целом, но особенно ярко эти особенности проявляются на юге Балканского полуострова (Греция) и в области сближения Ютландского и Скандинавского полуостровов, а также у берегов Англии, т. е. в местах, где начинался (VIII в. до н. э.) и заканчивался (XI в. н. э.) процесс сложения Европы как историко-культурного целого. Вторая отчетливо выделяющаяся зона Евразии и была сначала осознана греками как собственно "Азия" (Финикия и Персия). Эта зона занимает омываемую теплыми морями южную часть Евразии, ограниченную с севера Черным морем, Кавказом, Каспием, Кара-Кумами и горами "диафрагмы" (по Эратосфену) - Гиндукушем и Гималаями с Тибетом; отчетливо природная граница отсутствует лишь на Дальнем Востоке, однако здесь этот "недосмотр" природы был восполнен начавшимся с V- IV вв. до н. э. строительством Великой Китайской стены. Эта зона сложения великих древних цивилизаций, зона зарождения в VIII - V вв. /до н. э. многих мировоззренческих систем, имеющих всемирное значение. Географически эта зона не отличается такой цельностью, как Кельтика, и лишь условно ее можно обозначить как "система субконтинентов - Азия" (в узком смысле), или "Персо-Индия", которая отчетливо делится на Переднюю Азию, тесно связанную со Средиземноморьем и Северной Африкой, на полуостров Индостан и Дальневосточный регион. К востоку от Греко-Кельтики и к северу от Персо-Индии лежит занимающая большую часть Евразии гигантская область, которой, следуя древним, следует присвоить имя "Скифия". Скифия отличается монолитностью территории, резко континентальным и суровым климатом, широтным расположением природных зон, из коих некоторые присущи в Евразии почти исключительно

ей: тундра, тайга, черноземные лесостепь и степь. Суровый климат субконтинента долгое время задерживал развитие населявших его этносов, однако его природная целостность как бы требовала своего социального эквивалента, каковым в XVII - XIX вв. в большой мере и стало Российское государство, ядро которого возникло в VIII - XI вв., в той западной части Скифии, которая лежит западнее Дона и соседствует с Европейским полуостровом и которую мы обозначаем именем "Европейская Скифия". Если исходить из размеров, климата и природной зональности, то область между Карпатами, Балтикой, Ладогой и Доном явно принадлежит Скифии. Но изрезанные очертания прилегающих к Европейской Скифии морей и направление течения рек связывают ее в природном, а через это и в культурно-историческом отношении с европейской Кельтикой. Хотя Балтика и Черное с Азовским моря формально принадлежат к Кельтике лишь частью своего побережья, однако склонность населявших ее европейцев к морским торгово-военно-колониационным предприятиям делала эти моря как бы щупальцами Европы, охватывающими юго-западную часть Скифии. Все крупные реки Европейской Скифии от Дона и западнее (за исключением Волги и Оки) имеют сток в "европейские" моря, а некоторые реки, сближаясь в верховьях, образуют естественные водные пути, связывающие Балтику и Черноморье. История Европейской Скифии характеризуется сменяющимися периодами, когда эта область (или наиболее развитая ее часть) то становилась в культурно-политическом отношении более "европейской", то вновь обретала свою "скифскую" самобытность. В центральной части Европейской Скифии во II в. до н. э. - IV в. н. э. (а, вероятно, и ранее) и находилась "прародина" славян, основные языковые предки которых, видимо, обитали на этой же территории уже с VIII в. до н. э. Итак, *Европейская Скифия* расположена в бассейне сближающихся верховьями рек, текущих в контролируемые жителями Кельтики (европейцами) Черное и Балтийское моря, являющиеся соответственно восточными частями: *Эллинского Средиземноморья* (обретшего историко-культурную целостность с эпохи Великой греческой колонизации VIII - VI вв. до н. э.) и *Скандинавского Средиземноморья* (система Северного моря, Балтики и Ладоги, обретшая историческую целостность с эпохи викингов конца VIII - XI вв.). Начиная со времени около 800 - 700 гг. до н. э. во всех зонах. Евразии фиксируется отчетливое нарастание потока прогрессивных изменений в социально-экономической, духовной и политической жизни. В Скифии эти изменения особенно отчетливо фиксируются для южной ее части, для степной и лесостепной зон от Дуная до Енисея. Начавшийся еще в IX в. до н. э. переход значительных масс населения к чисто кочевому скотоводческому хозяйству выражается с VIII в. до н. э. в сложении новых типов бронзовых удил, псалий и наконечников стрел, что говорит о существенном улучшении боевых качеств степной кавалерии. В это же время возникают потрясающие по грандиозности памятники социальной активности: система огромных городищ лесостепной Европейской Скифии, венчающаяся сооружением в конце VIII - VI вв. до н. э. Вельского городища площадью около 40 км², и различные группы огромных погребальных курганов аристократии, древнейшим из коих является курган Аржаи в Туве (VIII в. до н. э.). В VIII - VI вв. до н. э. создается и развивается поразительный по образной напряженности и выразительности скифо-сибирский звериный стиль, лучшие произведения которого выполняются из золота, сакральность которого в южной Скифии достигает в это время своего апогея. Городища, курганы и вещи в зверином стиле VIII-IV вв. до н. э. не имеют себе равных (по всем параметрам) в рассматриваемой культурной зоне, вплоть до начала II тыс. н. э. В западной части евразийской степи/лесостепи в VII в. до н. э. осваивается тип короткого железного меча-акинака, становящийся образом-символом скифского божества войны, смерти и мужской оплодотворяющей силы. Однако появление железного оружия никак не может считаться основной причиной очерченных изменений, так как в восточной части зоны, вплоть до VI в. до н. э., доминирует бронзовое оружие и орудия труда, а все революционные изменения в социально-культурной сфере отчетливо формируются уже в VIII - VI вв. до н. э. В это же время радикальные новации охватывают разные сферы жизни в Средиземноморье и в Персо-Индии. Наиболее актуальным для Европы является "эллинское чудо", когда маленький этнос на незначительной территории обрел необыкновенно целостное этносамосознание,

выработал новые формы общественной жизни, создал первые в мире литературу и философию и одновременно развил бурную деятельность по колонизационному освоению берегов Средиземноморья от Геркулесовых столбов до Боспора Киммерийского, очертив этим южные границы Европы ("Кельтики" и "Европейской Скифии") как историко-культурного целого. В это время в Передней Азии возникают сначала на старой (семитской), а потом и на новой (иранской) этнобазе "первые мировые империи" - в VIII в. до н. э. Ассирия, в VI в. до н. э. Персия. Однако наиболее потрясает поразительное углубление и понятийно-образное оформление почти всех основных мировоззренческих "вопросов и ответов" в различных философско-религиозных системах, одновременно и гетерогенно возникающих в VIII - V вв. до н. э. от Средиземного до Желтого моря. Достаточно напомнить, что в VIII - V вв. до н. э. возникли или дооформились олимпийская религия, греческая философия, учение орфиков, пророческое движение в Палестине, основной библейский канон, зороастризм, ведический брахманизм, буддизм, даосизм и конфуцианство. При этом и в зоне древних цивилизаций все эти новации в области духовной жизни и социально-политических систем навряд ли могут быть объяснены лишь внедрением железа в сферу оружейно-орудийной деятельности; если в Эгеиде железо стало существенным фактором около 1000 г. до н. э. (т. е. задолго до эпохи великих перемен), то в Китае оно заняло подобное место около IV в. до н. э. (т. е. после начала Великой эпохи). Представляется достойным внимания и изучения хронологическое совпадение эпохи великих духовных откровений и этно-социополитических новаций (800 - 400 гг. до н. э.) и эпохи существенного похолодания и природных катаклизмов (900-300 гг. до н. э.), охватившей всю территорию Евразии. Зона цивилизаций и зона южной Скифии связаны в VIII - V вв. до н. э. разнообразными контактами, многие из которых имеют выраженный сакральный и "идеологический" характер. При этом следует отметить, что исходные и конечные пункты нескольких из этих двусторонних сакрально-торговых путей находятся даже не в степной Скифии, а севернее, в пределах ее лесной зоны, локализуясь преимущественно в при- и зауральских областях: посольства гипербореев на Делос, путешествие Аристея к исседонам, а также описанный Геродотом путь из Ольвии к аргиппеям, локализуемым в области "городищенской" ананьинской культуры. Иными словами, в систему культурно-экономических контактов явно включаются и лесные области Азиатской Скифии. Археология свидетельствует о неких бурных процессах, охвативших всю зону смешанных лесов в VIII - VII вв. до н. э. и приведших к возникновению новых этнокультурных областей, вся территория которых усеяна малыми укреплениями. Можно не сомневаться, что в лесной зоне в это время возникают и новые образования в области обрядовой жизни и мироосмысляющей мифологии, пока, к сожалению, плохо уловимые. Где-то в пределах лесной зоны Европейской Скифии следует искать (по сумме косвенных данных) и основных лингвогенетических предков славян. Наиболее перспективным представляется в этом плане изучение милоградско-подгорцевской культуры (МПК), соотносимой с неврами Геродота. Однако следует отметить, что МПК, затронутая в южной своей части скифскими влияниями, разделяет печальную судьбу "скифских" культур лесостепи и степи: около рубежа IV - III вв. до н. э. эти культуры гибнут в результате сокрушительного продвижения на Запад сарматов, и на месте их в 280-160 гг. до н. э. возникают огромные "зоны археологической трудноуловимости" (ЗАТ). При этом КШК, расположенная севернее МПК, не переживает особого потрясения и продолжает свое существование. В течение II в. до н. э. пустующие зоны частично заполняются памятниками зарубинецкой культуры (ЗК), возникающими в результате прихода с Запада и Юго-Запада нового населения (бастарнов?), частично включающего в свой состав и автохтонов. Качественно новая ситуация складывается во второй половине I - II вв. н. э. В середине I в. ЗК гибнет в результате передвижений новых волн кочевников: сарматов-аорсов и аланов-массагетов, а также в результате усилившейся военно-миграционной активности германцев (вандалов и готов) в юго-восточном направлении. В связи с этим вновь резко увеличивается ЗАТ между Западным Бугом и Средним Днепром, к северу от которой продолжает свое неуклонное развитие стабильная КШК, а на восточных границах ЗАТ возникают памятники типа Лютеж, сочетающие пережиточные черты ЗК с элементами северных лесных

культур (КШК и др.). В то же время возникают новые условия, способствующие прокладыванию путей торговых и иных контактов между Балтикой и Черноморьем. Античный мир начал морское освоение Северного моря и Балтики еще в эллинистическую эпоху. В середине I в. н. э. прокладывается сухопутный "янтарный" путь от римского Среднего Подунавья к низовьям Немана. К рубежу I - II вв. купцы из империи проникают по Балтике к северу вплоть до устья Венты, Западной Двины и Пяну. Путь, связующий по кратчайшей Балтику и Черноморье между устьями Вислы (Немана и Днестра) и Южного Буга, был не слишком пригоден для мирных контактов, так-как он был путем миграции германцев на Юго-Восток и конфронтации их с венетами и особенно с сармато-аланским кочевым миром. В этих условиях и прокладывается зафиксированный Кл. Птолемеем и отчетливо уловимый, по археологическим данным, "обходной путь" между двумя морями вдоль Немана и Березины, с выходом на Днепр или через Десну и Сейм на Северный Донец. Этот путь проходит через середину территории, занимаемой венетами Тацита, и именно в средней части этого пути, между прибалтийскими судинами-галиндами и приазовскими аланами, Птолемей фиксирует этнос "ставани", в котором исследователи видят искаженное переписчиком название славян (греко-римское *stlavani*). Эти венеты-ставани археологически сопоставимы с памятниками типа Лютеж и КШК, хотя в последней многие исследователи (исходя из топонимики) видят балтов. Позднее на месте (и отчасти на базе) памятников типа Лютеж возникает КК, бесспорно, принадлежащая славянам-венетам. Как бы то ни было, но древнейшие славяне-венеты фиксируются в двух соседствующих зонах: в зоне "взаимного страха" между германцами (северными "европейцами", стремящимися к границам средиземноморской Римской империи) и сармато-аланами (выходцами из восточных глубин Скифии) и в области мирных контактов между двумя "европейскими" морями, контактов, намечающих восточные границы будущего культурно-политического единства Европы. Думается, что эта "двойственная" географо-историческая позиция определила многое в дальнейших исторических судьбах славянства. Много позднее, пережив "дунайский этап" своей истории, обретя отчетливое этносамосознание и развившись в социально-политическом отношении, славяне в потоке обратного расселения на Северо-Восток, миновав свою древнюю "прародину" (заселенную праславянами и балтами), выходят на берега Ильменя и оказываются на магистрали Волго-Балтийского торгового пути середины VIII - начала XI в. В это время уже оформляется культурно-политическое единство Кельтики (Европы в узком смысле), охватывающей весь европейский полуостров, на северных побережьях которого в VIII - XI вв. складывается военно-торгово-колониционное единство, которое охватывает берега Северного и Балтийского морей и Ладожского озера и которое естественнее всего назвать "Скандинавским Средиземноморьем". На путях, ведущих из Скандинавского Средиземноморья в богатое моржом и рыбой Беломорье, в богатое мехами таежное Приуралье, на исламский Передний Восток и к истокам Европы - в Византию, и возникает в VIII - IX вв. севернорусское протогосударство. Эпоха сложения Скандинавского Средиземноморья, эпоха викингов и эпоха зарождения Руси приходятся на период малого климатического оптимума VIII - XI вв., способствующего освоению новых земель. Примерно с конца IX - начала X в. н. э. в Северной Европе потепление сопровождается увлажнением климата и подъемом уровня воды в реках и озерах (например, в Ильмене, Ловати, Днепре). Это обстоятельство делает свободно проходимыми (особенно весной) многие реки Европейской Скифии и способствует возникновению пути "из варяг в греки". Однако главной причиной, сделавшей этот путь основной "осью" Древней Руси, является давняя сориентированность славянства на связи с восточной частью Эллинского Средиземноморья, с Черноморьем, Подунавьем, что и заставляет полиэтническую военно-торговую "русь" избрать основной магистралью своей деятельности не Волгу или Дои, а Днепр. С конца IX в. столицей Руси становится Киев, находящийся на территории древней славянской прародины, и Русское государство, получив духовные, культурные и социально-политические импульсы из области зарождения европейского самосознания и христианства, активно участвует в деле окончательного сложения *европейской христианской феодализирующейся культурно-политической общности*,

охватывающей в XI в. всю Кельтику (Европу), всю Европейскую Скифию и западную, средиземноморскую часть Передней Азии.

Т.Н. Джаксон. Север Восточной Европы в этногеографических традициях древнескандинавской письменности (к постановке проблемы)

Произведения древнескандинавской письменности - скальдические стихи, рунические надписи, саги, географические сочинения - донесли до нас довольно обширный этно-, топо- и гидронимический материал, относящийся к Восточной Прибалтике, Древней Руси и Русскому Северу [249, с. 36 - 53]. При работе с названными источниками возникают известные трудности, связанные, с одной стороны, с их жанровыми особенностями, с другой - с хронологическим разрывом между событием и его фиксацией, достигающим порой пяти веков. Рунические надписи датируются в основном концом X - XI в.; скальдические стихи, сочиненные в IX - XII вв., дошли преимущественно в составе саг, создававшихся в XII-XIII вв., но сохранившихся, как и географические сочинения XII - XIV вв., в более поздних списках. Тем не менее характер содержащихся в источниках сведений со всей очевидностью указывает на то, что в них находит отражение период более ранний, во всяком случае никак <не позднее середины XIII в. Так, например, детальный анализ исландских географических трактатов убеждает, что "это картина Восточной Европы X - начала XII в. до татаро-монгольского нашествия, до образования Литовского государства, до завоевания Орденом прибалтийских земель" [242, с. 156]. Соответственно и *этногеографическая номенклатура* памятников древнескандинавской письменности достаточно архаична. Логичнее всего допустить, что она формировалась по мере скандинавского проникновения в Восточную Европу, но установить точное время ее сложения не представляется возможным. Г. С. Лебедев, однако, совершенно справедливо подчеркнул, что "надежный верхний хронологический рубеж, *terminus ante quem*, для определения времени формирования географических представлений скандинавов" о "древнерусской" зоне Восточной Европы у нас есть. Это - 838 год Вертинских анналов, являющихся, по удачному определению исследователя, "первым свидетельством существования сложившихся славяно-скандинавских отношений" [203, с. 190]. Совокупное изучение древнескандинавской топонимии Древней Руси приводит к выводу, что каждый источник (или группа источников) имеет свою топонимическую номенклатуру. При этом хронология письменной фиксации топонимов (хотя и со значительным "запаздыванием") соответствует последовательности их возникновения в языке древних скандинавов [65; 96; 95; 92]. Так, наличие в скальдических стихах X в. топонима *Aldeigja* (Ладога), в рунических надписях XI в. и в королевских сагах первой трети XIII в. - *Holmgardr* (Новгород), а в географических сочинениях XII-XIV вв. и в поздних сагах о древних временах - *Kænugardr* (Киев) отражает известную поэтапность освоения скандинавами пути "из варяг в греки" [199 с. 40- 41] и связанную с этим очередность формирования древнерусской топонимии скандинавских источников. Неслучайным поэтому представляется тот факт, что топоним *Kænugardr* не вошел в традицию королевских саг, где столицей Руси и центром всех происходящих на Руси событий стал несколько опередивший Киев в контактах с "находниками-варягами" *Holmgardr*. Из сказанного следует, что восстановление динамики фиксации топонимов отражает их реальное историческое развитие; если же сопоставить полученные данные с каким-либо достаточно четко датируемым материалом, то можно наложить некоторые хронологические ограничения на время формирования топонимической номенклатуры того или иного источника (или группы источников). Интересные в этом плане результаты дает анализ топонимии с корнем *aust-* (*austr* - "восток" и производные от него: *Austr-vegr* - "Восточный путь", *Austrlpnd* - "Восточные земли", *Austrriki* - "Восточное государство") во всех памятниках древнескандинавской письменности, от рунических надписей до поздних саг [96; 92]. В источниках IX-XI вв. (скальдических стихах и рунических надписях) находит отражение начальная стадия развития топонимии с корнем *aust-*, когда значение топонимов чрезвычайно широко и они могут покрывать собой любые

территории к востоку от Скандинавии (от Восточной Прибалтики до Византии). Это соответствует начальному проникновению скандинавов в Восточную Европу, что хронологически ложится на выделяемый Г. С. Лебедевым *первый период* русско-скандинавских отношений- 750-860-е гг. [203, с. 260]. Анализируя рунические надписи, Е. А. Мельникова пришла к аналогичному заключению, что круг используемых в надписях наименований "принадлежит к древнейшему пласту географических и топографических сведений скандинавов о Восточной Европе" [245, с. 124]. В ранних сагах ("Обзор саг о норвежских конунгах", ок. 1190 г.; "Сага об Олаве, сыне Трюггви" монаха Одда, ок. 1190 г.; "Гнилая кожа", 1217-1222 гг.) фиксируется следующая стадия развития этой топонимии: austr как топоним не употребляется, но нередко используется в качестве локативного наречия; композиты Austrvegr и Austrnd, равно как и Austrriki, выступают в качестве наименования пути "из варяг в греки"; Византия явно исключается из числа земель, обозначаемых данными топонимами; Русь, напротив, в ряде случаев оказывается единственным их наполнением. Можно утверждать, что на *втором этапе* своего развития топонимия с корнем aust- отражает существование Волховско-Днепровского пути "из варяг в греки" и роль Руси на этом пути, а значит, топонимия ранних королевских саг складывалась во второй половине IX-X вв., что соответствует II и III периодам, по классификации Г. С. Лебедева, 860-1016 гг. [203, с. 260]. В более поздних королевских сагах (в "Красивой коже", ок. 1220 г. и "Хеймскрингле", ок. 1230 г.) для обозначения Руси достаточно последовательно используется сформировавшийся к этому времени топоним Gardariki, "вытесняющий на запад" Austrvegr- "Восточный путь", который обозначает здесь уже не путь "из варяг в греки" и не Русь, а земли юго-восточного побережья Балтийского моря. Развитие топонимии с корнем aust- на *третьей стадии* ее существования, таким образом, связано как с исторической ситуацией - прекращением функционирования пути "из варяг в греки", изменением характера русско-скандинавских отношений (ср. IV-V периоды, по Г. С. Лебедеву, 1016-1240 гг.) [203, с. 260], - так и с "литературной жизнью" топонимов. "Неопределенность" и "нетерминологичность" топонимии с корнем aust- делают ее, по справедливому заключению Е. А. Мельниковой, практически неприемлемой для употребления в географических сочинениях XII-XIV вв. [250, с. 196]. Анализ топонимии с корнем aust- позволяет, как видим, наметить время возникновения топонимической номенклатуры нескольких групп источников. Вероятно, можно получить и более детальную картину. Однако рассмотрение совокупности топонимов даже по выявленным нами синхронным срезам представляется небезынтересным. Первый топонимический "пласт", отразившийся в скальдике и рунических надписях, включает в себя значительное число гидронимов: Балтийское море (Austmarr и Eystrasalt) с Финским заливом (Holmshaf?), Белое море (Gandvik), две Двины- Западную (Duna) и Северную (Vina). Сюда же входит ряд этнонимов (либо отэтнонимических названий земель) на территории от Западной Двины до Северной Двины: земгалы (saemgallir), земля ливов (Lifland), эсты, земля эстов (eistr, Eisland), Вирумаа (Virland), земля финнов (Finnland), земля тавастов (Tafeistaland), племена бьярмов (bjarmskar kindir). Прибалтийская топонимия связана с морем: это названия мыса Колкасрагс (Domesnes), островов Рухну (Runo) и Сааремаа (Sysla, Eysysla), а также нерасшифрованное скальдом выражение "все Сюслы" (allar Syslur), прочитываемое исследователями как обозначение острова Сааремаа и лежащей против него эстонской области Ляэнемаа (Adalsysla королевских саг). В "древнерусской зоне" [203, с. 187] находятся лишь названия двух городов - Ладogi (Aldeigja) и Новгорода (Holmgarctr) -и обозначение Руси (Gardar), возникшее применительно к цепочке укрепленных поселений по Волхову [91, с. 133-140]. Таким образом, в первом топонимическом пласте нашли отражение три известных скандинавам и весьма важных для них "входа" на Восточно-Европейскую равнину: по Западной Двине; через Финский залив и Ладогу; по Северной Двине. При этом, как можно видеть, лишь западновинский путь представлен в древнескандинавской этно-, топо- и гидронимии с достаточной полнотой, что является несомненным свидетельством раннего использования скандинавами этого пути с дальнейшим выходом на Днепр [37, с. 51-54], Десну, Оку, Дон [39, с. 13-21; 207, с. 3-9]. Этногеография королевских саг выступает как прямая наследница традиции скальдических стихов и рунических надписей.

Русский Север - это Gandvik, Vina, bjarmar и Bjarmaland; Русь - Gardar, хотя постепенно его место занимает новообразование Gardariki; основные города Руси - Aldeigjuborg, композит типа X-borg от скальдического Aldeigja [66; 102], и Holmgardr, хотя в поздних сагах, видимо, в силу влияния иной традиции, о которой речь пойдет ниже, по два раза каждый упоминаются Киев (Kaenugardr), Полоцк (Pallteskia) и Суздаль (Sudrdalariki, Surdalar) [93; 102]. В "прибалтийской зоне" [203, с. 185-187] ранние саги фиксируют Eysysla и Adalsysla (т. е. скальдические "все Сюслы"), Eistland, eistr, finnar, а своды саг "Красивая кожа" и "Хеймскрингла" добавляют земли куршей и карел (Kurland, Kirjalaland). В географических сочинениях XII-XIV вв. объем сведений о Восточной Европе сильно увеличивается. К прибалтийским народам и их землям добавляются карелы, земля карел (kirjalir, Kirjalaland), жители эстонской области Рэбэлэ (refalir), земля куршей (Kurland), Самбия (Samland) и Вармия (Ermland). Трактаты называют восемь древнерусских городов: Муром (Moramar), Ростов (Rostofa), Суздаль (Surdalar), Новгород (Holmgardr), Полоцк (Pallteskia), Смоленск (Smalenskia), Киев (Kaenugardr), Гнездово (Syrnes Gadar) [94], при том что Ладога в них не упоминается. Число известных географическим сочинениям рек тоже увеличивается: это, помимо Западной Двины (Dyna), Днепр (Nepr), Нева (Nyia), Волга, либо Волхов (Olkoga) [242, с. 150], Кама (Киша) [480, с. 549]. Значительное число восточноевропейских рек включено и в одну из тул (скальдических перечней) конца XII в. Как показал анализ этого малоизученного памятника древнеисландской словесности, для тул характерно "колоссальное расширение синонимических групп, не подкрепленное употреблением в поэзии" скальдов [76, с. 8]. Действительно, все гидронимы, кроме Северной Двины (Vina), не встречаются в поэзии скальдов (Dun - Дон, Olga - Волга [?], Nepr - Днепр, Drofn - река недалеко от Полоцка) и принадлежат к иной этногеографической традиции, нежели та, что нашла отражение в скальдике, рунических надписях и королевских сагах. В то же время вполне очевидно, что оба исландских жанра XII-XIV вв. - тулы и географические сочинения, - ставящие своей задачей описание во всех подробностях окружающего мира, восходят к некоей общей традиции, отличной от той, что запечатлелась в раннем пласте. Сведения, содержащиеся здесь, распространяются на территорию, большую как в широтном, так и в меридиональном измерении: к западу от Западной Двины появляются Kurland, Samland и Ermland, к востоку от Северной Двины - Kuma - "Кама", к югу от Новгорода вырисовывается район Днепро-Двинского междуречья (Nepr, Smalenskia, Syrnes Gadar). На территории Руси (Gardariki) фиксируются основные водные артерии и крупнейшие города, относимые русской летописью к числу древнейших. Саги о древних временах [64], зачастую развивающие сюжеты саг королевских, содержат топонимический набор, характерный для этих последних, в результате чего среди древнерусских городов в них вновь появляется Ладога (Aldeigja и Aldeigjuborg). Однако совершенно очевидно, что в них присутствует известная общность с этногеографией географических трактатов: Прибалтика - это Ermland, Eistland, Kirjalaland, Kurland, Refalaland, Vindland, Virland, Eystrasalt; Север - Bjarmaland, Gandvik, Vina; Древняя Русь - Gardar и Gardariki с городами Holmgardr, Kaenugardr, Moramar, Radstofa, Pallteskia, Smalenzkia, Surdalar. Вместе с тем в этом источнике содержатся дополнительные топонимические данные, происхождение которых еще ждет своего объяснения: в частности, это латинизированные обозначения Руси (Russia, Russialand), Новгорода (Nogardr) и Киева (Kio), а также названия еще двух городов - Alaborg, Danparstadir. Таким образом, суммируя сказанное, можно говорить о наличии в Скандинавии двух этногеографических традиций, отражающих определенную пространственную и временную очередность проникновения скандинавов в Восточную Европу. Проблема требует дальнейшей доработки по многим направлениям: во-первых, недостаточно рассмотрения в этом плане лишь севера Восточной Европы; во-вторых, необходим учет латинской и местной "ученой" традиций, в-третьих, требуют более широкого и детального изучения богатые интересующим нас материалом, хотя и не всегда достоверные, саги о древних временах. А общая картина в первом приближении вырисовывается уже сейчас: не вызывает сомнения, что на формирование двух различных этногеографических традиций, зафиксированных в скальдических стихах, рунических надписях и

королевских сагах, с одной стороны, в географических тулях и сагах о древних временах - с другой, оказала влияние поэтапность освоения скандинавами территории Восточной Европы.

Т. Капелле. Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи ВИКИНГОВ

Некоторые, пока немногочисленные образцы изделий позволяют осветить как различия, так и в первую очередь общие черты славянского и скандинавского металлообрабатывающего художественного ремесла эпохи викингов (IX - XI вв.) [425]. При этом речь идет не только о технических приемах, но также о роли ремесленников в становлении *общебалтийских* культурных явлений [348]. Давно известно, что многочисленные импульсы в данную эпоху Скандинавия получала из каролингско-оттоновских государств континентальной Европы [424]. В значительной мере это относится и к области художественного ремесла. Об этом свидетельствуют не только случаи переработки поясных накладок в декоративные подвески (к ожерельям и пр.) или еще более выразительные превращения трехлепестковых разделителей портупейных ремней (из каролингского мужского воинского снаряжения) в типично женские трехлепестковые фибулы эпохи викингов [4]. Если здесь мы имеем дело с функциональным изменением заимствованной формы, то в дальнейшем, в X в., наблюдается освоение совершенно новых технических приемов, распространившихся в Северную Европу с Юга. Повсеместно распространяется техника филигрании и грануляции (древнерусская "скань и зернь"), причем не просто копируются заимствованные образцы, но постоянно обнаруживается, что применение ее было весьма разнообразным [509]. В большом объеме собственные *филигранные изделия* появляются на Севере с середины X в. Замечательный пример такого рода - названные по месту находки в Дании фибулы типа "Терслёв" (рис. 1, а). Симметрично переплетенный основной узор этих (обычно серебряных) фибул оттискивался по массивной бронзовой модели (рис. 1, б). Только после этого закреплялись проволоочки и шарики зерни; они наплавлялись в горячем виде, так как температурная точка плавления металла отделки ниже, чем металла основы. Фибулы этого вида изготавливались в юго-западной части Балтики, на островах Эланд и Готланд, а также в области оз. Мелар [432, Karte 30]. Следовательно, филигранные изделия были распространены на Севере не повсеместно, но производились прежде, всего там, где в предшествующий период прослеживаются активность христианских миссий и связанное с ними воздействие немецкого художественного ремесла. В более дешевом исполнении бронзовые вещи с излюбленным жемчужным узором отливались в простых глиняных формах (рис. 2, а). Такие имитации распространились в глубинных областях, куда собственно терслевские фибулы не проникали [432, Karte 31]. Распространение моделей для оттиска филигранных и гранулированных изделий X столетия позволяет сделать вывод о существовании странствующих ремесленников: за пределами крупных центров (Хедебю, Йорк, Треллеборг, Лунд, Сигтуна) и вообще вне городских условий они найдены всего в восьми случаях [435]. Не приходится сомневаться, что связанная с ними сложная технология была недоступна для местных ремесленников. В связи с этим примечательна одна из находок Хедебю: в гавани был найден кошелек с 42 литейными формами, в основном данного вида [485]. Это означает, что специфические средства производства в эпоху викингов могли уже быть товаром. Итак, на Севере имелись уже предпосылки для освоения и переработки в собственном художественном ремесле внешних импульсов. Обычно это относят исключительно к каролингско-оттоновскому Искусству. Однако необходимо также сравнить искусство славянского и скандинавского художественного ремесла. На Севере найдено около 4000 славянских украшений, из них лишь 3% происходят из могил, в то время как основная часть представляет собою так называемый "серебряный лом" в монетно-вещевых кладах [443]. Они использовались, следовательно, лишь как драгоценный металл, но вряд ли как украшения. В силу этого в весьма ограниченной мере они могли представлять собой образец для подражания в местном художественном ремесле. Особое значение для изучения славяно-

скандинавских связей имеет такой славянский тип украшения, как *лунница*; серебряные с грануляцией, многочисленные их находки известны в России (рис. 3, а) и Польше [444]. Древнейший образец, однако, происходит из Великой Моравии [460]. Этим великолепным подвескам с жемчужным узором (рис. 3, б) в большом количестве изготавливались бронзовые подражания. Таким образом, здесь наблюдается тот же процесс упрощенного воспроизведения, что и терслевских фибул. Соответствующие литейные формы происходят из Бирки (рис. 4, а), Хедебю (рис. 4, б) [432, Taf. 26, 3] и Старой Ладogi (рис. 4, с) [322, рис. 33, 80, табл. 1]. Обе литейные формы из Хедебю и Бирки вряд ли говорят о местном производстве на экспорт и еще менее - о локальном спросе в округе этих центров на подобные украшения; мода на лунницы была распространена лишь к востоку и югу от Балтики. Скорее, эти формы являются доказательством подвижности ремесленников, уносивших с собою орудия труда, когда они покидали область производства данных изделий. В качестве украшений лунницы носили только славяне (в данном случае - западные). В Скандинавии, за одним исключением, они встречены лишь как материальные ценности в кладах. Только в женской могиле № 660 в Бирке (см. рис. 5), датированной X в., такая подвеска-лунница обнаружена в составе женского убора с парой типичных для культуры викингов скорлупообразных фибул [423]. Однако в связи с находкой в одном из кладов можно сделать вывод, что лунницы или близкие им по форме вещи иногда носили в качестве украшений. Речь идет о фрагменте лунницы из клада в Мюренде на Готланде [443]. На оборотной стороне этой вещи сохранились остатки иглодержателя (рис. 6). Так как западные славяне фибулами не пользовались, здесь мы имеем дело со вторичным использованием подвески - в качестве застежки-фибулы. Приспособление, скорее всего, предназначалось для скандинавской носительницы вещи. Этот пример сопоставим с переработкой каролингских поясных накладок в подвески или фибулы на Севере. Несмотря на доказанные случаи освоения, у славян и скандинавов эпохи викингов имеются отчетливые различия в процессе изготовления украшений из благородных металлов. В северной технике грануляции, заимствованной из оттоновского культурного мира, применялась в числе прочего вогнутая пресс-форма. Славяне наносили скань лишь на плоскую металлическую поверхность. При этом появляется возможность с высочайшей точностью нанести на небольшое пространство едва ли ни бесконечное количество мельчайших шариков зерни. На одной из русских лунниц имеется 2250 шариков зерни, т. е. свыше 3 на мм² [456]. Литейные формы для лунниц из Хедебю и Бирки были, очевидно, орудиями труда славянских странствующих ремесленников. Однако эта форма организации производственной деятельности устанавливается также и для местных, скандинавских мастеров. Так, например, среди находок, принадлежавших странствующему ремесленнику и обнаруженных в Смисс на Готланде, имеются бронзовые формы для изделий [518], известных только в области расселения скандинавов [512]. Эти формы, конечно, не указывают на готландское производство изделий "на экспорт", но, скорее всего, являются имуществом именно странствующего мастера. Появившиеся как в славянском, так и в скандинавском мире X столетия странствующие ремесленники должны были быть специалистами своего дела. В каждом из случаев речь идет о производстве сложных изделий во впечатляющей технике грануляции и филигрании. В археологических материалах странствующие ремесленники опознаются лишь по превосходному качеству готовых изделий, труднодоступному, требовавшему высокой квалификации при обработке драгоценного сырья, по изготовлению серийной продукции, а также при открытии ремесленных мастерских - и так называемых "могил ремесленников". Указанные наблюдения позволяют выдвинуть некоторые заключения, которые, однако, рискуют быть недоказуемыми, если не обратиться к свидетельствам письменных источников. Письменные памятники сообщают, что при дворе Альфреда Великого в Уэссексе трудились бесчисленные художники, собиравшиеся отовсюду и владевшие всеми видами земного мастерства [511]. Для Севера поздней эпохи викингов известен также мастер, который при дворе конунга сначала прошел обучение кузнечному ремеслу, затем обработке бронзы, затем серебра и, наконец, златокузнечному делу [436]. Такие лица выделяются как мастера-художники в противоположность остальным, занятым ремесленной деятельностью. Массовое производство в точном

современном смысле слова, подразумевающим серийное изготовление идентичных вещей, ни для славян, ни для скандинавов той эпохи не было возможно, так как каждое изделие изготовлялось индивидуально, путем литья. Это не означает, однако, что серийного производства с помощью нескольких форм не осуществлялось. Конечно, совершенно идентичные изделия, как при современном машинном производстве, не могли быть получены, при многократном использовании литейных форм они неумовимо менялись - от образца к образцу. Но серийная продукция, как и единичные изделия, в равной мере характерны для славян и скандинавов. Развитие процесса шло в одном направлении, как показывает переход от зерненных лунниц к их литым воспроизведениям, либо же - от терслевских фибул к бронзовым подражаниям. Ремесленники трудились и здесь и там, а Балтийское море не знало границ. Насколько сильным было взаимное влияние, позволяет судить подвеска позднего IX в. из кургана № 6 могильника Плакун под Старой Ладогой на Волхове [35, с. 31-32]. Эта позолоченная серебряная подвеска имеет форму славянской лунницы, но покрыта филигранным декором в типичной для искусства викингов петельной орнаментике (рис. 7). Отсутствие примеров подобных связей между Каролингско-Оттоновской империей и западославянским миром объясняется их политическим противостоянием. Богатый и продуктивный обмен между скандинавами эпохи викингов и славянами, проявившийся в развитии сходных явлений в области художественного ремесла, напротив, основывался на хозяйственном и культурном *взаимопроникновении двух социумов*. Важнейшими центрами опосредования этих двусторонних импульсов на Балтике были ее первые градообразования. Можно выделить три различных уровня такого рода поселений. Ранние формы представлены такими центрами, как Риббе [427], Охус [431] и Старая Ладога [355] уже в VIII в. В IX в. возникает вторая группа поселений - Хедебю, Бирка и Каупанг, которые однако не смогли обеспечить свое существование до рубежа тысячелетий (оно прекратилось к концу X - началу XI в.). Их сменяют такие города, как Шлезвиг, Сигтуна, Осло, Висбю и Новгород. Основу деятельности всех этих центров составляла международная дальняя торговля. Однако при всей своей значимости она обеспечивала лишь сезонную деятельность, которой летом занимались бонды, крестьяне-общинники, зимою жившие по своим усадьбам в округе [469]. Это не могло еще привести к образованию постоянного города, но лишь к возникновению сезонных, "летних городов". Уже самые ранние из этих центров - Риббе, Охус и Ладога, которые позднее практически все обладали городским правом и продолжали развиваться, сохранили археологические следы деятельности ремесленников. Показателен производственный комплекс VIII в. в Старой Ладоге, где существовала постоянная мастерская [334; 507], связанная и со скандинавами [80]. Для становления города необходима была не только дальняя торговля. Решающим условием являлось стабильное существование группы населения, жившей не сельским трудом, а производством других видов товаров [165]. Это - прочно осевшие ремесленники, появляющиеся не от сезона к сезону, но постоянно живущие и работающие в раннегородских центрах. Среди таких ремесленников было, конечно, немало странствующих, особенно, как показывают приведенные примеры, мастеров художественного ремесла. Но другие уже прочно были привязаны к месту, где имелись либо большие запасы необходимого сырья, либо - специально оборудованные мастерские, что хорошо прослеживается, например, для токарей - по многочисленным остаткам деталей токарных станков в указанных центрах [476]. До сих пор сравнительно редки признаки существования постоянных мастерских в раннегородских поселениях Балтики. Они, однако, и не должны были появиться в заметном количестве, до образования специализированных ремесленных кварталов, вроде Неревского конца в древнем Новгороде с его концентрацией кожевенного производства [388]. Косвенно на существование таких кварталов указывает, однако, несомненное для конца X в. серийное производство многих видов изделий, запасы которых предназначались для продажи в крупных торговых центрах. Притягательность и посредническая роль этих центров подтверждается тем, что именно здесь найдены сравнительно легко транспортируемые средства производства высококвалифицированных мастеров художественного ремесла, такие, как пресс- формы для филигранных фибул или литейные формы для имитации лунниц. В

этих центрах возникали и смешанные, гибридные формы, вроде подвески из Плакуна под Старой Ладогой, где на славянскую лунницу с высокой точностью нанесен скандинавский орнамент. Итак, в металлообрабатывающем художественном ремесле славян и скандинавов намечаются черты различия и сходства. Сопоставимыми оказываются скандинавские филигранные фибулы с их серийными бронзовыми литыми воспроизведениями и славянские зерновые лунницы с упрощенными бронзовыми подражаниями им. Выявляется роль оседлых ремесленников как градообразующего элемента в центрах дальней торговли. Притягательность и, видимо, посредническая роль этих центров привлекала и подвижных странствующих ремесленников с их транспортабельными средствами производства. Отсюда в первую очередь происходят также смешанные формы, примером которых является подвеска в виде славянской лунницы с нанесенным на нее скандинавским декором из могильника Плакун в Старой Ладоге.

В. Я. Конецкий. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII-X вв

Процессы, происходившие в среде населения Приильменья, одного из важнейших (наряду со Средним Поднепровьем) центров становления государственности у восточных славян, по времени практически совпадают с расселением в данном регионе, повлекшим за собой сложное взаимодействие местных и пришлых групп населения, что создает дополнительные трудности при реконструкции ранней истории Новгородской земли. Малочисленность письменных источников, краткость свидетельств уже давно сделали необходимым широкое привлечение данных археологии, нашедшее отражение в обобщающих работах. Однако в настоящее время в свете исследований последних лет традиционные оценки некоторых категорий древностей требуют критического пересмотра. В полной мере это относится к *сопкам* - широко распространенным в Приильменье монументальным погребальным насыпям, связываемым с ильменскими славянами, но не имеющим аналогий в остальном славянском мире. В работах последних двадцати лет суммирован обширный материал, относящийся к сопкам [342; 276, с. 212 - 246; 200, с. 152-162; 299, с. 123-146]. Мы сосредоточиваем внимание на трех основных аспектах изучения рассматриваемых памятников. *Социально-демографический* аспект изучения сопок связан с анализом количества погребенных в этих памятниках на фоне огромных трудовых ресурсов, затраченных на их возведение [298, с. 24]. Высказывались мнения, что на возведение сопки высотой 4-12 м требуется от 800 до 3600 человеко-дней. Однако хронометрирование действий по созданию отдельных элементов сопок, предпринятое В. П. Петренко, показало, что трудовые затраты были значительно большими. Последнее обстоятельство было существенной причиной того, что исследователи нередко видели в сопках памятники социальной верхушки, безотносительно к ее этнической принадлежности [354, с. 3 - 5; 546, с. 50 - 60; 481, с. 31-37]. С конца 30-х годов на основе социологических схем того времени распространилось иное мнение, разделяемое некоторыми учеными и поныне, что сопки являются памятниками рядового населения с "десятками" погребений и содержат захоронения всех членов насыпавших их общин. Это, при условии неоднократной подсыпки, - казалось бы, объясняет и большие размеры насыпей [374; 375, с. 228 - 287; 346, с. 63]. Однако обращение к фактическому материалу дает иную картину. По сводке В. В. Седова, из 35 учтенных насыпей 74% содержат одно погребение, а 22%-два-четыре [342, с. 21-22]. Одиночность захоронений далеко не во всех случаях можно списать на несовершенную методику раскопок, поскольку и новыми исследованиями получены сходные данные. Факт-малого количества погребений в сопках отмечался уже давно. Так, Н. Н. Чернягин, автор первой крупной сводки этих памятников, писал: "В сопках по их размерам и сравнительной малочисленности было бы естественно ожидать многих погребений, но в действительности их количество в большинстве случаев ограничено... Несомненно, что размеры этих насыпей не объясняются количеством содержащихся в них захоронений" [399, с. 96 - 97]. Кроме того, в ряде случаев исследователи могли принимать разрозненные части одного погребения за отдельные захоронения. На данное обстоятельство обратила внимание Н. В. Тухтина [389, с. 190]. Поскольку обычно не проводится специальный анализ кальцинированных костей из сопочных погребений, данный фактор действительно не учитывается. В сопках также могут присутствовать кальцинированные кости животных, из которых неспециалистами визуальнo могут быть опознаны лишь останки крупных видов (например, лошадей). Все это заставляет при оценке количества погребенных вводить поправку скорее в сторону их уменьшения. За последние годы в окрестностях Ладоги вокруг оснований ряда сопок были открыты погребения по обряду трупосожжения, синхронные погребениям в насыпях [299, с. 136]. Одно подобное скопление костей, правда, небольшое по объему, зафиксировано во рву разрушенной сопки у пос.

Деревяницы под Новгородом [179, с. 166]. Подобные факты хотя несколько и снижают остроту проблемы в демографическом плане, но еще более усиливают ее в социальном. Ведь если часть погребений располагается у подножия насыпей, то при оценке сопок как погребальных памятников всего населения возведение столь трудоемких сооружений представляется непонятным. Пространственное противопоставление единичных захоронений в сопках погребениям, расположенным у их подножий, несомненно отражает социальную дифференциацию общества в среде которого возникли эти насыпи. *Структурно-семантический аспект* изучения сопок предполагает рассмотрение набора признаков, определяющих эти памятники как единое целое, и попытку оценки их в системе религиозных представлений той эпохи. Бесспорно, сопки обладают сложной внутренней структурой, особенно заметной на фоне хронологически сопоставимых иных типов погребальных памятников на Севере-Западе. Вместе с тем в определении набора их обязательных внутренних признаков среди исследователей нет единодушия [342, с. 12 - 23; 276, с. 212 - 241], чему виной как объективные, так и субъективные причины. Прежде всего здесь следует назвать общую нехватку источников, усугубляемую необходимостью учитывать составляющие основной фонд, но недостаточно документированные материалы дореволюционных раскопок, что вносит дополнительную неопределенность. Важную роль играет критерий отбора признаков. Для нас представляют интерес лишь те структурно значимые элементы и особенности конструкции, которые осмыслились создателями сопок, а не обусловленные, скажем, естественно-природными условиями (состав грунта, наличие или отсутствие камня и т. п.). Данный фактор не мог не накладывать отпечатка на конкретное выражение тех или иных признаков. В этой связи встает вопрос об их возможных вариациях, при которых символическое значение данных признаков остается неизменным. Здесь мы исходим из того факта, что в традиционных культурах любой объект, созданный человеком, обладает утилитарными и символическими свойствами ("вещностью и знаковостью") [23, с. 8-9]. Попытки раскрыть смысл погребального обряда в сопках должны вестись именно с этих позиций. Для примера возьмем каменные обкладки вокруг оснований сопок, в которых В. В. Седов видит один из важнейших признаков сопок и указывает на их ритуальный смысл [342, с. 12]. Нет оснований сомневаться, что их семантика связана с обозначением границы, отделяющей сакральную зону, где совершается обряд, от основного пространства. Поскольку обкладки присутствуют далеко не повсеместно, не могла ли та же идея быть выражена другим способом? В. П. Петренко, исследуя насыпи, сложенные из разнородного грунта, проследил вокруг оснований погребальных площадок кольцевые валики, насыпанные из суглинка [299, с. 138- 139]. Более того, подобные валики должны были неизбежно образовываться в любом случае при первичной выборке грунта из рва, намечавшего и окружавшего будущее основание сопки. Но если насыпь сложена из однородного грунта, а тем более из песка, то фиксация таких валиков будет либо предельно затруднена, либо вовсе невозможна. Представляется, что именно этим можно объяснить отсутствие каменного венца у сопки при д. Заручевье в бассейне р. Меты, полностью аналогичной по остальным показателям, считающимся классическими, ловатским сопкам. При этом малое количество камня в округе сказалось и в характере каменных кладок в самой насыпи, состоящих из небольшого количества мелких валунов [545]. Таким образом, возможно, каменные обкладки вокруг оснований сопок являются лишь частным случаем сооружений, выражающих общую идею "границы". Этот вывод подтверждается и фактом различного оформления границ площадок славянских языческих святилищ [345, с. 122 - 125; 180, с. 43]. Особенный интерес для изучения сопок представляет деталь, зафиксированная в последние годы, - вертикальный столб, установленный в центре основания и пронизывающий насыпь. Забутованное камнем основание такой конструкции было открыто в сопке у д. Заручевье [545]. Остатки собственно столба обнаружены В. П. Петренко в суглинистом грунте одной из сопок около Старой Ладogi [299, с. 141, рис. 6]. Нет никакого сомнения, что подобные столбы имели широчайшее распространение, независимо от количества фактов их прямой фиксации. Их присутствие убедительно доказывается косвенными аргументами. Являясь вертикальными осями сопок, такие столбы были необходимы для контроля за

правильностью их формы при подсыпке (по "принципу стога"), а главное, для привязки в горизонтальной плоскости к центру насыпи всех каменных конструкций и погребений, расположенных на разных ярусах сопки. Регулярность расположения различных объектов в сопках является доказательством широкого распространения этой детали в сопочном обряде. Кучи камней, нередко фиксируемые в центре оснований сопки, могли использоваться и для крепления рассмотренных столбов. Итак, в учете вышеизложенного, можно назвать следующие признаки, в наиболее общем виде определяющие сопки. Таковыми, кроме значительной высоты, являются ярусность насыпей, наличие каменных венцов или других форм ограждений, ограничивающих основание насыпей, каменные конструкции в них, наличие, кроме погребений по обряду трупосожжения, костей животных и птиц и, наконец, вышеупомянутые столбы, являющиеся вертикальными осями сопки. Если исходить из соотносимости погребальных памятников первобытности с моделью мироздания [302; 323, с. 4], то следует признать, что в сопках эта идея получила яркое, хотя и не до конца ясное в деталях выражение. Во всяком случае вышеуказанный столб в насыпи в семантическом отношении несомненно означает "мировое дерево", пронизывающее все ярусы мира. Аналогичное выражение данной мифологемы представлено в некоторых индоевропейских погребальных традициях [189, с. 97-99], а главное, не чуждо и древнерусской. Так, в одном из богатых погребений Гнездовского могильника основание столба зафиксировано в центре погребальной камеры. Нельзя также не вспомнить в данной связи и "большое бревно хаданга", водруженное в центре кургана знатного руса по описанию Ибн Фадлана [159, с. 54; 168, с. 146]. Возвращаясь к вопросу о семантике сопочного обряда, напомним также, что, как считал В. И. Равдоникас, многие конструктивные особенности волховских сопки "превосходно" объясняются "Эддой" [481]. Таким образом, сопки выступают как своеобразные языческие храмы, в которых похоронены представители социальной верхушки. Сакрализация подобных погребений - явление обычное для первобытной эпохи. *Этнокультурный аспект* изучения сопки означает рассмотрение возможных истоков сопочного погребального обряда, заимствованного ильменскими славянами. Этническая атрибуция и связанный с этим вопрос о происхождении сопки являлись наиболее дискуссионными в ходе изучения данных памятников. В качестве претендентов на роль их создателей, кроме славян, назывались прежде всего скандинавы. В настоящее время славянская принадлежность основного компонента данного населения не вызывает сомнения.

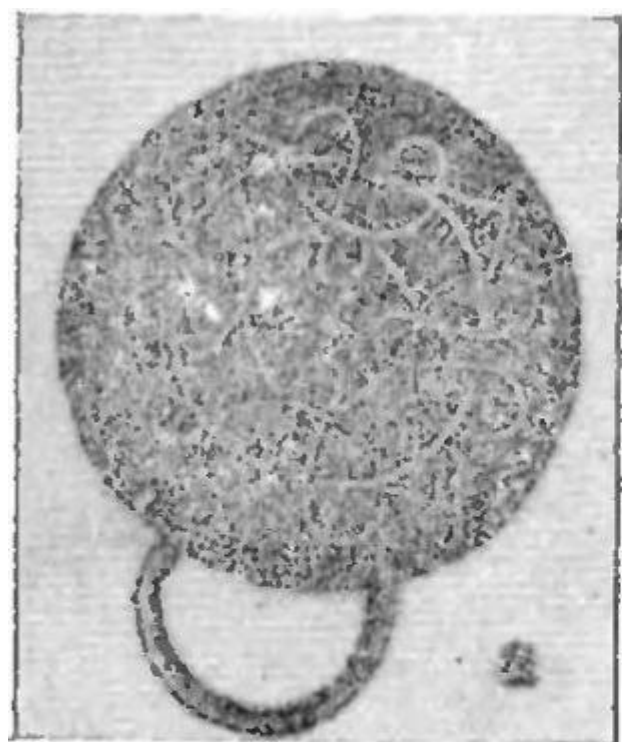

Рис. 1: а) фибула терслевского типа, Трюггестад, Дания;
б) пресс-форма для фибулы терслевского типа из Хедсбю
(м=1:1).

Рис. 2: а) бронзовая имитация фибулы терслевского типа, Рабекке-
гаард, Дания; б) литейная форма имитации фибулы терслевского

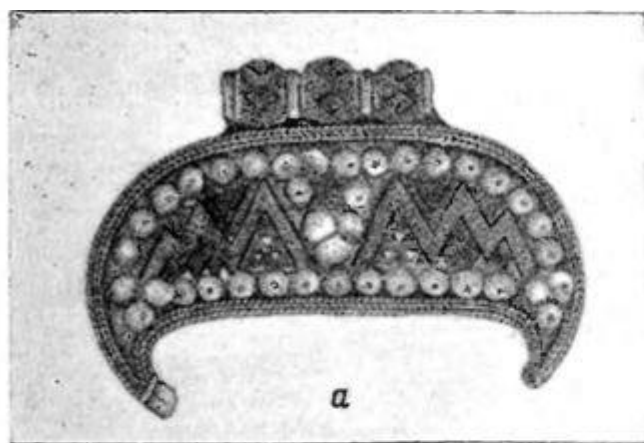

Рис. 4. Литейные формы для бронзовых лунниц: а) Бирка, Швеция; б) Хедебю (Хайтхабу, ФРГ); в) Старая Ладога (СССР) (м=1:1).

Рис. 3: а) серебряная лунница с зернью. Гнездово (шир. 5,9 см); б) литая бронзовая лунница, Нитра (шир. 4,0 см).

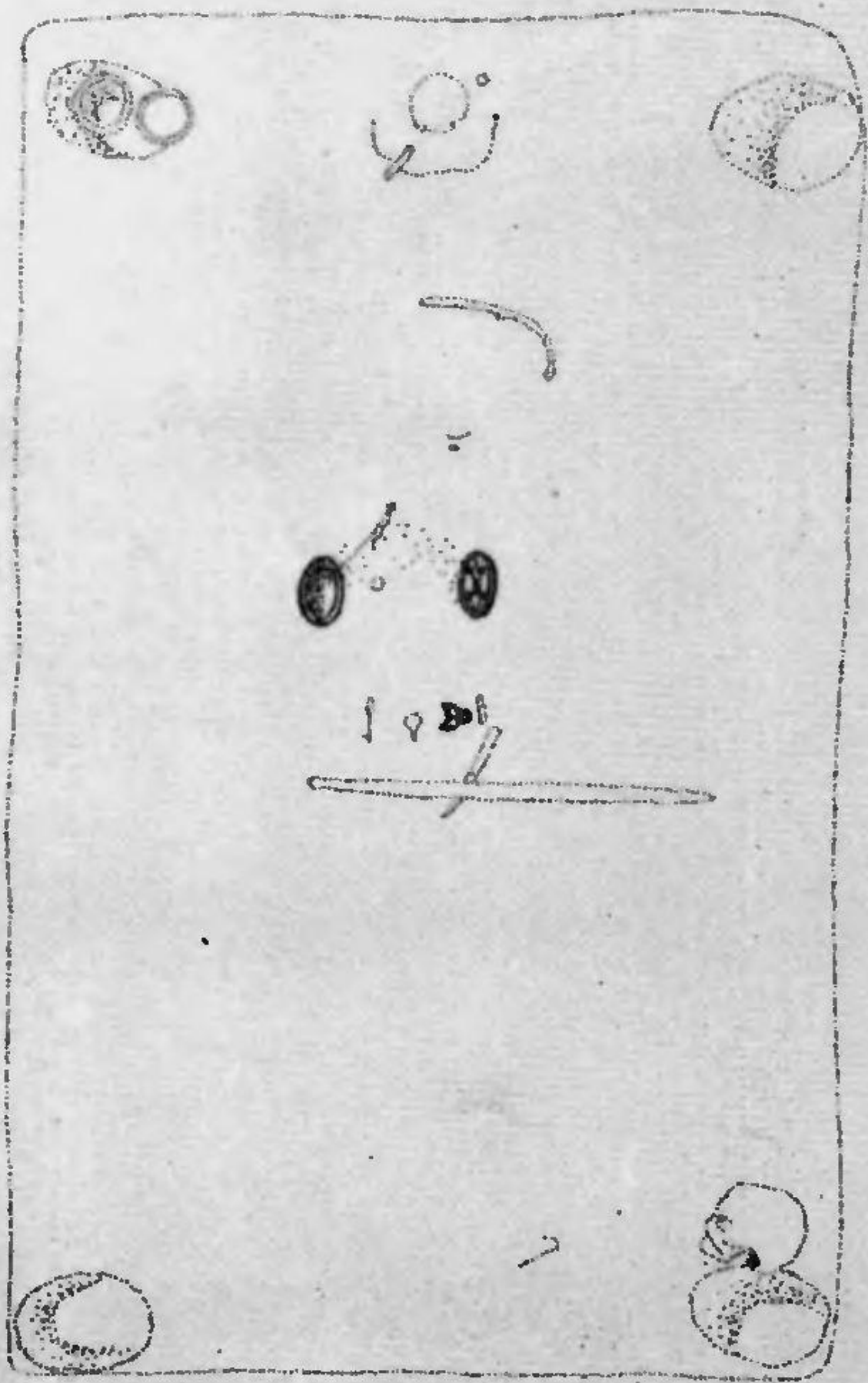

Рис. 6. Переработанная в фибулу
лушница (фрагмент), Мюрсиде, Гот-
ланд (м=2:1).

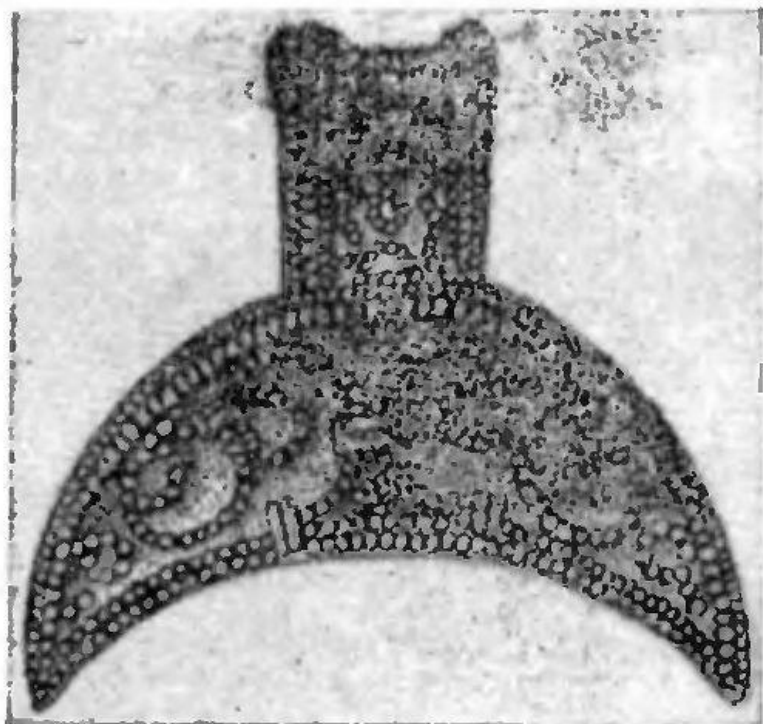

Рис. 7. Позолоченная серебряная

распространение сопок в Приильменье, в местностях, удобных для первоначального пашенного земледелия, а также вокруг раннегородских центров Северо-Запада - Ладogi и Новгорода, и перерастание культуры сопок в древнерусскую культуру Новгородской земли [277; 178, с. 1-1.6]. Однако вопрос об этнической принадлежности населения культуры сопок не тождествен вопросу о происхождении самих высоких насыпей. В настоящее время существуют *три гипотезы* по поводу истоков сопочного погребального обряда, независимо от оценки этноса его носителей. "Южная гипотеза", создателем и последовательным сторонником которой был П. Н. Третьяков, генетически связывает сопки с высокими курганами мощинской культуры в бассейне верховьев р. Оки [380, с. 284 - 285; 278, с. 64]. Однако существенный хронологический разрыв, отсутствие заметного типологического сходства (кроме высоты) не позволяют считать ее достаточно обоснованной. "Местная северо-западная гипотеза", автором которой является В. В. Седов, предполагает различные истоки основных элементов сопочного обряда. Обычай возведения высоких насыпей и каменные венцы в основании считаются заимствованными у балтов, а каменные конструкции, захоронения костей животных, зольные прослойки в основаниях связываются с финно-угорским населением [342, с. 12-23]. Данная гипотеза весьма уязвима для критики. В отношении "балтских" элементов заметим, что балтская топонимика на данной территории, за единичными исключениями, отсутствует [342, с. 33]. Что же касается финно-угорских черт, то о них теперь можно судить более определенно. "Каменные круги", которые В. В. Седов считал памятниками финно-угорского населения и видел в них источники заимствования некоторых элементов сопочного обряда, получили в последнее время иную трактовку. Это же относится к "вымошкам типа Извары", скорее всего не являющимся археологическими памятниками [180, с. 43; 174, с. 62; 396, с. 43 - 48]. "Скандинавская гипотеза", которой среди русских и советских ученых придерживались А. А. Спицын, В. И. Равдоникас, Н. В. Тухтина, [352, с. 149-151; 353, с. 8-11; 354, с. 3 - 4; 321, с. 31-32; 389, с. 191-193], основывается на определенной близости сопок и больших курганов в Скандинавии, датируемых VI - VIII вв. В качестве общих признаков, кроме размеров, при этом называют ярусность погребений, каменные конструкции, наличие костей животных и т. д. Считается, что в эпоху викингов обычай сооружения подобных насыпей был занесен на Северо-Запад, где и получил распространение. В свете последних исследований данная гипотеза заслуживает пристального внимания. За последние годы изменилась оценка хронологических рамок появления славян и скандинавов на Северо-Западе, что позволяет говорить о почти одновременном приходе сюда обеих групп населения. Так, расселение славян в Приильменье определяется не ранее VIII в. Причем здесь наблюдается совпадение выводов, полученных как при анализе письменных источников, так и по данным археологии [231, с. 7-22; 262, с. 23- 29; 201, с. 29-39]. Бесспорное присутствие скандинавов в Ладогe фиксируется для середины VIII в. [164]. Облик материальной культуры населения Приильменья отнюдь не противоречит признанию возможности славяно-скандинавских культурных контактов в данном регионе. По определению Г. С. Лебедева, эта территория входит в "циркумбалтийское культурное сообщество" [202, с. 47]. Можно указать на некоторые конкретные проявления славяно-скандинавского взаимодействия в сфере материальной культуры. В частности, скандинавское происхождение имеет технология изготовления трехслойных ножей (IV тип, по Р. С. Минасяну) [260, с. 66 - 72], нередко встречаемых в сопочных погребениях, а в дальнейшем становящихся господствующим типом в Новгородской земле. Перечень находок, имеющих северные аналоги и происходящих из сопок, можно продолжить и еще (например, бронзовые накладки ларца из сопки у д. Заручевье, аналогичные найденным в скандинавском могильнике Плакун [270, с. 164, рис. 5, 1), однако это не принципиально. Здесь мы сознательно не рассматриваем категории находок, связанные с ремеслом раннегородских центров (костерезанием, стеклоделием и т. п.), прежде всего Старой Ладogi, где присутствие среди ремесленников выходцев из-за моря бесспорно [164, с. 6]. Главным образом здесь вызывает интерес вопрос о возможности существования более глубоких пластов межетнического взаимодействия, которое могло оказать влияние на облик культуры сопок. В данной связи особенно важна проблема сложения в

Приильменье пашенного земледелия как экономической основы существования культуры сопок. По данным многочисленных исследований, здесь в конце I тыс. н. э. формируется очаг пашенного земледелия, развитие которого шло особым путем, отличным от южнорусского [263, с. 123; 186, с. 106-109]. Выявление его истоков тесно связано с проблемой поиска исходных территорий и путей прихода славян на Северо-Запад. В настоящее время, особенно в связи с работами языковедов, особую актуальность приобретает давний тезис об этнических связях-ильменских славян со славянским населением южнобалтийского побережья [324, с. 226-227, 229; 346, с. 66]. Рассмотрение его под углом происхождения земледельческих орудий на Северо-Западе дает неожиданную картину. Как указывает И. Херманн, у балтийских славян использовались пахотные орудия без железных наконечников. В то же время в Скандинавии они появляются еще в вендельском периоде [203]. Таким образом, нельзя не признать, что Скандинавия является наиболее близкой территорией, откуда ильменские славяне могли воспринять данный элемент культуры [261, с. 6]. Исторически это весьма правдоподобно. Район Старой Ладogi, где скандинавы появились, как уже упоминалось, в середине VIII в. и откуда, кстати сказать, происходят древнейшие на Северо-Западе наральники, обладает тяжелыми почвами, обработка которых орудиями без железных наконечников, безусловно, затруднена. Рассматривая элементы культуры сопок, которые были заимствованы славянами у скандинавов, отнюдь не следует считать, что процесс культурного влияния был односторонним. Напротив, И. Херрманн указывает, что скандинавы переняли от славян использование лошади в качестве тягловой силы для пашенного земледелия [348, с. 11 -15]. Но данный факт лишний раз указывает на существование контактной зоны, где могло происходить подобное взаимовлияние. Итак, характер материальной культуры населения Приильменья в VIII - X вв. вовсе не исключает правомерности поиска истоков сопочного обряда в Скандинавии. Для раскрытия интересующей нас темы весьма важен региональный анализ распространения сопок. Оказывается, что районом их наибольшей концентрации является округа Старой Ладogi, т. е. район, безусловно, наиболее ранних и наиболее интенсивных *славяно-скандинавских контактов*. При этом в Ладoge имеются сопки более тесно связанные со скандинавской погребальной традицией (насыпи с каменными кладками под-треугольной формы), что признается всеми современными исследователями [389, с. 19; 346, с. 62 - 63]. Любопытную картину дают Поозерье и Южное Поволховье - коренная территория ильменских словен. Для сторонников традиционной интерпретации сопок трудно объяснить редкость здесь этих памятников. Ситуация представляется тем более парадоксальной, что за последние годы в Поозерье открыты буквально десятки селищ интересующего нас периода со свойственной культуре сопок реберчатой керамикой ладожского типа. Обычное объяснение малочисленности сопок ссылкой на разрушение их в результате хозяйственной деятельности представляется недостаточным [277]. Ведь и окрестность Ладogi, а тем более долины крупных рек Ильменского бассейна были районами не менее интенсивного земледелия. На самом деле в Поозерье мы сталкиваемся с проблемой изначальных славянских погребальных памятников на территории Северо-Запада. Как показала польская исследовательница Х. Золль-Адамикова, характерными для культуры ранних славян являются грунтовые погребения по обряду трупосожжения, а курганный обряд появляется лишь в результате взаимодействия с соседними этносами [346]. Выше уже упоминалось об особом значении западнославянских материалов в изучении славянского населения Приильменья. В данном контексте предположение, что самым ранним поселениям ильменских славян на коренной территории в Поозерье соответствуют грунтовые могильники, не покажется особенно смелым. Выявление грунтовых могильников и соответствующих им первоначальных поселений славян в Приильменье, и в первую очередь в Поозерье, - дело будущего, однако здесь важно заметить, что в Ладoge наряду с вышеупомянутыми сопками, содержащими скандинавские элементы, известен памятник, весьма достоверно иллюстрирующий исходный славянский обряд. Мы имеем в виду исследованный С. Н. Орловым грунтовый могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря [284]. В свете вышеизложенного появляется возможность более отчетливо представить характер рядовых погребений в

сопочную эпоху. Очевидно, основная масса населения продолжала хоронить своих умерших, как и раньше, без насыпей. Именно с этих позиций, на наш взгляд, следует оценивать наличие погребений по обряду трупосожжения у подножия сопки. Сопочная насыпь выступает в этом случае как своего рода организующий центр могильника. Подобная традиция сохраняется в данном регионе и позднее, в XI - XII вв., когда вокруг оснований сопок появляются погребения по обряду трупоположения в форме грунтовых или жальничных захоронений [179, с. 163- 164]. Рассматриваемые здесь вопросы были затронуты недавно Д. А. Мачинским, который совершенно справедливо заметил: "Трудно допустить, что переселенцы с юга сразу стали хоронить умерших в грандиозных сопках, чуждых славянской погребальной обрядности других территорий". "Погребения славян VIII - середины IX вв., - продолжает он, - надо попытаться отыскать" [232, с. 22 - 23]. Однако исследователь, как представляется, напрасно, основываясь на выводах А. М. Микляева, пытается отождествить зону ранних славян на Северо-Западе с районами, маркированными топонимами с окончанием -гост/-гощ. В настоящее время отсутствуют какие-либо археологические и палеогеографические доказательства обитаемости в ран- неславянский период этих мест [100, с. 22], которые сам автор данной гипотезы категорически противопоставляет территории культуры сопок [258, с. 45]. Вместе с тем нельзя опровергнуть факта, что местности, в которых известны сопки - озерные и речные долины, - в рассматриваемом регионе наиболее удобны для первоначального пашенного освоения [342, с. 14]. Итак, формирование сопочного погребального обряда с наибольшей вероятностью может быть представлено следующим образом. Славяне появились в Приильменьи около начала VIII в., закрепились первоначально в Поозерье и районе истока Волхова. Это было обусловлено естественногеографическими причинами и прежде всего наибольшим удобством этих мест для пашенного земледелия. Не следует сбрасывать со счетов и "стремление к компактному расселению в условиях иноэтничного окружения. Для этой эпохи характерны открытые поселения, нередко обладающие естественной защитой из-за многочисленных проток Веряжи и верховьев Волхова, и, вероятно, отдельные городища, такие, например, как у дер. Георгий. Найденный на этом памятнике славянский языческий жертвенный нож с волютообразным навершием является своеобразным символом культуры того периода [285, с. 163-164; 259, с. 148-152]. Значительное количество известных в настоящее время селищ отражает не только или, может быть, даже не столько плотность одновременного расселения, но и необходимость периодической смены мест поселений, связанную с истощением почв при переложной системе земледелия. Данный фактор воздействия на характер расселения даже на черноземных почвах коренных славянских территорий [304, с. 51-55], а в условиях Приильмения его действие было гораздо более жестким. Хронологическая дифференциация селищ в Поозерье является актуальной задачей, и первые попытки в этом направлении, предпринимаемые Е. Н. Носовым, весьма перспективны. Погребальными памятниками досопочного периода в Приильменьи явились, о чем свидетельствует целый ряд приведенных выше косвенных аргументов, грунтовые могильники по обряду трупосожжения. Продвинувшись в район Старой Ладogi, славяне вступают там в тесные контакты с выходцами из Скандинавии. Во второй половине VIII в. в низовьях Волхова складывается крупный торгово-ремесленный центр с широкими международными связями. В Ладoge зарождается ядро нового этносоциума, носящего имя Русь [232, с. 26]. В этих условиях в среде разноэтничного населения и проходит сложение сопочного обряда, причем Д. А. Мачинский прямо указывает на скандинавские элементы в погребальном обряде наиболее древней из известных на сегодня ладожских сопок [232, с. 25]. Как памятники социальной верхушки, обладающие сакральностью, сопки и по ряду типологических признаков более всего сопоставимы со шведскими высокими курганами вендельской эпохи, как указывали А. А. Спицын и В. И. Равдоникас. Конечно, между этими типами памятников нет и не может быть тождества, учитывая и хронологический разрыв и смешанную этническую среду. Однако следует иметь в виду, что верхушке раннеклассовых обществ свойственно заимствование элементов погребального обряда более древних и ярких социальных образований [226, с. 166]. Возникнув в Ладoge, мода на монументальные памятники, соответствующая уровню социального развития славянского

общества, проникла на коренные территории ильменских словен - в районы Поозерья и Южного Поволжья. В ходе славянского расселения она была распространена по всему Приильменью. Во всяком случае, тотальное обследование долины р. Ловать под углом анализа интенсивности освоения пригодных для жизни пойм показывает, что движение населения, оставившего сопки, было направлено с Севера на Юг. Связанный с определенной социальной средой обычай возведения сопок прекратил свое существование с распадом или перестройкой породивших его общественных структур. Они принадлежали к эпохе перехода от доклассового общества к классовому; а преобладали ли в этих структурах патриархальные связи (что, впрочем, не исключает использования подневольного, рабского труда), или, наоборот, брали верх силы, олицетворяющие становление раннефеодальных отношений, - сказать трудно. Во всяком случае, это общество обладало достаточно выраженным социальным неравенством и жесткой структурой, позволявшей организовать сооружения столь трудоемких объектов. Как бы то ни было, возможность использования больших трудовых ресурсов в непроизводственной сфере свидетельствует о высоком уровне развития производительных сил. Исчезновение данного обычая высвободило огромный скрытый экономический потенциал, что несомненно повлияло на темпы развития Приильмения в древнерусскую эпоху.

Т. В. Рождественская. О письменных традициях в Северной Руси (IX-X вв.) (к постановке проблемы)

На основе всестороннего историко-археологического изучения центров Северной Руси, так называемых "открытых торгово-ремесленных поселений" IX-X вв., исследователи пришли к выводу об изначальном полиэтническом населении этих центров [36, с. 11 - 17; 37, с. 75 - 81; 105; 163, с. 24 - 37; 279, с. 85- 107; 280, с. 3 - 28; 303, с. 174-181; 420, с. 32 - 61]. Роль их как важнейших торговых и военно-административных пунктов на водных магистралях Восточной Европы способствовала тому, что в Ладоге, Изборске, Гнездове, Тимереве под Ярославлем, Городище под Новгородом активно развивался процесс этнической консолидации и формировалась культура особого облика, имевшая "надплеменной" характер [248, с. 148-151; 303, с. 174-181]. В формировании этой культуры активное участие принимали как славяне, финны, балты, так и скандинавы. Исследователи русско-скандинавских отношений последней четверти I тыс. н. э. отмечают, что здесь, на обширной территории Севера Восточной Европы, происходит интенсивное взаимодействие славянского и скандинавского миров. Примечательно, что зафиксированная в наиболее ранних древнескандинавских письменных памятниках топонимия Древней Руси связана именно с этими областями [95, с. 85 - 95]. Как отмечает И. П. Шаскольский, "государственное образование, возникшее в IV в. в северной половине восточнославянских земель, было изначальным многоэтническим или разноэтническим" [403, с. 36]. В условиях становления государственности контакты разных этносов проявились и в такой сфере духовной культуры, как письменность. Вопрос о времени возникновения письменности на Руси, несмотря на более чем полуторавековую историографическую традицию, до сих пор остается одним из самых гипотетических и дискуссионных. Обычно под восточнославянской письменностью понимается система текстов, которая возникает и распространяется на Руси в связи с принятием христианства. Остановимся на тех свидетельствах существования письменной традиции до официального крещения, которые нам дают археологические источники [236, с. 86 - 97]. В результате археологического исследования средневековых древностей Северо-Запада Восточной Европы VIII - XI вв. к настоящему времени значительно расширилась источниковедческая база, позволяющая поставить вопрос о возникновении и распространении письменности на территории Северной Руси. В настоящее время мы не располагаем ни одним бесспорно славянским текстом (за исключением гнездовской надписи) старше последней четверти X в. Вместе с тем, обращаясь к проблеме возникновения письменности, следует учитывать те эпиграфические памятники VIII - X вв., связанные с разными языковыми ареалами и представленные различными *графическими системами (скандинавской, греческой, тюркской, славянской)*, которые были открыты в последнее время на территории Восточной Европы [98, с. 29 - 32; 97, с. 40 - 45; 106, с. 185 - 216; 243; 282, с. 45 - 55]. Находки надписей и буквенных знаков на предметах материальной культуры были обнаружены в слоях VIII - X вв. Ладоги, "Рюрикова" городища, Тимерева, Сарского городища, Гнездова, Масковичей и других, которые определяются в историко-археологической литературе как раннегородские образования, так называемые "открытые торгово-ремесленные поселения", возникшие на важнейших путях средневековья трансевропейских пути "из варяг в греки" и из Балтики на Восток [37, с. 75-81]. Эти протогородские поселения входят в пределы русского Северо-Запада, который В. Т. Пашуто, а вслед за ним и другие исследователи определили как "Верхняя Русь", или Северная Русь, и на территории которого осуществлялись наиболее ранние славяно-скандинавские контакты [40]. География находок этих эпиграфических памятников не случайна - она показывает, что потребность использования элементов письменности возникает там, где концентрируется административная власть,

развиваются ремесло и торговля, формируется социальный слой княжеских дружинников, воинов, купцов. Присутствие эпиграфических памятников в археологической среде, так называемых протогородов, свидетельствует о том, что наличие письменности или ее элементов можно рассматривать как одну из примет раннегородских образований. Таким образом, находки, относящиеся к сфере письменности, оказываются теснейшим образом связанными с вопросами становления древнерусской государственности, в частности, с таким ее признаком, как образование городского поселения. Наиболее ранние находки датируются половиной IX в. и представляют собой *рунические знаки* на дереве, кости, предметах из металла. Так, из слоя VIII - IX вв. Старой Ладogi происходит деревянная палочка с рунической надписью, а из слоя IX в. - костяная рукоять с нанесенными на нее рунами. Второй половиной X в. датируется руническая надпись магического характера на медной подвеске (243, № 144). По замечанию Г. С. Лебедева, "ладожские находки охватывают чрезвычайно широкую сферу славяно-скандинавских контактов, от материального производства до высших проявлений духовной культуры" [203, с. 211]. Клад монет второй половины IX в. с нанесенными на них руническими граффити был обнаружен в Тимереве под Ярославлем [97, с. 45]. Как показывает археологическое изучение Тимеревского комплекса, в эпоху раннего средневековья (И. В. Дубов датирует поселение и могильник в пределах IX - XI вв.) этот комплекс "играл важную роль в трансъевропейских связях, являясь ключевым пунктом на Великом Волжском пути" [105, с. 187]. В последнее десятилетие при раскопках на Городище под Новгородом, которое убедительно рассмотрено Е. Н. Носовым в качестве предшественника Новгорода как крепости, найден целый ряд скандинавских вещей, в том числе две подвески (амулеты) с идентичными руническими надписями магического характера [281, с. 121]. В пределах XI - XIII вв. датируются рунические знаки на предметах из Новгорода, Суздаля, Полоцка, с городища Масковичи в Северной Белоруссии [234, с. 437 - 439; 106, с. 185 - 216; 244, с. 182- 188; 107, с. 171]. Ценнейший материал представляют и недавно исследованные граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. [246, с. 26 - 47]. В их составе - не только скандинавские руны, но и арабские надписи, тамгообразные знаки, имеющие аналогии в хазарском руническом письме, и грекоязычная-надпись *Захаріас* Оки показывают, что в среде населения Северной Руси появлялись и греческие, и арабские надписи на тех или иных предметах. Совокупность всего разнообразного по языковой принадлежности и по графической интерпретации эпиграфического материала, отразившего раннесредневековые связи Руси IX - X вв. не только с Северной Европой, но и с Востоком и Византией, требует, конечно, особого изучения. В данной работе нам хотелось обратить внимание прежде всего на скандинавско-славянские традиции в освоении письменных графических систем. Не останавливаясь подробно на каждой эпиграфической находке, обратим внимание на следующий факт. Находки рунических надписей и знаков IX - X вв., оставленных скандинавами, по времени и территориальному распространению совпадают с первыми, очень малочисленными пока находками, свидетельствующими о появлении элемента *славянской письменности* на восточнославянской территории. К числу достоверно славянских надписей до середины X в. можно отнести лишь знаменитую Гнездовскую надпись на корчаге "гороухша" или "гороунша" [2]. Краткость надписи не позволяет убедительно определить ее языковую принадлежность - древнерусская она или южнославянская. Палеографические особенности надписи находят аналогии как в древнерусском, так и в древнеболгарском эпиграфическом материале [235, с. 30, 35 - 36]. Существенным оказывается тот факт, что надпись сделана, бесспорно, кириллическим алфавитом, быть может, одним из ранних его вариантов. К древнерусским эпиграфическим текстам дохристианского времени относятся и надписи на деревянных цилиндрах из Новгорода, датируемые 70-80-ми годами X в. [421, с. 138-155]. Историческое значение этой категории археологических находок В. Л. Янин видит в том, что "они наиболее ранними образцами фиксируют применение запечатленных Русской Правдой принципов раздела государственных доходов во времена, отстоящие, по крайней мере, на полвека от первой письменной фиксации "закона русского" [421, с. 153]. Значение этих находок как письменных памятников состоит, как нам кажется, и в том, что наличие в них

слов *емец, гривна, мечник* впервые документирует терминологию Русской Правды. Формирование семантики и лексического состава этой терминологии происходило внутри того древнерусского словарного фонда, в котором наиболее ярко отразились и "основные сферы. русско-скандинавских связей раннесредневекового периода и восточнославянских влияний на культуру скандинавских стран" [247, с. 67 - 68]. Необходимо отметить также, что славянское кириллическое письмо уже к концу X в. утвердилось и в "клинковой эпиграфике" [167, с. 277]. Возвращаясь к буквенным знакам на предметах материальной культуры, найденных в разных точках славянского мира, выделим целый ряд форм, которые могут быть прочитаны как с точки зрения рунического, так и кириллического алфавита. В этом отношении представляет интерес мнение Е. А. Мельниковой о том, что знак N на корчаге из Гнездова, нанесенный слева от славянской надписи и, как правило, выпадавший из поля зрения исследователей надписи, может быть интерпретирован как руна N, "употреблявшаяся с магической целью для пожелания блага и изобилия" [247, с. 67 - 68]. Вместе с тем, знак N может рассматриваться и как кириллический (что допускает и Е. А. Мельникова), а если учесть, что он нанесен на поверхность сосуда, то можно видеть в нем цифровое значение 50 [52, с. 401]. Эта цифра могла обозначать меру емкости сосуда либо порядковый номер керамической тары для вина или масла. Еще один пример двоякой интерпретации буквенных знаков дает материал - знаки на костях - с городища Масковичи в Северо-Западной Белоруссии [106, с. 185 - 216]. То же касается и изображений так называемых "решеток", встречающихся как в составе рунических, так и кириллических надписей, например, на пряслицах первой половины X в. из Белоозера [67, с. 179; 68, с. 19-21]. Одна из последних находок такого рода - знаки на шиферном пряслице из раскопок Е. Н. Носовым Городища под Новгородом. Среди знаков рунического характера на городищенском пряслице четко выделяется группа из трех знаков, два из которых могут быть прочитаны как кириллические буквы и и Ѱ, а третий знак как Ѱ, написанное глаголицей, древнейшим славянским алфавитом [282, с. 45 - 55]. Таким образом, ко времени развития и функционирования "протогородских" центров с их полиэтничным населением относятся различные находки рунических, куфических, кириллических, глаголических, греческих буквенных знаков. Эти знаки использовались в княжеско-дружинной и жреческой среде IX - X вв., по-видимому, в магических целях или как знаки собственности. Открытие граффити на монетах (арабских дирхемах), как считают исследователи, позволяет проследить, на каких уровнях использовалась руническая письменность: в варяжской среде на Руси руны применялись в сакральной, бытовой и, видимо, даже хозяйственно-административной сфере. *Интеграция некоторых знаковых систем* (арабской, греческой, тюркской, скандинавской) "выразилась, видимо, в создании качественно новой графической символики, выражавшей круг военно-дружинных, а затем и государственно-административных понятий (оружие, ладьи, стяги, "знаки Рюриковичей") [167, с. 277]. Конечно, магические рунические надписи могли быть выполнены только скандинавами. Однако анализ материала "смешанного" характера позволяет предположить, что отдельные рунические или "рунообразные" знаки могли быть нанесены и местным славянизированным и даже славянским населением. В результате изучения масковичских надписей на костях животных Е. А. Мельникова пришла к заключению, что они выполнены "в среде славянизированных потомков выходцев из Скандинавии, которые утратили непосредственные живые связи с родиной предков... но в какой-то степени сохранили язык и письменность, правда, в сильно трансформированном и искаженном виде" [106, с. 215]. Равным образом и кириллический алфавит мог оказывать воздействие на руническую письменность. Эпиграфические памятники руническо-кириллического характера относятся ко времени не ранее второй половины IX и X вв. Этот период включает несколько этапов, характеризующихся, в частности, стабилизацией отношений с викингами в Верхней Руси, сложением системы международных путей и центров на Балтике, с участием варягов в объединении Древнерусского государства, появлением их в составе древнерусского боярства, расцветом международных протогородских центров на Руси, странах Балтики и Скандинавии [40, с. 21-22]. Итак, ранний этап в развитии письменной традиции Северной Руси отражает важные черты *процесса этногенеза* в IX - X вв., теснейшим образом связанного со

становлением Древнерусского государства. Этот ранний этап характеризуется освоением различных графических систем, соотносимых с различными языковыми ареалами. Характеризуя славяно-скандинавские отношения в эпоху раннего средневековья, А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев выделяют основные уровни международного сближения славян и скандинавов: материально-ценностный, семантически знаковый, социально-политический, идеологический [167, с. 274-284]. *Семантически-знаковый* уровень особенно важен для нашей темы. Он определяется, по мнению исследователей, взаимодействием "распространением знаковых обозначений, вплоть до совстречаемости славянских (кириллических) и скандинавских (рунических) начертаний" [166, с. 161]. Взаимодействие на семантически-знаковом и в особенности на идеологическом уровнях было обусловлено, видимо, и тем, что, как показывают новейшие исследования, процесс градообразования и становления феодального государства на Руси и в Скандинавии "шел поразительно сходным путем, параллельно и в общих чертах синхронно" [404, с. 99]. В дальнейшем тесные культурно-политические связи Руси с Византией и Болгарией, в особенности после официального утверждения христианства в качестве государственной религии, способствовали значительному расширению функций письменности и возникновению собственной литературно-письменной традиции.

Литература

1. Абдушлишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.
2. Авдусии Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись . // Вестн. АН СССР. 1950. № 4. С. 71-79.
3. Акимов М. С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. // ВА. 1961. Вып. 7.
4. Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М.г 1968.
5. Алексеев В. П. Антропологические исследования в СССР . // СЭ. 1964. № 4.
6. Алексеев В. П. История краниологии народов Восточной Европы и Кавказа. // ТИЭ. 1965. Т. 91.
7. Алексеев В. П. Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков . // СЭ. 1967. № 1.
8. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. // СЭ. 1968. № 2.
9. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.
10. Алексеев В. П. Палеодемография СССР. // СА. 1972. № 1.
11. Алексеев В. П. Антропологические данные и происхождение народов СССР. // Расы и народы. Вып. 3. М., 1973.
12. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
13. Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М" 1984.
14. Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.
15. Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М" 1973.
16. Алексеева Т. И. Антропология и вопросы этнической истории, // ВА. 1973. Вып. 43.
17. Алексеева Т. И. Изучение человеческих рас в советской антропологии ./Расы и народы. Вып. 4. М., 1974.
18. Алихова А. Е. Городища Курского Посеймья. // МИА. 113. М., 1962.
19. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества . // Расы и народы. Вып. 2. М., 1972.
20. Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волиш доби бронзи та раннього заліза. Кшв, 1982.
21. Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1966.
22. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л., 1971.
23. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
24. Баран В. Д. Раннеслов'янське поселення у с. Зелений Гай на Дністрі . // СВУ. 1971. Вып. 1.
25. Бернштейн С. Б. Некоторые вопросы методики изучения проблемы этногенеза славян. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология /Отв. ред. В. Д. Корольюк. М., 1984.
26. Березовец Д. Т. Поселения уличей на Тясмине. // МИА 1963. № 108.
27. Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. // МИА. 1969. № 170.
28. Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
29. Блифсльд Д. И. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине . // КСИАНУ. 1952. № 1.
30. Бобрииский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978.
31. Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. // ИОЛЕАЭ. 1867. Т. IV. Вып. 1.
32. Богомольников В. В. Раскопки в Чечерске и Нисимковичах . // АО 1981. М., 1982.
33. Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия. // СЭ. 1969. № 6.
34. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
35. Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. Н. О работах Староладожского отряда, // АО. 1971. М., 1972.
36. Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) . // Культура средневековой Руси / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л., 1974.
37. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1978.
38. Булкин В. А. О формировании границ в области Днепро-Двинского междуречья . // Археологическое исследование Новгородской земли / Отв. ред. Г. С. Лебедев. Л., 1984.
39. Булкин В. А., Мачинский Д. Л. Русь конца VIII -начала X вв. на балтоволжском и балто-докском путях . // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов): Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар, 1986.
40. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: новый этап изучения. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1987. Вып. 3.
41. Бунак В. В. Фотопортреты как материал для определения вариаций головы и лица . // СА. 1959. № 2.
42. Бунак В. В. Очерк исследований по этнической краниологии русского населения, выполненных до 1950 г.: Происхождение и этническая история русского

народа (по антропологическим данным),. // ТИЭ: 1965. Т. 88. 43. Бутинов Н. А. Этнолингвистические группы на Новой Гвинее . // СЭ. 1962. № 3. 44. Бычков Н. В. Исследования в Гомельской области. // АО 1983. М., 1984. 45. Вергей В. С. Исследования в Брестской области . // АО 1980. М., 1981. 46. Вергей В. С. Работы в Пинском и Лиозненском районах . // АО 1981. М" 1982. 47. Вергей В. С. Раскопки в дер. Городище. // АО 1983. М" 1984. 48. Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов. // СА. 1972. № 4. 49. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. 50. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. 51. Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология народов Восточной Прибалтики. // ТПОКЭ. Вып. 1. М., 1959. 52. Высоцкий С. А. Новое в археологии Киева. Киев, 1981. 53. Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965. 54. Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана. М., 1965. 55. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 т. Тбилиси, 1984. 56. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. 57. Герд А. С., Мокиенко В. М. К проблеме членения славянских диалектов . // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / Отв. ред. С. И. Брук. Л., 1977. 58. Герд А. С. История регионального языка и историческая диалектология . // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда, 1983. 59. Герд А. С., Мокиенко В. М. О севернорусской лексике в псковских говорах. // Эволюция лингвистической системы севернорусских говоров /Отв. ред. Ю.И. Чайкина. Вологда, 1984. 60. Герд А. С., Мокиенко В. М. Из псковско-брянских лексических параллелей . // Брянские говоры. Л., 1985. 61. Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рож-дественская Т. В. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза . // СЭ. 1985. № 6. 62. Герд А. С. Лингвистические данные к истории Пскова J J Археология Пскова и Псковской земли,/ Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1985. 63. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. 64. Глазыриина Г. В. Материалы для изучения исторической географии Восточной Европы, содержащиеся в скандинавских сагах о древних временах . // ТД X СК. М" 1986. 65. Глазыриина Г. В., Д ж а к с о н Т. Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности . // ТД V МКСА. М., 1985. 66. Глазыриина Г. В., Д ж а к с о н Т. Н. Из истории Старой Ладogi (на материалах скандинавских саг) . // ДГ 1985. М., 1986. 67. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв. М., 1973. 68. Голубева Л. А. Граффити и знаки пряслиц, из Белоозера . // Культура средневековой Руси /Отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л., 1974. 69. Гончаров В. К. Лука-Райковецкая. // МИА. 1963. № 108. 70. Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского единства. М., 1963. 71. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. 72. Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. Л., 1960. 73. Граудони с Я. Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967. 74. Граудонис Я. Я- Штрихованная керамика на территории Латвийской ССР и некоторые вопросы этногенеза балтов . // Из древнейшей истории балтских народов /Отв. ред. Д. А. Крайнов. Рига, 1980. 75. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. 76. Гуревич Е. А. Древнеисландская юэтическая синонимика. Традиция и ее ученое осмысление в XII-XIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1984. 77. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. 78. Гурин М. Ф. Раскопки селища у д. Черничи,. // АО 1982. М., 1983. 79. Гурьи М. Ф., Лашанкоу М. I. Гарадзішча Ліпнякі . // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1984. № 2. 80. Давида О. И. Бронзолитейное дело в Ладогe. // АС ГЭ. 1980. Вып. 21. 81. Даниленко В. Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. // Д VI НК ИА АН УССР. Киев, 1953. 82. Даниленко В. М. Дислщження пам'яток шдпрського та боб-рицького тишв на Кшвциш в 1950 р.. // АП УРСР. 1956. Вып. VI. 86. Даугутис В. В. Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве. // LTSRMAD. Ser. A. 1966. № 3(32). 84. Дебец Г. Ф. Расы, языки, культуры: Наука о расах и расизм. // Тр. НИИА МГУ. 1938. Вып. IV. 85. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. 86. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области . // ТИЭ. 1951. Т. XVIII. 87. Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза . // СЭ. 1952. № 1. 88. Дебец Б. Ф. Этническая антропология в

работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (петербургская и московская школы) . // ,ТИЭ. 1963. Т. 85. 89. Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975. 90. Денисова Р. Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига, 1977. 91. Джексон Т. Н. О названии Руси Crardar . // SS. 1984. Т. 30. 92. Джексон Т. Н. Русско-скандинавские отношения IX-XI вв. в то-понимическом освещении: Древнескандинавские топонимы с корнем -aust . // ТД Х СК. М., 1986. 93. Джексон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности . // ДГ 1984. М., 1985. 94. Джексон Т. Н. Syrnes и Gardar: Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси . // SS. 1986. Т. 32. 95. Джексон Т. Н. Наименования Древней Руси и Новгорода в древ-нескандинавской письменности: О возникновении топонимов Gardar и Holm- gardar . // СС. 1986. Вып. 30. 96. Джексон Т. Н. Древнескандинавская топонимия с корнем -aust- . // СС. 1987. Вып. 31. 97. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К- Новые источники по истории Древней Руси. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1978. Вып. 2. 98. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В. Новая находка граффити на куфической монете . // Вести. Ленингр. ун-та. 1982. Вып. 2. 99. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. 100. Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI-X вв. . // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массой. Л., 1985. 101. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984. 102. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Текст, перевод, комментарий / Сост. Г. В. Глазырииа, Т. Н. Джексон. М., 1987. 103. Дробушевский А. И. Разведки в Корманском и Чечерском районах Гомельской области. // АО 1982. М., 1983. 104. Дубицкая Н. Н. Раскопки на Припяти. // АО 1983. М., 1984. 105. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. 106. Дучид Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия). // ДГ 1980. М., 1982. 107. Дучиц Л. В. Финно-скандинавские находки на территории Белоруссии. // ТД Х СК. М., 1986. 108. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. 109. Дяченко В. Д. Антрополопчий склад украшского народу. КиГв, 1965. 110. Егорейченко А. А. Обследование памятников в бассейнах Лани и Птичи . // АО 1977. М., 1978. 111. Егорейченко А. А. Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке . // КСИА. 1980. № 162. 112. Егорейченко А. А. Работы в Белорусском Полесье. // АО 1979. М" 1980. 113. Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // СА. 1982. № 1. 114. Егорейченко А. А. Раскопки городища у дер. Ивань . // АО 1981. М., 1982. 115. Егорейченко А. А. Иваньское городище: Древнерусское государство и славяне / Отв. ред. Л. В. Поболь. Минск, 1983. 116. Егорейченко А. А. Раскопки городища у дер. Ивань // АО 1982. М" 1983. 117. Егорейченко А. А. Раскопки в Ивани. // АО 1983. М., 1984. 118. Егорейченко А. А., Скрипченко Т. С. Исследования памятников раннего железного века в Белорусском Полесье . // АО 1978. М., 1979. 119. Еременко В. Е. Хронология латенских импортов к востоку от Карпат (в печати). 120. Журавлев В. К. К проблеме балто-славянских языковых отношений . // Ballislica. 1968. № 4. 121. Заверняев Ф. М. Поселение эпохи бронзы на Деспе . // КСИАУ. 1960. № 10. 122. Заверняев Ф. М. Почепское селище. // МИА. 1969. № 160. 123. Загорульский И. М. Раскопки в Рогачеве. // АО 1973. М., 1974. 124. Залашко Г. М. Работы в Мозырском и Слуцком районах. // АО 1979. М., 1980. 125. Залашко Г. М. Изучение памятников раннего железа на правобережье Припяти . // АО 1980. М" 1981. 126. Залашко Г. М. Скарбы сюфаах кургану. // ПГКБ. 1982. № 3. 127. Залашко Г. М. Изучение древностей в бассейнах Горыни и Ствиги. // АО 1981. М" 1982. 128. Залашко Г. М. Помнш ранняга железнага веку на правабярэж- жи Прыпящ . // Весцц АН БССР. Сер. грамадаих навук. 1983. № 2. 129. Залашко Г. М. Исследования в Белорусском Полесье. // АО 1982. М., 1983. 130. Залашко Г. М., Булкин В. А. Городище Кимбаровка . // АО 1983. М., 1984. 131. Залашко Г. М., Еременко В. Е. Новый зарубинецкий могильник на Полесье . // СА. 1984. № 2. 132. Залашко Г. М., Еременко В. Е. Исследования в южной Бе-лоруссии. // АО 1986. М., 1984. 133. Залашко Г. М., Еременко В. Е. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднеировье: Хозяйство и культура доклассовых обществ. // Тез. докл. III конференции молодых ученых. М., 1986. 134. Залкинд Н. Г. Московская школа антропологов. М. 1974. 135. Зверуго Я. Г. Раскопки Гораньского городища. // АО 1980. М., 1981. 136.

Земцовский И. И. К изучению музыкальных связей в русском фольклоре II РФ. 1968. Т. XI. 137. Земцовский И. И. Этногенез в свете музыкального фольклора . // НС. 1969. Т. 8. Вып. 29-32. 138. Земцовский И. И. О значении болгарского фольклора в исследовании русской народной музыки . // Болгария - СССР: диалог о музыке. М., 1972. 139. Земцовский И. И. Общеславянские элементы в музыкальном фольклоре II НС. 1974. Т. 13. Вып. 49-52. 140. Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975. 141. Земцовский И. И. Академик Б. В. Асафьев как этномузыковед (к 100-летию со дня рождения) . // СЭ. 1984. № 5. 142. Земцовский И. И. Этномузыковедческий взгляд на балто-славянскую похоронную причеть в индоевропейском контексте. // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. М., 1985. 143. Зиневич Г. П. Антропологические особенности древнего населения Украины. Киев, 1964. 144. Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973. 145. Зубов А. А., Халдеев А. Н. И. Одонтологическое исследование луговых и горных мари . // Новые исследования по антропологии марицев. М., 1979. 146. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. // Докл. V МСС. М., 1958. 147. Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. 148. Иессеи А. А. Из исторического прошлого мильско-карабахской степи. // МИА. 1965. № 125. 149. Ильинская В. А. Поселение комаровской культуры у с. Мошны . // КСИАУ. 1965. Вып. 10. 150. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968. 151. Іллінська В. А. Броїзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів . // Археологія. 1973. № 12. 152. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975. 153. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э. Киев, 1983. 154. Илютик А. В. Исследования в Поднепровье. // АО 1983. М., 1984. 155. Исаеико В. Ф. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 3: Памятники бронзового века. Минск, 1976. 156. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970. 157. Исмагулов О. Этническая геногеография Казахстана. Алма-Ата, 1977. 158. Казакевичус В. Редкая форма наконечников копий на территории Литвы. // Древности Литвы и Белоруссии /Отв. ред. Л. Поболь, А. Таутавичус. Вильнюс, 1988. 159. Каменецкая Е. В. Раскопки в Гнездове . // АО 1980. М., 1981. 160. Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья. // СА 1976. № 3. 161. Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры. // СА. 1981. № 2. 162. Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена . // АСГЭ. 1984. Вып. 25. 163. Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения . // КСИА. 1980. Вып. 160. 164. Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) . // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985. 165. Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги . // Средневековая Ладога / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985. 166. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Славяне и скандинавы в эпоху раннего средневековья (проблемы интеграции и периодизации культур) . // ТД X СК. М" 1986. 167. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: Русско-скандинавские отношения домонгольского времени . // Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1986. 168. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. 169. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981. 170. Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подштровч і Західному Побужжж Кшв, 1984. 171. Козенкова В. И. ТИПОЛОГИЯ И хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант . // САИ. Вып. В2-5. М., 1982. 172. Козинцев А. Г. Проблемы расоведения в работах Г. Ф. Дебеца . // Расы и народы. Вып. 7. 1977. 173. Колосовская Ю. К. К вопросу об агафирсах. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья /Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1984. 174. Кольчатов В. А. О времени заселения Ижорского плато. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр, Г. С. Лебедев. Л., 1982. 175. Комша М. Проникновение славян на территорию РНДР. // Тр. VII МКАЭН: В 7 т. Т. 5. М., 1970. 176. Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972. 177. Кондукторова

Т. С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и бронзы. М., 1973. 178. Конечкий В. Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тыс. н. э.: Автореф. канд. дисс. Л., 1984. 179. Конечкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли. // Археологические исследования Новгородской земли / Отв. ред. Г. С. Лебедев. Л., 1984. 180. Конечкий В. Я. О "каменных кругах" Юго-Западного Приильменья. // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1985. 181. Конопля В. М. Разведки в Ровенской области. // АО 1980. М., 1981. 182. Конопля В. М., Охрименко Г. В. Разведки на территории Западной Волыни. // АО 1977. М., 1978. 183. Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половины VI в. в Среднем Поднепровье. // САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978. 184. Коробушкина Т. Н. Обследование Хойникского района Гомельской области. // АО 1976. М., 1977. 185. Коробушкина Т. Н. Обследование Стародорожского района Минской области. // АО 1980. М., 1981. 186. Краснов Ю. А. Ранняя история сохи. // СА. 1986. № 1. 187. Крушельницкая Л. Г. Памятки могильного типа. // Археолог. 1974. № 13. 188. Кузнецов Г. А., Шекун А. В., Шуляк В. В. Исследования в окрестностях Чернигова. // АО 1976. М., 1977. 189. Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиата. // СС. 1977. 190. Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. // САИ. Вып. Д1-29. М., 1961. 191. Кухаренко Ю. В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян. // Полесье: Лингвистика, археология, топонимика / Отв. ред. В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М., 1968. 192. Кухаренко Ю. В. Погребение у с. Пересыпки. // МИА. 1970. № 170. 193. Кучера М. П. Городища милоградской культуры в Кшвському Полюа. // Археолог. 1976. № 20. 194. Корольок В. Д. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X-XII вв.. // История, культура и этнография славянских народов. М., 1968. 195. Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей. // СЭ. 1986. № 3. 196. Крюков М. В. Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей. // СЭ. 1986. № 5. 197. Кузнецова А. И. Малые народы и национальные меньшинства (к постановке вопроса). // Расы и народы. 1981. Вып. 11. 198. Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. 199. Лебедев Г. С. Путь из варяг в греки. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1975. № 20. 200. Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жалынык. // Проблемы археологии. Вып. 2 / Отв. ред. А. Д. Столяр, Л. С. Клейн. Л., 1978. 201. Лебедев Г. С. О времени появления славян на Северо-Западе и Северной Руси и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр, Г. С. Лебедев. Л., 1982. 202. Лебедев Г. С. Северные восточнославянские племена (к постановке вопроса о связях внутри славянского мира). // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1985. 203. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. 204. Левин М. Г. Этническая антропология народов Дальнего Востока. // ТИЭ. 1958. Т. 36. 205. Левин М. Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960. 206. Левин М. Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник. // СЭ. 1961. № 1. 207. Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в.. // КСИА. 1986, Вып. 183. 208. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965. 209. Лінгвістична географія і групування беларуських говорок. Мінськ, 1968. 210. Лошенко М. И. Болотное городище у дер. Ястребка. // АО 1978. М., 1979. 211. Лошенко М. И. Раскопки болотного городища в бассейне реки Брагинки. // АО 1979. М., 1980. 212. Лошенко М. И. Работы в среднем течении р. Ведрич. // АО 1981. М., 1982. 213. Лошенко М. И. Работы в бассейне р. Ведрич. // АО 1982. М., 1983. 214. Лошенко М. И. Работы в Речицком районе Гомельской области. // АО 1983. М., 1984. 215. Лошенко М. И., Богомолья и Ков В. В. Раскопки городища у с. Лиски. // АО 1980. М., 1981. 216. Лошенко М. И., Залашко Г. М. Работы Полесского отряда на Гомельщине. // АО 1977. М., 1978. 217. Лухтан А. Б., Ушинская В. А. Территория "Литовской земли" во второй половине I - начале II тыс. н. э.: Археология и история Пскова и Псковской земли. // Тез. докл. Псков, 1986. 218. Лявданский А. Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. // СГАИМК. 1932. № 7-8. 219. Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. 220. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. Глоттогенез славян. М., 1983. 221. Мартынов В. В. Глоттогенез славян: Опыт верификации в ком-

паративистике // ВЯ. 1985. № 6. 222. Мартынов В. В. Пруско-славянские эксклюзивные изоглоссы: Этимология-1982. М., 1985. 223. Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. // СЭ. 1970. № 6. 224. Марк К. Ю. Этническая антропология мордвы: Вопросы этнической истории мордовского народа. // ТИЭ. 1960. Т. 13. 225. Марк К. Ю. Антропология прибалтийско-финских народов. Таллин, 1975. 226. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 227. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельству античных письменных источников. // АСГЭ. 1971. Вып. 13. 228. Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I-VI. веках. // АСГЭ. 1976. Вып. 17. 229. Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян в I-VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам). // ААС, 1976. Т. XVI. 230. Мачинский Д. А. "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии. // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора / Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1981. 231. Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр, Г. С. Лебедев. Л., 1982. 232. Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности). // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1986. 233. Мачинский Д. А. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства. // АСГЭ. 1988. Вып. 29. 234. Медведев А. Ф. Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода. Славяне и Русь. М., 1968. 235. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979. 236. Медынцева А. А. Начало письменности на Руси по археологическим данным. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX МСС, докл. сов. делегации. М., 1983. 237. Международный съезд славистов IV. Материалы дискуссий: В 2 т. Т. 2. М., 1962. 238. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва, 1938. 239. Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. // СА. 1955. № 22. 240. Мелюков А. И. Вооружение скифов. // САИ. Вып. Д1-4. М., 1968. 241. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. 242. Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях. // ДГ 1975. М., 1976. 243. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977. 244. Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР. // ДГ 1981. М., 1983. 245. Мельникова Е. А. Этнонимика севера европейской части СССР по древнескандинавской письменности и Повести временных лет. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр, Г. С. Лебедев. Л., 1982. 246. Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в.. // ДГ 1982. М" 1984. 247. Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке. // ДГ 1982. М" 1984. 248. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Культурно-исторические взаимосвязи Восточной Сибири и Скандинавии в раннее средневековье. // ТД IX СК. Ч. 1. Тарту, 1982. 249. Мельникова Е. А., Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнескандинавские письменные источники по истории Европейского региона СССР. // ВИ. 1985. № 10. 250. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. 251. Мельниковская О. Н. Клад браслетов в дер. Горошков (южная Белоруссия). // ВДИ. 1956. № 1. 252. Мельниковская О. Н. Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии. // МА БССР. Минск, 1957. Вып. 1. 253. Мельниковская О. Н. Древнейшие городища южной Белоруссии и КСИИМК. 1957. Вып. 70. 254. Мельниковская О. Н. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в южной Белоруссии. // СА. 1962. № 1. 255. Мельниковская О. Н. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в южной Белоруссии. // СА. 1963. № 1. 256. Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967. 257. Мещанинов И. И. О пользовании этнографическим материалом при археологических работах. // ИООИА. Бак/, 1928. № 5. 258. Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом -гост, -гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения).

// Археологическое исследование Новгородской земли /Отв. ред. Г. С. Лебедев. Л., 1984. 259. Минасян Р. С. Железные ножи с волутообразным навершием . // Проблемы археологии / Отв. ред. А. Д. Столяр, Л. С. Клейн. 1978. Вып. 2. 260. Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья . // АСГЭ. 1980. Вып. 30. 261. Минасян Р. С. Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы: Автореф. канд. дис. Л., 1980. 262. Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных . // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья /Отв. ред. А. Д. Столяр, Г. С. Лебедев. Л., 1982. 263. Миролубов М. А. Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладogi . // АСГЭ. 1976. Вып. 17., 264. Митрофанов А. Г. Городище в Вязинке. // МИА БССР. Минск, 1957. Вып. 1. 265. Митрофанов А. Г. Изучение городища и селища близ дер. Городище . // АО 1972. М., 1973. 266. Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VII- VI вв. до н. э. - VIII в. н. э.). Минск, 1978. 267. Митрофанов А. Г. Археологические памятники восточных бал- тов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. - IX в. н.э.) . // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии) /Отв. ред. Д. А. Крайнов. Рига, 1980. 268. Мурзин В.. 10. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. 269. Мэтьюс В. К. О взаимоотношении славянских и балтийских языков //СФ. 1958. Вып. 1. 270. Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун . // Средневековая Ладога / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985. 271. Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977. 272. Непокупный А. П. Географические термины и топонимы. Украинского Полесья и балтийские (иранские) названия рельефа // Baltistica. 1970. Т. VI. 273. Непокупим А. П. БалтШсько-украТнськи взаємозвязки і па- ралел!., // Пдрон1м1я УкраТни в И м1жмовних і м1жд1алектних зв'язках. КиУв, 1981. 274. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э.,//МИА. 1959. Вып. 72. 275. Никольская Т. Н. Археологические раскопки в 1961-1962 гг. в Калужской области . // КСИА. 1964. Вып. 102. 276. Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли,//ВИД. 1974. Т. VI. 277. Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1977. 278. Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении). // НИС. 1982, № 1 (XI). 279. Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII-X вв.. // Археологическое исследование Новгородской земли / Отв. ред. Г. С. Лебедев. Л., 1984. 280. Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) . // НИС. 1984. № 11 (XII). 281. Носов Е. Н. Продолжение исследования Рюрикова Городища. // АО 1983. М., 1984. 282. Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X века с "Рюрикова" Городища (вопросы интерпретации). // ВИД. 1987. Т. XVIII. 283. Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: Автореф. канд. дис. М., 1973. 284. Орлов С. Н. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладoge. // СА. 1960. № 2. 285. Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода . // НИС. Новгород, 1961. № X. 286. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967. 287. Откупщиков Ю. В. Этимологические этюды . // РУССКИЙ язык в школе. 1973. № 3. 288. Откупщиков Ю. В. Балтийские и славянские прилагательные с -и- основой. // Baltistica. 1983. Т. XIX, № 1. 289. Откупщиков Ю. В. Закон Лахмана в свете индоевропейских данных. // ВЯ. 1984. № 2. 290. Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953. 291. Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ереван, 1957-1959. Ч. 1-3. 292. Павловский О. М., Перевозчиков И. В. Обобщенные фото-портреты некоторых групп населения Средней Азии. // ВА. 1977. № 57. 293. Пелешин Н. А. Раскопки у с. Хорив на Волыни. // АО 1974. М., 1975. 294. Перевозчиков И. В. К проблеме определения группоспецифических веществ крови в ископаемом материале. // ВА. 1971. № 38. 295. Перевозчиков И. В. Определение групп крови в ископаемом материале. // ВА. 1975. № 50. 296. Перхавко В. Б. Исследования раннесредневековых поселений Южной Белоруссии. // АО 1976. М" 1977. 297. Петренко В. Г. Украшения Скчфии . // САИ. Вып. flIV-5. М" 1978. 298. Петренко В. П. Некоторые итоги изучения сопки северного По-

волховья. // Новое в археологии Северо-Запада СССР /Отв. ред. В. М. Масон. Л., 1985. 299. Петренко В. П. Классификация сопки Северного Поволховья. // Средневековая Ладога /Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985. 300. Петровська Э. О. Пщпрщвсьш памятки Ки1вського Придш- провя. // Археолопя. 1971. № 2. 301. Петровская Е. А. Находки скифского времени у с. Казаровичи Киевской области. // АИУ. 1971. Вып. III. 302. Петрухин В. Я. О картине мира у язычников скандинавов (по "памятным камням" V-XI вв.). // СС. 1973. № 18. 303. Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-X вв.). // ДГ 1981. М., 1983. 304. Плейнерова М.; О характере раннеславянских поселений пражского и корчаковского типов. // СА. 1980. № 2. 305. Поболь Л. Д. Поселение железного века около Шатково Боб- бруйского района. // БД. Минск, 1967. 306. Поболь Л. Д. Древности Туровщины. Минск, 1969. 307. Поболь Л. Д. Городище Кистени. // Древние славяне и их соседи /Отв. ред. П. Н. Третьяков. М., 1970. 308. Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии: Ранний этап зарубинецкой культуры. Минск, 1971. 309. Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии: Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры. Минск, 1973. 310. Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии: Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры - с середины III в. до н. э. по начало II в. и. э. Минск, 1974. 311. Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск, 1983. 312. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. 313. Полесье (лингвистика, археология, топонимика)/Отв. ред. В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М., 1968. 314. Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973. 315. Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973. 316. Приходнюк О. М. Археологические памятники Среднего Придш- провя VI-IX ст. н. е. Кшв, 1980. 317. Приходнюк О. М. Основные итоги изучения пеньковской культуры. // ААС. 1985. Т. XXIV. 318. Происхождение и этническая история русского народа (по антропологическим данным). // ТИЭ. 1965. Т. 88. 319. Пузикова А. И. Марицкое городище в Посемье. М., 1981. 320. Пузикова А. И. Раскопки городища Переверзево I в 1979 г.. // КСИА. 1982. Вып. 170. 321. Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924. 322. Равдоникас В. И. Старая Ладога: В 2 ч. Ч. 2. // СА. 1950. Т. XII, 323. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М" 1985. 324. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья /Отв. ред. В. Д. Королюк. М" 1982. 325. Рассадин С. Е. Разведки в Посожье. // АО 1980. М., 1983. 326. Рассадзин С. Я. На старожгных гарадишчах. // ПГК.Б. 1982. № 3. 327. Рассадин С. Е. Работы в Гомельской области. // АО 1982. 1983. 328. Росинас А. Существовали ли притяжательные местоимения в общебалтийском J J БСИ 1983. М., 1984. 329. Русанова И. П. Славянские древности VI-VII вв.: Культура пражского типа. М., 1976. 330. Русанова И. П., Тимошук Б. Л. Кодын - славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут. М., 1984. 331. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М" 1979. 332. Рыбалова В. Д. О хронологии памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. // АСГЭ. 1961. Вып. 2. 333. Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций: Древние изоляты Памира. М., 1969. 334. Рябини Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) . // Средневековая Ладога/Отв. ред. В. В. "Седов. Л., 1985. 335. Савчук А. П. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине. // КСИАУ. 1952. Вып. 1. 336. Саливон И. И., Тегако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976. 337. Самойловский И. М. Корчеватовский могильник/,/МИА. 1970. Вып. 70. 338. СвэшніковІ. К. Памятки милоградської культури в басейні р. Горинь. // Археолопя. 1971. № 2. 339. Свешников И. К. Работы Ровенской экспедиции. // АО 1972. М., 1973. 340. Седов В. В. Городище Церковище. // КСИА. 1964. Вып. 102. 341. Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье. // СА. 1965. № 4. 342. Седов В. В. Новгородские сопки. // САИ.. Вып. EI-8. М., 1970. 343. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. 344. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. 345. Седов В. В. Первый международный симпозиум по славянскому язычеству. // КСИА. 1981. Вып. 164. 346. Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв.. // Археология СССР / Под общей ред. Б. А. Рыбакова. Мм 1982. 347. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. 348. Славяне и скандинавы /Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1986. 349. Соболев В. Е. Обследование памятников на Гомельщине. // АО

1975. М" 1976. 350. Современные этнические процессы в СССР./Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1977. 351. Соловьева Г. Ф. Раскопки славянских памятников XI-XII вв. в Гомельской области . // АО 1968. М., 1969. 352. Спицын А. А. Сопки и жальники. // ЗРАО. 1899. Т. II. Вып. 1-2. 353. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным . // ЖМНП. 1899. Вып. 8. 354. Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории . // Сборник статей по русской истории в честь С. Ф. Платонова. Пг., 1922. 355. Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985. 356. Сымонович Э. А. Раскопки городища Колочин I в южной Белоруссии // КСИИМК. 1951. Вып. 77. 357. Сымонович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине. // МИА! 1963. Вып. 108. 358. Таутавичус А. З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. . // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии) /Отв. ред. Д. А. Крайнов. Рига, 1980. 359. Тегако Л. И., Микулин А. И., Саливон И. И. Антропология Белорусского Полесья. Минск, 1978. 360. Тегако Л. И. Антропологические исследования в Белоруссии. Минск, 1979. 361. Телегин Д. Я. Обследование памятников в зоне Каневского водохранилища в Надпорожье . // АО 1979. М., 1980. 362. Терещук К. И., Терещук Л. К. Багатотарове поселения в Хмельницкой области Археолопя. 1985. № 49. 363. Терпиловский Р. В. О характере контактов киевской и Черняховской культур. // КСИА. 1984. Вып. 178. 364. Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984. 365. Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. Минск, 1983. 366. Ткачев М. А. Работы в Белорусском Посожье. // АО 1975. М., 1976. 367. Ткачев М. А. Работы Посожского отряда//АО 1976. М., 1977. 368. Толстой Н. И. О лингвистическом изучении Полесья/Полесье (лингвистика, археология, топонимика). // Отв. ред. В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М., 1968. 369. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. 370. Топоров В. Н. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. // Baltistica. 1966. Т. 1 (2). 371. Топоров В. (Н.). Вступительные замечания (Категории времени и пространства и балтийское языкознание) . // Этнолингвистические контакты в прошлом и настоящем: Предварительные материалы /Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 1978. 372. Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: Результаты и перспективы . // БСИ 1982. М., 1983. 373. Топоров В. Н. Oium Иордана (Getica 27-28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье . // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья /Отв. ред. В. Д. Корольюк. М., 1984. 374. Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным//СА. 1937. Т. VI. 375. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.; "П.", 1953. 376. Третьяков П. Н. Чаплинское городище. // МИА. 1959. Вып. 70. 377. Третьяков П. Н. Моховское второе городище. // КСИА. 1960. № 81. 378. Третьяков П. Н. О некоторых бронзовых изделиях раннего железного века из Верхнего Поднепровья . // Studia archeologica in memoria H. Moos. Tallinn, 1970. 379. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М., 1963. 380. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966. 381. Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. 382. Трубачев О. Н. Славянские этимологии 1-7. // ВСЯ. 1957. Вып. 2. 383. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. 384. Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы-свидетели миграции славян . // ВЯ. 1974. № 6. 385. Трубачев О. Н. Словник прародителів Українці. Кшв, 1979 (Ред.). // ВЯ. 1980. № 6. 386. Трубачев О. Н. Реплика по балто-славянскому вопросу. // БСИ 1980. М. 1981. 387. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне, по данным этимологии и ономастики. // Славянское языкознание: IX МСС. М. 1983. 388. Труды Новгородской экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. В 3 т.. // МИА. 1956. Вып. 55; 1959. Вып. 65; 1963. Вып. 117. 389. Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь. М., 1968. 390. Ушинская В. А. Формирование раннегосударственной территории Литвы I-XIII вв. (по данным археологии): Автореф. канд. дис. Л., 1988. 391. Фабрицус И. Тясминська експедиція // АП УРСР. 1949. Вып. 2. 392. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. Л., 1982. 393. Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. 394. Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга . // Раннесредневековые

восточнославянские древности / Отв. ред. П. Н. Третьяков. Л., 1974. 395. Харузин Н. К вопросу об ассимиляционной способности русского народа. // ЭО. 1894. № 4. 396. Хвошинская Н. В. К вопросу о древних захоронениях в Води. // КСИА. 1983. № 175. 397. Хитъ Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983. 398. Цветкова Н. Н. Антропологическая фотография как источник для исследований по этнической антропологии: Автореф. канд. дис. М., 1976. 399. Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. // МИА. 1941. Вып. 6. 400. Членова Н. Л. Могильник VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском. // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. Д. Г. Шелов. М., 1984. 401. Шадыро В. Г. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985. 402. Шаги К. Остроготы (остготы) в окрестностях озера Балатон: Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982. 403. Шаскольский И. П. Этническая структура Новгородского государства. // Восточная Европа в древности и средневековье / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. 404. Шаскольский И. П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ. 1985. М., 1986. 405. Шекун А. В. Работы Черниговской областной археологической экспедиции. // АО. 1980. М., 1981. 406. Шекун А. В. Исследования на Черниговщине. // АО. 1981. М., 1982. 407. Шекун А. В. Исследования в Черниговской области. // АО. 1982. М., 1983. 408. Шекун А. В., Крицкая И. В., Кузнецов Г. А., Шуляк В. В. Новые раскопки на Черниговщине. // АО. 1977. М., 1978. 409. Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской области, Смоленск, 1976. 410. Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1. Смоленск, 1982; Ч. 2. Смоленск, 1983. 411. Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии: В 3 вып. Вып. 2. Минск, 1971. 412. Штыхов Г. В. Обследование городищ и курганов в Речицком районе. // АО. 1976. М., 1977. 413. Шут К. П. Городище Дворище. Вопросы истории: Тез. докл. XII конф. молодых ученых Белоруссии. Минск, 1969. 414. Щукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. // АСГЭ. 1972. Вып. 14. 415. Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II-IV вв. (перспективы ретроспективного метода) // АСГЭ. 1976. Вып. 17. 416. Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и Черняховская культура. // АСГЭ. 1977. Вып. 18. 417. Щукин М. Б. О датировках узких и датировках Широких. // Проблемы археологии. Вып. 2 / Отв. ред. А. Д. Столяр, Л. С. Клейн. Л., 1978. 418. Щукин М. Б. Готы и готы, Готискандза и Ойум. // ТДХСК. М., 1986. 419. Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии" М., 1974. 420. Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). // История СССР. 1971. № 2. 421. Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М., 1982. 422. Arbman H. Birka, Sveriges äldsta handelsstad. Stockholm, 1939. S. 125. 423. Arbman H. Birka I. Die Gräber. Stockholm, 1940/43. 424. Arbman H. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937. 425. Arbman H. Skandinavisk Handverk in Rußland zur Wikingerzeit. // MLUHM. 1959. 426. Bechtel Fr. Lexilogus zu Homer. Halle a. d. Saale, 1914. 427. Bencard M. (Hrsg.). Ribe Excavations 1, 1981. 428. Bierbrauer V. Kontinuitätsproblem im Mittel- und Ostalpenraum zwischen dem IV. und VII. Jh... // BzL. 1979. Bd 53, H. 2. 429. Bruckner A. Die slawischgn Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877. 430. Buga K. Rinkiniai rasti: In 3 t. T. 2. Vilnius, 1959. 431. Calme r J. Production Site and Market Area. // MLUHM 1981- 1982. 432. Capelle T. Der Metallschmuck von Haithabu. // Studien zur wikingischen Metallkunst. Neumiinster. 1968. 433. Capelle T. Karolingischer Schmuck in der Tschechoslowakei. // SA. 1968. 16/1. 434. Capelle T. Kleeblattfibeln und Zierketten. // Fornvannen. 1968. N 63. 435. Capelle T. Zur Verbreitung wikingischer Güßformen. // FS. 1979. N 13. Fig. 2. 436. Capelle T., V i e r k H. Modeln der Merowinger und Wikingerzeit. // FS. 1971. N 5. S. 98f. 437. Cerniauskas M. Noliškių (Siaulių raj.) pilkapių tyrinėjimai 1973 ir 1975 metais J J ATL. 1978. 438. Chantraine P. Sur quelques composés sigmatiques en-*)<; (oe&arj;, compes en- ket, sfi.ueuss) Melanges linguistiques offerts a Ernile Benveniste. Paris, 1975. 439. Chantraine P. La formation des noms en Grec ancien. Paris, 1933. 440. Csallany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mittel- donau-becken (454-568). Budapest, 1961. 441. Daniiaitė E. Bruksniutosios keramikos isnykimo Lietuvoje klausimu. // LTSR MAD. Ser. A. 1967. N 1 (23). 442. Daniiaitė E. Lietuvos bruksniutosios keramikos ornamentas. // LTSR MAD. Ser. A. 1968. N 1 (26). 443. Duczko W. Slaviskt och gotlandskt smide i adla

metaller. // *Gutar och vikingar* / Ad. I. Jansson. Stockholm, 1983. S. 335. 444. Duszko W. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. Birka V. Stockholm, 1985. S. 66ff. 445. Eckert R. Zur Frage der friihen Lehnbeziehungen zwischen Sia- wisch und Baltisch. // *Baltistica*. 1973. T. IX(1). 446. Endzeiin J. Lettische Grammatik. Riga, 1922. 447. Frankel E. Geschichte der griechischen Nomina agentis auf xrfi, -xwp, -zrj<; -x In 2 T. Teil. 1. Strassuburg, 1910. 448. Frisk H. Griechischen etymologisches Worterbuch: In 3 Bd. Lief. 5. Heidelberg, 1957. 449. Gerullis G. Der blosser Tiernamen als Gewasserbezeichnung im baltischen. // *SB*. 1933. Vol. 3. 450. Gimbutiene M. Baltai priesistoriniai laikais. Vilnius, 1985. 451. Godlowski K. Des Aufhoren der germanischen Kulturen an der Mittleren Donau und das Problem des Vordringes der Slawen. // *JOAW*. 1980. N 145. 452. Gorska J. Badania archeologiczne \\\v Puszczy Bialowieskiej. // *AP*. 453. Hachmann R., Kossack G., Kiihn H. Volker zwischen Ger- manen und Kelten. Neumiinster, 1962. 454. Hats G. Handel und Verkehr zwischen dem Deutschen Reich und Schweden in der spaten Wikingerzeit. Stockholm, 1974. S. 172. 455. Henkey G., Kalmar S. Heves Megye: Palocok Etnikai Emper- tani Vizsgalata. Eger, 1979. 456. Hensel W. Die Slawen im friihen Mittelalter. Ihre materielle Kul- tur. Berlin, 1965. S. 161 f. 457. Humbach H. Ъзопвх% und oo-exr,;.. // *ZfvS*. 1967. Bd 81, H.3,/4. 458. Johasen K. F. Solvskatten fra Terslev. ANH 1912. 459. Kalendo J. Zrodla pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy srodkowej w okresie rzymskim. // *PKW*. 460. Klanica Z. Prace klenotniku na slovanskyh hradistfch. Prage. 1974. Taf. II, 4. 461. Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Gottingen, 1896. 462. Kretschm er P. Zu den altesten Metallnamen. // *Glotta*. 1952/53. Bd 32. 463. Kuns I J. Cultural relation between Balkans and Indonesia. Amsterdam, 1954. 464. Leeming H. A Slavonic metal-name. // *RS*. 1978. T. XXXIX. 465. Leumann M. Homerische Worter. Basel, 1950. 466. Liidcrs H. Varuna: In 2 Bd. Bd 1. Gottingen, 1951. Bd 2. Gottingen, 1959. 467. Liiders H. Die magische Kraft der Wahrheit im alten Indien. // *ZDMG*. 1944. Bd 98. 468. Ludwig A. Aristrachs homerische Textkritik: In 2 Bd. Konigsberg, 1884. 469. Lund N. (Hrsg.). Two Voyagers at the Court of King Alfred. York, 1984. 470. Mayer A. Illyrischen. // *ZfvS*. 1939. Bd 66, 1(2). 471. Macinskij D. A. Die alteste zuverlassige urkundliche Erwahnung der Slawen und der Versuch sie mit den archaologischen Daten zu vergleichen. // *ES*. T. VI. Bratislava, 1974. 472. Michelbertas M. Pilkapiq tyrinejimai Zemaitijoje 1968-1969 metais // *AETL*. 1970. 473. Michelbertas M. Vienragiq pilkapyno tyrinejimai 1977 metais. // *Istorija*. XX (1). Vilnius, 1980. 474. Miodowicz K. Wspolczesne koncepcje lokalizacji pierwotnych siedzib slowian: Dane jŹzykoznawcze. // *ZNUJ*. T. DCCXXII, z. 19. Krakow, 1984. 475. Muller-Wille M. Das wikingerzeitliche Graberfeld von Thumby- Bienebek II. Neumiinster, 1987. S. 46-49. 476. Neugebauer W. Eine Drechsler Werkstatt in Alt-Lubeck aus der Zeit um 1100. // *Hammaburg*. T. 4. 1953/55. 477. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od poznego paleolitu do VII w. n. e. Wroclaw etc., 1973. 478. Okulicz L. Osadnictwo strefy wschodniobaltyckiej w I tys. p. n. e. Wroclaw etc., 1976. 479. Persson P. Beitrage zur indogermanischen Wortforschung: In 2 Bd. Leipzig, 1912. 480. Pritsak O. The Origin of Rus. Vol. 1. Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge (Massachusetts), 1981. 481. Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das La- dogagebiet. Stockholm, 1930. 482. Razwadowski J. Studia nad nazwami wod slowianskich. Krakow, 1948. 483. Safarewicz J. Archaizm slowotworczy w jŹzyku litewskim. // *PJ*. T. 3. Krakow, 1926. 484. Scherer A. Das Problem der indogermanischen Urheimat vom Standpunkt der Sprachwissenschaft. // *Die Urheimat der Indogermanen* / Hrsg. von A. Scherer. Darmstadt, 1947. 485. Schietzel K. Schleswig-Holstein in 150 archaologischen Funden. Neumiinster, 1986. N 120. 486. Schmidt B. Die spate Volkerwanderungszeit in Mitteleuropa. Halle, 1961. 487. Schmill R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. 488. Schulze G. Quaestiones epicae. Gueterslohiae, 1892. 489. Schwantes G. Die Jastorf-Zivilisation. // *RF*. Mainz, 1950. 490. Senn A. Slavic and Baltic Linguistic Relations. // *DB*. Uppsala/ Ed. by V. Riike-Dravika. 1970. 491. Skardzius P. Die slavischen Lehnworter im Altlitauischen. Kau-nas, 1931. 492. Skardzius P. Lietuviq kalbos zodziy daryba. Vilnius, 1943. 493. Solmsen F. Zur Geschichte des Dativs in den indogermanischen Sprachen. // *ZfvS*. 1911. Bd 44. 494. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Got-tingen, 1944. 495. Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromso, 1966. 496. Suliminski T. Cordet Ware and Globular Amphorae North-Easl of the Carpathians. London, 1968. 497. Suliminski T. Skythian Antiquities in Central Europe.

// AJ. T. XXV, N 1/2. 498. Svoboda B. Cechy v dobe stehovani narodu. Praha, 1965. 499. Szczukin M. B. Zabytki wielbarskie a kultura czarniachowska . // PKW. Siupsk, 1981. 500. Teodor D. Regiunile rasaritene ale Romaniei in sec. VI-VII. // MA. 1969. N 1. 501. Teodorescu V. Despre cultura Ipotești - Cindești in lumina cercetărilor arheologice . // SCIV. 1964. N 15 (4). 502. Tejral J. Skelettengraber aus Mistrin, Polkovici, Slapaniei und Tasov . // PA. 1973. N 64. 503. Toth E. Zur Geschichte des Nordpannonischen Raumes im V. und VI. Jh. . // Die Volker an der mittleren und unteren Donau im V. und VI. Jh. OAW. 145, 1980. 504. Valatka V. Zaduvėnė (Telsių raj.) pilkapių tyrinėjimai 1974 ir 1975 metais. // ATL. 1978. 505. Valatka V. Zastaučių (Mazeikių laj.) I-V amžių kapinynas. // ATL. 1978. 506. Vanagas A. Lietuvių hidronimų zodynas. Vilnius, 1981. 507. Vierck H. Ein Schmiedepfatz aus Alt-Ladoga und der praubane Handel zur Ostsee vor der Kikingerzeit. // MBAH. 1983. N 2. 508. Volkaite-Kulikauskiene R. Lietuvių tautybės susidarymas (archeologiniai duomenimis). // LIM. 1977 metai. Vilnius, 1978. 509. Wollers J. Die Granulation. Geschichte und Technik einer Goldschmiedekunst. München, 1986. 510. Werner J. Die Langobarden in Pannonien. München, 1962. 511. Whitelock D. English Historical Documents. 500-1042. Oxford, 1952 S 275 512. Wilson D., Klindt-Jensen O. Viking Art. New York, 1966. Pl. XXVII g. 513. Wolggiewicz R. Kultura pomorska a kultura oksywska. // Probiemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979. 514. Wolggiewicz R. Kultura wielbarska - problemy interpretacji etnicznej . // PKW. 515. Wolggiewicz R. Kultury oksywska i wielbarska. // PZP. T. V. 1981. 516. Wozniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław e. a., 1970. 517. Wozniak Z. Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictwa zabytków pochodzenia południowego . // Problemy kultury pomorskiej. Koszalin, 1979. 518. Zachrisson I. Smedsfindet från Smis. // Tor. 1962. N 8. ИСТОЧНИКИ 519. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Текст, перевод и комментарий под ред. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. 520. Плиний Старший. Естественная история / Мишулин А. В.. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. . // ВДИ. 1941. № 1. 521. Прок опий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950. 522. Птолемей Клавдий. Руководство по географии / Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. Э.. // ВДИ. 1941. № 1. 523. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии . // Тацит Корнелий. Соч. в 2 т. / Отв. ред. С. Л. Утченко. Т. 1. Л., 1969. 524. Euripides. Hupsipyle. / By G. W. Bond. Oxford, 1963. 525. Fornmanna sögur. 1928. Bd 11. Словари, енциклопедии 526. Грінченко Б. Словарь української мови. Київ. Т. I-IV. 1908- 1909. 527. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1955. 528. Дыялекталаґны атлас беларускай мовы. Мшск, 1963. 529. Словарь русских народных говоров. Т. 1-20. М.; Л., 1965- 1985. 530. Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Отв. ред. А. И. Першиц, Д. Трайде. М., 1986. 531. Топоров В. Н. Русский язык. Словарь. А-Д. М., 1975. I-K. М., 1980. 532. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1964-1973. 533. Berneker E. Slawisches etymologisches Worterbuch. Heidelberg, 1908. 534. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. Paris, 1959. 535. Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Praha, 1973. 536. Falk H. S., Torp A. Norwegisch-danisches etymologisches Worterbuch. Bd I-II. Heidelberg, 1910-1911. 537. Fraenkel E. Lietausches etymologisches Worterbuch. Bd I-II. Heidelberg; Göttingen, 1955-1965. 538. Die Germanen. Ein Handbuch in zwei Bänden. Bd I. Berlin, 1976. 539. Lietuvių kalbos zodynas. T. I-XIII. Vilnius, 1968-1984. 540. Lietuvių TSR archeologijos atlasas. In 4 t. T. 2 piliakalniai. Vilnius, 1975. 541. Muhlenbach K., Endzelin J. Lettisch-Deutsches Worterbuch., Bd I-IV. Riga, 1923-1946. 542. Mii Her F. Altitalisches Worterbuch. Göttingen, 1926. 543. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis zodynas. Vilnius, 1981. Архивные и музейные материалы. 544. Картотека Отдела археологии Черниговского исторического музея. 545. Конечский В. Я. Отчет об археологических работах Новгородского в 1982 г... // Архив ИА АН СССР. 546. Пономарев В. С. Новгородские сопки. // Архив ЛОИА. Ф. 35. № 155. 547. Ушинский В. А. Проблема этногенеза балтов по данным археологии- и лингвистики: Дипломное сочинение. 1981 (хранится на кафедре археологии ЛГУ). 548. Фонды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. № 10 754, 12 325. 549. Щукин М. Б. Полевой отчет за 1976 г.. // Научный архив ИА АН УССР. 550. Щукин М. Б. Полевой отчет за 1985 г.. // Научный архив ИА АН УССР.

Список сокращений

АИУ - Археологические исследования на Украине АН - Академия наук АО - Археологические открытия
АП - Археологічні пам'ятки БСИ - Балто-славянские исследования БД - Белорусские древности ВА - Вопросы антропологии ВДИ - Вестник древней истории ВИД - Вспомогательные исторические дисциплины ВСЯ - Вопросы славянского языкознания ВЯ - Вопросы языкознания ДАБМ - Дыялекталагічны атлас беларускай мовы ДГ - Древнейшие государства на территории СССР Д VI НК - Доклады VI научной конференции ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения ЗРАО - Записки Русского археологического общества З XIX КСЗФ - Зборник од XIX Конгресс на СЗФ ИОЛЕАЭ - Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии ИООИА - Известия общества обследования и изучения Азербайджана КСИА - Краткие сообщения Института археологии КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры МА БССР - Материалы по археологии Белорусской ССР МИА - Материалы и исследования по археологии СССР МСС - Международный съезд славистов НИС - Новгородский исторический сборник НС - Народно стваралаштво ПГКБ - Помнікі гісторыі і культуры Беларусі РФ - Русский фольклор СА - Советская археология САИ - Свод археологических источников СВУ - Середни вики на Україні СГАИМК - Сообщения Государственной академии истории материальной культуры СС - Скандинавский сборник СФ - Славянская филология С-79 ПФФ - Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии СЭ - Советская этнография. ТД X ВК - Тезисы докладов X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии ТД V МКСА - Тезисы докладов V Международного Конгресса славянской археологии ТИЭ - Труды Института этнографии ТПОКЭ - Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции ТрНИИА - Труды Научно-исследовательского института антропологии МГУ Тр VII МКАЭН - Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук ЭО - Этнографическое обозрение AAC - Acta archaeologica Carpathica AJ - Antiquaries journal AP - Archeologia Polski ATL - Archeologiniai tyrinejimai Lietuvoje AVAA - Archeoloski Vestnik Acta Archaeologica ANOH - Aarbeger for nordisk oldkundung oldkundighed og historie BzdL - Berichte zur deutsche Landeskunde DB - Donum Balticum ES - Ethnologica Slavica LIM - Lietuvos iistorijos metraštis LNUJ - Leszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego LTSR MAD - Lietuvos TSR Mokslu akademijoy darbai MA - Memoria Antiquitatis MLUHM - Meddelanden fran Lunds Universitetets Historiska Museum OAW - Osterreichisches Akademie der Wissenschaft PA - Pamiatky archeologichne PJ - Prace jezykoznawce PKW - Problemy kultury wielbarskiej PZP - Prahistoria ziem polskich RF - Reinecke-Festschrift RS - Rocznik slawistyczny SB - Studi Baltici ZDMG - Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft ZfvS - Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung

1 р. 90 к.

СЛАВЯНЕ

ЭТНОГЕНЕЗ
И ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ

Этногенез славянства, один из ключевых моментов мировой истории, предмет междисциплинарных исследований лингвистов, археологов, антропологов, историков, этнографов, фольклористов, объединенных Межфакультетским семинаром ЛГУ.

В сборнике „Славяне“ рассмотрены проблемы междисциплинарного синтеза, место и роль славянства в Европе, конкретные „модели“ славянского этногенеза, связанные с территорией лесной зоны нашей страны, с древнейших этапов и до становления древнерусской письменности. Сводка материалов и концепций характеризует достижения и поиски на передовых рубежах современной науки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

